947
H-564
1076
947
H564

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЁТСЯ

49

Пользоваться
только в читальном
зале.
На дом не
выдаётся.

147 до 30/V 76

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. пред. выдач

VI/922

Центральн. Школьн. Библиот.
Для Ряз. Губ. Отд. Народн. Прогресс.

ТИП. ГЛАЗУНОВА, СПБ.

ЦѢНА 50 К.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XVI-й.

П 84 г.
947
Н-564
[Нестор]
891
Л.52
Губ. Отд. Народн. Просвѣщ.

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА

СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ

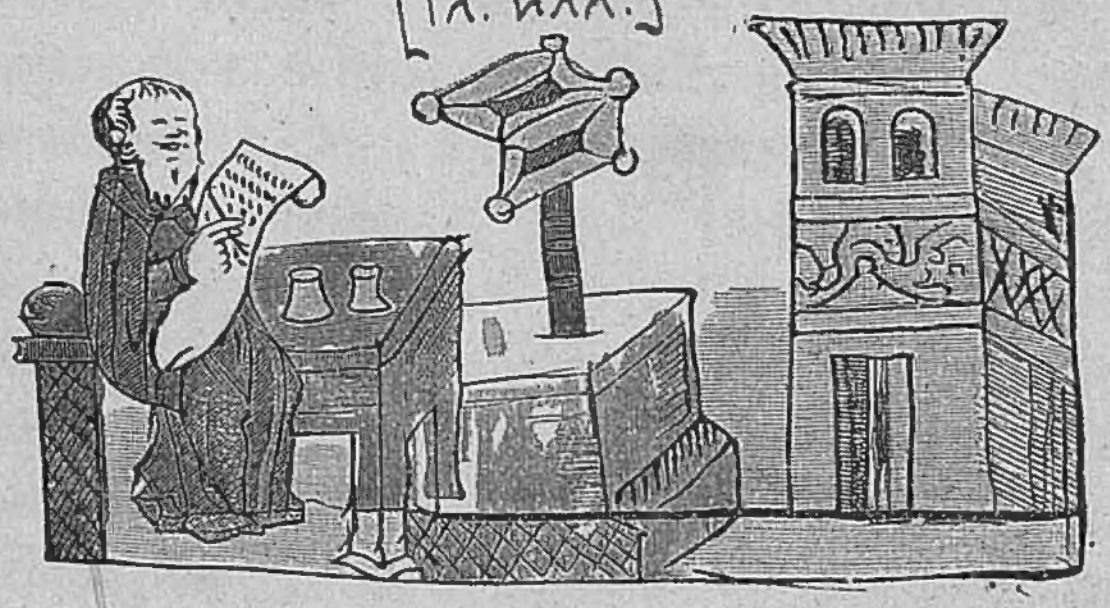
ПОУЧЕНІЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.

Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями.—Поученіе Владимира Мономаха.—Три объяснительныя статьи.—Словарь.

3-е исправленное изданіе И. Глазунова.

1-е изданіе рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и занесено въ каталогъ ученическихъ библіотекъ, и одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для ученическихъ библіотекъ духовныхъ семинарій.

[1л. илл.]
49
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Московск. Обл. Библиотеки



„Лѣтописецъ"—изъ Кенигсбергскаго списка древней лѣтописи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1912.

947
Л52

QUAERENDO

Предисловіе къ 1-му изданію.

Содержаніе настоящаго выпуска составляетъ важнѣйшая часть нашего лѣтописнаго свода — повѣсть временныхъ лѣтъ, оканчивающаяся 1110 годомъ. Текстъ напечатанъ по Лаврентьевскому списку въ томъ видѣ, т. е. съ исправленіями и дополненіями по другимъ спискамъ, какой представляетъ этотъ памятникъ въ послѣднемъ изданіи предпринятомъ археографической комиссіей (Спб. 1872) подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова. Изданіе это отличается слѣдующими особенностями: текстъ воспроизведенъ буква въ букву, съ сохраненіемъ даже грамматическихъ неправильностей, раскрыты лишь титла, гласныя: оу, ѡ, ѧ, ѩ и к замѣнены: у, о, я, е, и разставлены знаки препинанія, какъ того требуетъ смыслъ. Кромѣ того, внесены изъ побочныхъ списковъ пропущенныя мѣста, исправлены мѣста, явно испорченныя, и возстановлены слова и выраженія искаженныя. Въ настоящемъ учебномъ изданіи, мы позволили себѣ лишь исключить: мѣста, неудобныя въ педагогическомъ отношеніи, и тѣ немногія мѣста, содержаніе которыхъ, не представляя особеннаго значенія, могло быть выпущено безъ нарушенія цѣльности памятника. Наиболѣе необходимыя поясненія къ тексту приведены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Для объясненія отдѣльныхъ словъ и выраженій, въ концѣ книги, помѣщенъ небольшой словарь.

„Поученіе Владимира Мономаха“, по примѣру гр. Мусина-Пушкина (Спб. 1793), обыкновенно выдѣляемое изъ текста лѣтописи многими его позднѣйшими издателями и печатаемое отдѣльно, въ нашемъ изданіи помѣщено въ срединѣ повѣствованія о людяхъ, заточенныхъ Александромъ Македонскимъ въ горахъ, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ и гдѣ оставлено въ изданіи археографической комиссіи. Поученіе Мономаха и слѣдующее за нимъ Посланіе его-же къ Олегу Святославичу дошли до насъ въ единственной извѣстной намъ передачѣ лѣтописца, позаимствовавшаго ихъ, вѣроятно, изъ какого-нибудь сборника. Они составляютъ поэтому неотъемлемую принадлежность нашего лѣтописнаго свода и одно изъ лучшихъ въ немъ мѣстъ; выдѣлить ихъ въ особое произведеніе значило-бы совершенно произвольно нарушить цѣлость нашего знаменитаго памятника, лишивъ столь существенной его части. Кромѣ того, изучая Поученіе, какъ отдѣльное произведеніе, учащіеся могли-бы составить себѣ не вполнѣ точное понятіе какъ объ этомъ памятникѣ, такъ и о содержаніи и составѣ самой лѣтописи.

„Поученіе“ Владимира Мономаха имѣетъ прямую преемственную связь съ различнаго рода Домостроями, одной изъ редакцій которыхъ посвящена отдѣльная книга въ серіи „Русской Классной Библіотеки“ (№ 3). Поэтому при изученіи этой части нашей лѣтописи, весьма было-бы полезно обратиться къ Домострою Сильвестра и сравнить между собою эти два памятника, въ связи съ приведенными у насъ образцами древне-классическаго и западно-европейскихъ Домостроевъ. Что же касается нѣкоторыхъ

поученій изъ апокрифической литературы, Изборника Святослава и пр., которыя имѣютъ связь съ Поученіемъ Мономаха, то какъ ни интересно было-бы включить и ихъ въ общій кругъ сравниваемыхъ памятниковъ, мы полагаемъ, однако, что для этого едва-ли можетъ найтись достаточно времени у преподавателя средне-учебнаго заведенія; поэтому въ настоящемъ выпускѣ мы не помѣщаемъ никакихъ иныхъ произведеній для изученія сравнительно съ лѣтописью.

Въ качествѣ объяснительныхъ статей, избраны три отрывка изъ изслѣдованій: Терновскаго, Сухомлинова и Протопопова, посвященные вопросу объ источникахъ лѣтописи, выясненію ея характера, содержанія и значенія и, затѣмъ, „Поученію“ Владимира Мономаха.

1893.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Черезъ четыре года по выходѣ въ свѣтъ XVI вып. „Русской Классной Библіотеки“, появилось третье изданіе Лаврентьевской лѣтописи, предпринятое, какъ и первыя два изданія этого памятника, археографической комиссіей, подъ редакціей покойнаго Академика А. Ѳ. Бычкова. Текстъ Лѣтописи, въ настоящемъ изданіи нашемъ, тщательно свѣренъ съ текстомъ 1897 г. и, на основаніи послѣдняго, сдѣланы соотвѣтствующія поправки и довольно существенныя дополненія. Мы не могли не воспользоваться также напечатаннымъ во 2 приложеніи къ изд. арх. ком. вновь найденнымъ спискомъ „Поученія Владимира Мономаха“, въ которомъ впервые возстановленъ пропускъ 4-хъ строкъ, недостававшихъ въ самомъ началѣ этого памятника. Въ числѣ рукописей, принадлежащихъ археографической комиссіи, нашлась одна рукопись XV вѣка, въ которой, между прочимъ, помѣщено писанное полууставомъ конца XVIII вѣка „Поученіе“, изданное нынѣ во 2-мъ приложеніи. Подробное счисленіе отрывковъ по двумъ спискамъ „Поученія“ приводитъ къ несомнѣнному заключенію относительно подлинности втораго списка вообще, а слѣдовательно, и возстановляемаго имъ пропуска. Послѣдній въ нашемъ изданіи возстановленъ по этому списку [1]).

1903 г.

А. Ч.

---

[1]) См. статью проф. Будде объ этомъ изданіи въ „Рус. Фил. Вѣстн.“ за 1898 г., т. XXXIX, стр. 231.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Настоящее изданіе представляетъ воспроизведеніе предыдущаго, съ исправленіями лишь опечатокъ.

1912 г.

Издатель.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Предисловія къ 1-му, 2-му, и 3-му изданіямъ	I—VII
Лѣтопись Нестора	1—150
Поученіе Владимира Мономаха	117—129

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1) Источники лѣтописи, *Ф. А. Терновскаго*	150
2) Составъ и характеръ лѣтописи, *М. Н. Сухомлинова*. . .	159
3) Значеніе Поученія Владимира Мономаха, *С. Протопопова*.	176
4) Словарь.	191

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА

ПО СПИСКУ МОНАХА ЛАВРЕНТІЯ.

Се повѣсти времяньныхъ [1]) лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть.

Се начнемъ повѣсть сию.

По потопѣ трiе сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся въстокъ Симови: (перечень восточныхъ странъ). Хамови же вся полуденьная страна: (перечень южныхъ странъ). Афету же яшася полунощныя страны и западныя: (перечисленiе сѣверныхъ и западныхъ странъ).

Симъ же, и Хамъ, и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никомуже въ жребий братень, и живяху каждо въ своей части; бысть языкъ единъ. И умножившемъся человѣкомъ на земли, и помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и создаша столпъ тъ за 40 лѣтъ, и не свершенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече Господь: се родъ единъ и языкъ единъ. И съмѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ, Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту и въ ширину локоть 5433 локти, и в лѣта многа хранимъ останокъ. По размѣшеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ, прияша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны, Афетови же прияша

---

[1]) Прошлыхъ, прошедшихъ.

западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афетова, Нарци, еже суть Словѣне [1]).

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни: Хорвате Бѣлии, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския, и сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, инии Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ. И тако разидеся Словѣньский языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, из негоже озера потечетъ Волховъ и вътечетъ в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Волковьскаго лѣса, и потечеть на полъдне, а

---

[1]) Древн. форма, вм: Славяне (ѣ—я).

Двина ис того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское; ис того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское. Тѣмже и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и в Хвалисѣ, и на въстокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима-же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть в Понетьское море [1]) жереломъ, еже море словеть Руское, по немуже училъ святый Оньдрѣй [2]), братъ Петровъ, якоже рѣша [3]).

Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, увѣдѣ, яко ис Корсуня [4]) близь устье Днѣпрьское, и въсхотѣ поити в Римъ и проиде въ вустье Днѣпрьское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: „видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ воспяеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать“. И въшедъ на горы сія, благослови я, и постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ [5]). И приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють, и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варяги, и приде в Римъ, и исповѣда, елико научи и елико виде, и рече имъ: „дивно видѣхъ въ землѣ Словеньстѣ идущю ми сѣмо; видѣхъ бани древены, и пережыгуть я рамяно, и совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасомъ усняномь, и возмуть на ся прутье младое, и бьють ся сами, и того ся добьють, едва слѣзуть лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако оживуть [6]); и то творять по вся дни немучими ни-

---

[1]) Понтъ-море, Черное море.
[2]) Мѣстное произношеніе Андрей.
[3]) Какъ говорятъ.
[4]) Синопъ и Корсунь—греческія поселенія въ Крыму.
[5]) Вверхъ по Днѣпру.
[6]) Ироническое описаніе бани.

кимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье". Слышащеи же се дивляхуся. Оньдрѣй же, бывъ в Римѣ, приде в Синопию.

Полемъ же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху. Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кий на горѣ, идѣ же нынѣ оувозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, идѣ же нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоривица; и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. И бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь [1]), бяху мужи мудри и смыслени, и нарицахуся Поляне, отъ нихъ же суть Поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оноя стороны Днѣпра, тѣмь глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше въ родѣ своемь: и приходившю ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь приялъ есть отъ царя, при которомь приходивъ цари; идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто и сруби [2]) градокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии; еже и донынѣ наричють Дунайци городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой сконча; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в Поляхъ, а в Деревляхъ [3]) свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Поло-

---

[1]) Бяху ловяща—ловили.

[2]) Выстроилъ.

[3]) Древлянахъ.

чане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ наверхъ Волги, и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленьскъ; тудѣ бо сѣдятъ Кривичи. Таже сѣверъ отъ нихъ на Бѣлѣозерѣ сѣдятъ Весь, а на Ростовьскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же. А по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ втечеть въ Волгу, Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Моръдва свой языкъ. Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Велыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Моръдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь [1]); си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живуть въ странахъ полунощныхъ.

Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуѳъ [2]), рекше отъ Козаръ, рекомій Болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, и населници [3]) Словѣномъ быша. Посемь придоша Угри Бѣлии, и наслѣдиша землю Словѣньску; си бо Угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя царя Перьскаго. Въ си же времяна быша и Обри [4]), иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша Си же Обри воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, аще поѣхати будяше Обърину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повезти Обърѣна; и тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и умомь горди, и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдъка. По сихъ же придоша

---

[1]) Перечисленіе народовъ, относящихся къ племенамъ—славянскимъ, литовскимъ и финскимъ.

[2]) Скиѳъ.

[3]) Поселенцы.

[4]) Обри—народъ рослый; самое имя у западн. славянъ служит. нарицательн. великана. Иначе Авары.

Печенези; паки идоша Угри Чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ [1]).

Поляномъ же живущимь особѣ, якоже рекохомъ, сущимъ отъ рода Словѣньска, и нарекошася Поляне, а Деревляне отъ Словѣнъ же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата в Лясѣхъ, Радимъ, а другий Вятко; и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи. И живяху в мирѣ Поляне, и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичи, Вятичи и Хорватѣ. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне, и Улучи и Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гряди ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ... брачныи обычан имяху: не хожаше зять [2]) по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уводы [3]) дѣвица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсахъ, якоже и всякий звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; а браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съ вѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и посемь творяху кладу [4]) велику, и възложахуть и на кладу мертвеца сожьжаху, и по-

---

[1]) При *Ольгѣ*, отъ *Ольгъ*.

[2]) Женихъ.

[3]) Обычай умыканія, т. е. похищенія невѣсты у воды.

[4]) Костеръ.

семь собравше кости, вложаху в судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ.

Глаголетъ Георгій (Амартолъ) въ лѣтописаньи: ибо космуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане законъ безаконьникомъ отечьствіе мнится (перечисляются законы и обычаи разныхъ народовъ). Мы же хрестіане, елико земль, иже вѣруютъ въ святую Троицю и въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея, быша обидимы Древлями и инѣми околними, и наидоша я Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша Козари: „платите намъ дань“. Съдумавше-же Поляне и вдаша отъ дыма[1]) мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ и рѣша имъ: „се налѣзохомъ дань нову“. Они же рѣша имъ: „откуду?“ они же рѣша: „въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою“. Они же рѣша: „что суть въдали?“ Они же показаша мечь. И рѣша старци Козарьстии: „недобра дань, княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною остромь, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ“. Се же сбысться все; не отъ своея воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья. Яко и при Фаравонѣ цари Еюпетьстѣмъ, егда приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣйшина Фараоня: сей хощетъ смирити область Еюпетьскую, якоже и бысть: погибоша Еюптяне отъ Моисѣя, а первое быша работающе имъ; такъ и си владѣша, а послѣже самѣми владѣютъ; якоже и бысть, володѣютъ бо Козары Русьскии князи и до днешняго дне.

852. Въ лѣто 6360, индикта[2]) 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семь бо

---

[1]) Дымъ—жилье, домъ.

[2]) Періодъ въ 15 лѣтъ.

увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ. Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ. (Далѣе слѣдуетъ хронологія).

853. Въ лѣто 6361.

854. Въ лѣто 6362.

855. Въ лѣто 6363.

856. Въ лѣто 6364.

857. Въ лѣто 6365.

858. Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на Болгары; Болгаре же увидѣвше, яко не могоша стати противу, крестится просиша и покорится Грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ сотвори с Болгары.

859. Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на Всѣхъ и на Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣй вѣвericѣ отъ дыма.

860. Въ лѣто 6368.

861. Въ лѣто 6369.

862. Въ лѣто 6370. Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бо володѣлъ нами и судилъ по праву“. И идоша за море к Варягомъ, к Руси, сице бо тии зваху ся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте тако и си. Рѣша Руси Чюдь, и Словѣни, и Кривичи и вси: „земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣти княжить и володѣти нами“. И изъбрашася 3 братья съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ Новѣгородѣ, а другий Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третий Изборьстѣ Труворъ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля, Новугородьци, ти суть людье Новогородьци отъ рода Варяжьска,

преже бо бѣша Словѣни. По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ; и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а перьвии насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотьстѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь[1]), въ Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Цариюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ и упрошаста и рѣста: „чий се градокъ?“ Они же рѣша: „была суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Козаромъ“. Асколдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ, и многи Варяги свокуписта, и начаста владѣти Польскою землею. Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ.

863. Въ лѣто 6371.

864. Въ лѣто 6372.

865. Въ лѣто 6373.

866. Въ лѣто 6374, иде Асколдъ и Диръ на Греки, и приидоша въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отведшю на Огаряны[2]) и дошедшю ему Черные рѣки, вѣсть епархъ посла к нему, яко Русь на Царьгородъ идетъ, и вратися царь. Си же внутрь Суду[3]) вшедше, много убійство крестьяномъ створиша, и въ двою сту корабль Царьградъ отступиша. Царь же едва въ градъ вниде, и съ патреярхомъ съ Фотьемъ приде къ сущей церкви святѣй Богородицѣ Влахѣрнѣ и всю нощь молитву створиша, таже божественную святыя Богородица ризу с пѣсньми изнесъше в рѣку омочиша, тишинѣ сущи и морю укротившюся, абье буря въста с вѣтромъ, и волнамъ вельямъ въставшимъ засобь безбожныхъ Руси ко-

---

[1]) Финское племя Весь.

[2]) Арабы.

[3]) Гавань цареградская.

рабля смяте, и к берегу приверже, и изби я, яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути, и въсвояси взъвратишася.

867. Въ лѣто 6375.

868. Въ лѣто 6376. Поча царствовати Василій.

869. Въ лѣто 6377. Крещена бысть вся земля Болъгарьская.

870. Въ лѣто 6378.

871. Въ лѣто 6379.

872. Въ лѣто 6380.

873. Въ лѣто 6381.

874. Въ лѣто 6382.

875. Въ лѣто 6383.

876. Въ лѣто 6384.

877. Въ лѣто 6385.

878. Въ лѣто 6386.

879. Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми.

880. Въ лѣто 6388.

881. Въ лѣто 6389.

882. Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленьску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужь свои; оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужъ свои. И придоста къ горамъ Киевьскимъ, и увѣда Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, и похорони вои в лодьяхъ, а другія назади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и посла ко Асколду и Дирови, глаголя: „яко гость[1]) есмь, и идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта к намъ к родомъ своимъ“. Асколдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: „вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа“, и

---

[1]) Купецъ.

вынесоша Игоря, „а се есть сынъ Рюриковъ“. И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветъ Угорьское, кдѣ нынѣ Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ церковь святаго Николу, а Дирова могила за святою Ориною. И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: „Се буди мати градомъ Русьскимъ“. И бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ [1]) 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ.

883. Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ а имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ.

884. Въ лѣто 6392. Иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему“.

885. Въ лѣто 6393. Посла къ Радимичемъ рька: „кому дань даете?“ Они же рѣша: „Козаромъ“. И рече имъ Олегъ: „не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“, и въдаша Ольгови по щьлягу, якоже и Козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, и Сѣверены и Радимичи, а сь Уличи и Тѣверци имяше рать.

886. Въ лѣто 6394.

887. Въ лѣто 6395. Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6.

888—897. Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6398. Въ лѣто 6399. Въ лѣто 6400. Въ лѣто 6401. Въ лѣто 6402. Въ лѣто 6403. Въ лѣто 6404. Въ лѣто 6405. Въ лѣто 6406. Идоша Угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветъ нынѣ Угорьское, и пришедъше къ Днѣпру сташа вежами [2]); бѣша бо ходяще аки

---

[1]) Гривна—древне русская монетная единица.

[2]) Шатрами.

се Половци. Пришедше отъ въстока и устремишася черезъ горы великія, яже прозвашася горы Угорьскія, и почаша воевати на живущая ту Волохи и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волохове пріяша землю Словеньску; посемъ же Угри прогнаша Волъхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ Словѣны, покорившe я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати Угри на Греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня; и начаша воевати на Мораву и на Чехи. Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Морава, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомоя Русь. Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская, яже грамота есть в Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.

Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу, глаголюще: „земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ-бо ни Гречьску языку, ни Латыньску; они бы ны инако учать, а они бо ны и инако; тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ. И послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ“. Се слышавъ царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словѣньскихъ князь. И рѣша философи: „есть мужь въ Селуни, именемъ Левъ, и суть у него сынове разумими языкъ Словѣньску, хитра два сына у него философа“. Се слышавъ, царь посла по ня въ Селунь ко Львови, глаголя: „посли к намъ въскорѣ сына своя Меѳодія и Костянтина“. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: „се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы могълъ имъ протолковати святыя книги; сего бо желаютъ“. И умолена быста царемъ, и посла я въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Кѣцьлови. Сима же пришодъшема, начаста съставляти писмена азъбуковьная Словѣньски, и преложиста Апостолъ и

Еуангелье; и ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ. Посемъ же преложиста Псалтырь и Охтаикъ, и прочая книги. И всташа нѣціи на ня ропщюще и глаголюще: „яко не достоить никоторому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ Еврѣи, и Грекъ, и Латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа“. Се же слышавъ папежь Римскій, похули тѣхъ, иже ропьщютъ на книги Словеньскія, река: „да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вся языци; другое же: вси възъглаголють языки величья Божья, якоже дасть имъ святый Духъ отвѣщевати; да аще кто хулить Словеньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ церкве, донде ся исправить; ти бо суть волци, а не овца, яже достоить отъ плода знати я и хранитися ихъ. Вы же, чада Божья, послушайте ученья и не отрините наказанья церковнаго, якоже вы наказалъ Меѳодій учитель вашь“. Костянтинъ же възвратися въспять, и иде учитъ Болгарьскаго языка, а Меѳодій оста въ Моравѣ. Посемъ же Коцелъ князь постави Меѳодья епископа въ Панін, на столѣ святаго Онъдроника апостола единого отъ 70, ученика святаго апостола Павла. Меѳодій же посади 2 попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь отъ Гречьска языка въ Словѣнескъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Окончавъ же достойну хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать епископу Меѳодью, настольнику Анъдроникову. Тѣмже словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ апостолъ, въ Моравы бо ходилъ: и апостолъ Павелъ, училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бѣша Словѣне первое. Тѣмже и Словѣньску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есмо Русь, тѣмже и намъ Руси учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ Словѣнескъ и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника Словѣньску языку. А Словѣньскый языкъ и Рускый одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ. Полями же

прозвани быша зане въ полѣ сѣдяху, а языкъ Словеньски имъ единъ.

898—901. Въ лѣто 6407. Въ лѣто 6408. Въ лѣто 6409. Въ лѣто 6410. Леонъ царь ная Угры на Болгары, Угре же нашедше всю землю Болгарьску плѣноваху; Семионъ же увѣдѣвъ на Угры възратися, и Угре противу поидоша и побѣдиша Болгары, яко одва Семионъ въ Деръстръ убѣжа.

902. Въ лѣто 6411. Игореви-же възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Пьскова, именемъ Олгу.

903—906. Въ лѣто 6412. Въ лѣто 6413. Въ лѣто 6414. Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы, Игоря оставивъ Киевѣ; поя же множество Варягъ, и Словѣнъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны [1]) и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци яже суть *Толковины*[2]): си вся звахуться отъ Грекъ Великая Скуѳь. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и на кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблей 2000, и прииде къ Цариграду; и Греци замкоша Судъ[3]), а градъ затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убійство сотвори около града Грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церквы; а ихъ же имаху плѣнникы, овѣхъ посѣкаху, другия же мучаху, иныя же разстрѣляху, а другыя въ море вметаху, и ина многа зла творяху Русь Грекомъ, елико же ратнии творять. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставити на колеса корабля; и бывшю покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше Греци и убояшася и рѣша, выславше ко Олгови: „не погубляй града, имемъся по дань, якоже хощеши“. И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не прія его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася Греци и рѣша: „нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей,

---

[1]) Деревляны—полногласная форма, вм. древляне.
[2]) Строевъ читаетъ „Волыняне“.
[3]) Судъ—цареградская гавань. *См. стр. 9.*

посланъ на ны отъ Бога“. И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь; и яшася Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкые земли. Олегъ же мало отступивъ отъ града, нача миръ творити со царьма Грецкима, со Леономъ и Александромъ, посла къ нима въ градъ Карла, Фарлоѳа, Вельмуда, Рулава и Стемида [1]), глаголя: „имите ми ся по дань“. И рѣша Греци: „чего хощеши дамы ти“. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 корабль, по двѣнадцать гривенъ на ключъ [2]), и потомъ даяти уклады на Рускыа грады: первое на Кіевъ, таже на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полтѣскъ [3]) и на Ростовъ, и на Любечь и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиции князи подъ Ольгомъ суще: „да приходячи Русь слюбное [4]) емлють, елико хотя„чи, а иже придутъ гости, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, „хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощь; и да творять имъ „мовь [5]), елико хотять; поидучи же домовь, въ Русь, да ем„лють у царя нашего на путь брашно, и якори, и ужа [6]), и „парусы, и елико имъ надобе“. И яшася Греци, и рѣста царя и боярьство все: „аще пріидуть Русь безъ купли, да не взи„маютъ мѣсячины; да запретить князь словомъ своимъ при„ходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в „странѣ нашей; приходяще Русь да витаютъ у святаго Ма„мы [7]), и послеть царьство наше, и да испишють имена ихъ, „и тогда возьмуть мѣсячное свое,—первое отъ города Кіева, „и паку изъ Чернигова и изъ Переяславля, и прочія гради, „и да входять в градъ одними вороты со царевымъ мужемъ,

---

[1]) Германскія имена членовъ варяжской дружины.

[2]) Т. е. на корабль, имѣвшій багоръ, которымъ судно притягивалось къ берегу.

[3]) Полоцкъ.

[4]) Отъ *сълъ*—посолъ: слѣдующее посламъ.

[5]) Мовь—омовеніе, баня.

[6]) Ужа, канатъ, веревка.

[7]) Предмѣстье города.

„без оружья, мужь 50; и да творять куплю, якоже имъ „надобе, не платяче мыта ни в чемъ же. Царь же Леонъ [1]) „со Олександромъ миръ сотвориста со Олгомъ, имшеся по дань „и ротѣ [2]) заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ, а „Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася „оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ „скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ". И рече Олегъ: „испшийте парусы паволочиты Руси, а Словѣномъ кропиньныя", и бысть тако; и повѣси щитъ свой въ вратехъ, показуа побѣду, поиде отъ Царяграда. И воспяша Русь парусы паволочиты, а Словѣне кропиньны, и раздра а вѣтръ; и рѣша Словѣни: „имемся своимъ толстинамъ, не даны суть Словѣ„номъ прѣ кропинныя". И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга вѣщій: бяху бо людіе погани и невѣголоси [3]).

907—910. Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ.

911. Въ лѣто 6420. Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити рядъ межю Русью и Грекы, глаголя: „Равно другаго свѣщания, бывшаго при тѣхъ же цархъ Лва и Александра. Мы отъ рода Рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоѳъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидулъ, Фостъ, Стемидъ, иже послани отъ Олга, великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь, и его великихъ бояръ, к вамъ, Лвови и Александру и Костянтину, великимъ о Бозѣ самодержьцемъ, царемъ Греческымъ, на удержание и на извѣщение отъ многихъ лѣтъ межи Хрестианы и Русью бывьшюю любовь, похотѣньемъ нашихъ великихъ князь

---

[1]) Левъ VI Философъ, сынъ императора Василія Македонянина, императоръ Византійскій.

[2]) Рота—клятва.

[3]) Погани (paganus)—язычники и невѣжды.

339284

и по повелѣнію отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати извѣстити такую любовь, бывшую межи Хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, но и писаніемъ и клятвою твердою кленшеся оружьемъ своимъ, такую любовь утвердити и известити по вѣрѣ и по закону нашему. Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣрѣ и о любви, главы таковыа: по первому убо слову да умиримся с вами, Грекы, да любимъ другъ друга отъ всеа душа и изволениа, и не вдадимъ, елико наше изволение, быти отъ сущихъ подь рукою нашихъ князь свѣтлыхъ никакому же соблазну или винѣ; но подщимся, елико по силѣ, на сохранение прочихъ и всегда лѣтъ съ вами, Грекы, исповѣданиемъ и написаниемъ со клятвою извѣщаемую любовь непревратну и непостыжну. Такоже и вы, Грекы, да храните таку же любовь ко княземъ нашимъ свѣтлымъ Рускымъ и ко всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего, несоблазну и непреложну всегда и въ вся лѣта. А о главахъ, иже ся ключитъ проказа, урядимся сице: да елико явѣ будеть показаніи явленными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи; а ему же начнуть не яти вѣры; да кленеться часть та, иже ищеть неятью вѣры; да егда кленеться по вѣрѣ своей, и будеть казнь, якоже явиться согрѣшенье о семъ. Аще кто убьеть или хрестьанина Русинъ или хрестьянинъ Русина, да умреть, идѣже аще сотворить убійство. Аще ли убѣжить сотворивый убійство, да аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, да возметь ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть толицемь же пребудеть по закону; аще ли есть неимовитъ сотворивый убой и убѣжавъ, да держиться тяжи дондеже обрящеться, яко да умреть. Аще ли ударить мечемъ или убьетъ кацѣмъ любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону Рускому; аще ли неимовитъ тако сотворивый, да вдасть елико можеть, и да соиметь съ себе и ты самые порты, в нихъ же ходить, да о процѣ да ротѣ хо-

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Московск. Обл. Библиотеки

дить своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа отолѣ не взыскаема о семъ. Аще украдеть что Русинъ любо у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у Русина, и ятъ будеть в томъ часѣ тать, егда татбу сътворить, отъ погубившаго что любо, аще приготовиться, тать творяй, а убьенъ будеть, да не взищеться смерть его ни отъ хрестьанъ, ни отъ Руси; но паче убо да возметь свое, иже будеть погубилъ. Аще вдасть руцѣ свои украдый, да ятъ будеть тѣмъ же, у него же будеть украдено, и звязанъ будеть, и отдасть тое, еже смѣ створити и сотворитъ триичи о семъ. Аще кто отъ хрестьанъ, или отъ Руси мученья образомъ искусъ творити, и насильемъ явѣ возметь что любо дружне, да въспятить троиче. Аще выверженa будеть лодья вѣтромъ великимъ на землю чюжю, и обрящуть ся тамо иже отъ насъ Руси, да аще кто идеть снабдѣти лодію с рухломъ своимъ и отослати паки на землю хрестьаньскую, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже прiидеть въ бестрашное мѣсто; аще ли таковая лодья ли отъ буря, или бороненiя земнаго боронима, не можеть возборонитися въ своа сi мѣста, спотружаемся гребцемъ тоя лодья мы, Русь, допроводимъ с куплею ихъ поздорову, ти аще ключиться близъ земля Грецкаа; аще ли ключиться такоже проказа лодьи Руской, да проводимъ ю в Рускую землю, да продаютъ рухло тоя лодьи, и аще что можеть продати отъ лодья, во волочимъ мы, Русь; да егда ходимъ въ Грекы, или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему, да пустимъ с честью проданное рухло лодьи ихъ; аще ли ключиться кому отъ лодьи убьену быти отъ насъ, Руси, или что взято любо, да новинни будуть то створшии прежереченною епитемьею, отъ тѣхъ. Аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящеться ли Русинъ ли Гречинъ, да искупятъ и възратять искупное лице въ свою сторону, и возмуть цѣну его купящiи, или мниться в куплю на день челядиннаа цѣна; такоже аще отъ рати ятъ будеть отъ тѣхъ Грекъ, такоже да воз-

ратится въ свою страну, и отдана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля. Егда же требуетъ на войну ити, и сіи хотять почтити царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ приидетя, и хотять остатися у царя вашего своею волею да будуть. Отъ Руси отъ полоненіи, множайши отъ коеа любо страны пришедшимъ в Русь и продаемыхъ въ хрестьаны, и еще же и о хрестьанехъ о полоненыхъ отъ коея любо страны приходящимъ в Русь, се продаеми бывають по 20 золота, и да приидуть въ Грекы. О томъ аще украденъ будеть челядинъ Рускый, или ускочить, или по нужи проданъ будеть, и жаловати начнуть Русь, да покажеть ся таковое отъ челядина и да поимуть и в Русь; но и гостие аще погубиша челядинъ и жалують, да ищуть, обрѣтаемое да поимуть е́; аще ли кто искушенья сего не дасть створити, мѣстникъ да погубить правду свою. И о работающихъ бо Грекохъ Руси у хрестьанскаго царя. Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци своихъ не имать, да възратиться имѣніе к малымъ ближикамъ в Русь; аще ли сотворить обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будеть писалъ наслѣдити имѣнье его, да наслѣдить è отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ во Греки и удолжающихъ. Аще злодѣй не възратиться в Русь, да жалують Русь хрестьянскому царству, и ятъ будеть таковый и възвращенъ будеть, не хотя, въ Русь. Си же вся да створять Русь Грекомъ, идѣже аще ключиться таково. На утверженье же неподвижние быти меже вами хрестьаны и Русью, бывший миръ сотворихомъ Ивановымъ написаниемъ на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго Бога вашего извѣсти и дасть нашимъ посломъ; мы же кляхомся ко царю вашему иже отъ Бога суще яко Божие здание по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ, ни оному отъ страны нашея отъ уставленыхъ главъ мира и любви. И таковое написанне дахомъ царства вашего на утвержение обоему пребывати таковому совѣщанию,

*

на утвержение и на извѣшание межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентебря 2, недѣли 15, въ лѣто созданія мира 6420“.

Царь же Леонъ почти послы Рускые дарми, златомъ, и паволоками, и фофудьями [1]) и пристави к нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, и полаты златыа и в нихъ сущаа богатество, злато много и паволоки и камьнье драгое, и страсти Господня, и вѣнець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаще я к вѣрѣ своей и показующе имъ истиную вѣру, и тако отпусти а во свою землю с честию великою. Послании же Олгомъ посли приидоша ко Олгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не приступити ни Грекомъ, ни Руси. И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не всѣдати на нь [2]), бѣ бо въпрашалъ волъхвовъ и кудесникъ: „Отъ чего ми есть умрети?“ И рече ему кудесникъ одинъ: „княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети“. Олегъ же пріимъ въ умѣ, си рече: „николи же всяду на нь, ни вижу его болѣ того;“ и повелѣ кормити и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣтъ не видѣ его, дондеже на Грекы иде. И пришедшу ему к Кыеву и пребывьшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ него же бяхуть рекли волсви умрети, и призва старейшину конюхомъ, рече: „кое есть конь мъй, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?“ Онъ же рече: „умерлъ есть“. Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: „то ти неправо глаголють волъсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ“. И повелѣ осѣдлати конь: „а то вижю кости его“. И приде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмѣяся рече: „отъ сего ли лба смьрть было взяти мнѣ?“ и въступи ногою на лобъ; и вы-

---

[1]) Одежды.

[2]) Нь—ь. вм. и, съ призвукомъ н—него.

никнувши змиа изо лба и уклюну в ногу, и съ того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова[1]). И бысть всѣхъ лѣтъ княженiа его 33.

Се же дивно, яко отъ волхованья собывается чародѣйство, якоже бысть во царство Доментiаново: нѣкiй волхвъ, именемъ Аполонiй Тiянянинъ, знаемъ бѣяше шествуя и творя всюду и въ градѣхъ и въ селехъ бѣсовьскаа чюдеса: отъ Рима бо пришедъ въ Византiю, умоленъ бывъ отъ живущихъ ту, сотвори сiя: отгнавъ множество змий и скорпий изъ града, яко не врежатися человѣкомъ отъ нихъ; ярость коньскую обуздавъ, егда ссхожахуся боаре. Такоже и во Антиохию пришедъ, и умоленъ бывъ отъ нихъ, томимомъ бо Антиахия номъ отъ скорпий и отъ комаръ, сотворивъ мѣдянъ скорпий и погребе его в земли, и малъ столпъ, мраморенъ постави надъ нимъ, и повелѣ трость держати человѣкомъ, и ходити по городу и звати, тростемъ трясомомъ: „безъ комара граду“, и тако исчезнуша изъ града скорпия и комарье. И просиша же паки о лежащимъ на градѣ трусѣ въздохну, списа на дщицѣ сiя: „увы тобѣ, оканьный граде, яко потрясешися много, и огнемъ одержимъ будеши, оплачеть же тя и при березѣ сый Оронтий. О немъ же и великiй Анастасiй Божья града рече: „Аполонию же даже и донынѣ на нѣцехъ мѣстехъ собываються створенаа стоащаа, ова на отвращение

---

[1]) Такое же сказанiе встрѣчается и въ скандинавскихъ сагахъ о Норвежскомъ Оддурѣ. Послѣ многолѣтняго отсутствiя, воротившись въ Норвегiю, Оддуръ сказалъ своей дружинѣ: „Посмотримъ на погрязшiй въ болото курганъ, подъ которымъ погребли мы коня Факса“. Пришедши же къ кургану, сказалъ: „теперь нѣтъ уже никакой опасности отъ предсказанiя ворожеи, угрожавшей мнѣ смертiю отъ Факса“. Между тѣмъ, загорѣлось болото и никакихъ слѣдовъ не осталось отъ кургана: лежала только голая гнилая голова коня. Увидѣвъ ее, онъ сказалъ: „Узнаете ли голову коня?“ Кругомъ стоящiе подтвердили. „И это Факсова голова!“ Тутъ выскочила изъ конской головы змѣя (ящерица) и уязвила его въ пяту, отчего все тѣло его заразилось ядомъ. (Буслаевъ).

животенъ четверногъ, птицамъ, могущимъ вредите человѣкы, другыя же на воздержание струамъ рѣчнымъ, невоздержанно, текущимъ, но ина нѣкаа на тлѣнье и вредъ человѣкомъ сущая на побѣжение стоать. Неточью бо за живота его така и таковая сотвориша бѣсове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знамениа творяху во имя его на прелщение оканнымъ человѣкомъ, больма крадомымъ на таковаа отъ дьявола“. Кто убо что речеть о творящихъ ся волшвенымъ прелщениемъ дѣлехъ? яко таковый гораздъ бысть волшествомъ, яко выну зазряще вѣдый Аполонiй, яко неистовъ на ся философескую хитрость имуще; подобашеть бо ему, рещи, якоже азъ словомъ точью творити, ихже хотяше, а не свершениемъ творити повелѣваемаа отъ него. Такоже и вся ослабленьемъ Божьимъ и твореniемъ бѣсовьскимъ бываеть, таковыми вещьми искушатися нашеа православныа вѣры, аще тверда есть и крѣпка, пребывающи Господеви и не влекома врагомъ мечетныхъ ради чюдесъ и сотонинъ дѣлъ, творимыхъ отъ врагъ и слугъ злобы. Еще же но именемъ Господнимъ пророчествоваша нѣции, яко Валамъ, и Саулъ, и Каиафа, и бѣси паки изгнаша, яко Iюда и сынове Скевави. Убо и не на достойныхъ благодать дѣйствуетъ многажды, да етеры свидѣтельствуеть, ибо Валамъ обоихъ бѣ щюжь, житья изящна и вѣры, но о обаче съдѣйствова в немъ благодать инѣхъ ради смотрѣниа. И Фараонъ таковый бѣ, но и тому будущаа предпоказа. И Новходоновсоръ законопреступный, но и сему паки по мнозѣхъ сущихъ послѣдиже родѣхъ откры, тѣмъ являя, яко мнози, прекостни имуще умъ, предъ образомъ Христовымъ знамения творять иною кознью на прелесть человѣкомъ не разумѣвающимь добраго, якоже бысть Симонъ волхвъ, и Менандръ и ини таковы, ихъ ради, по истинѣ, рече: не чюдесы прелщати.

913. Въ лѣто 6421. Поча княжити Игорь по Олзѣ. В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти.

914. Въ лѣто 6422. Иде Игорь на Деревляне, и побѣдивъ а, и возложи на ня дань болши Олговы. Въ то же лѣто ирiиде Семионъ Болгарьскiи на Царьградъ, и сотворивъ миръ и прииде восвояси.

915. Въ лѣто 6423. Пріидоша Печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игоремъ, и придоша къ Дунаю. Въ си же времена прииде Семионъ плѣняя Θракію, Греки же послаша по Печенѣги; Печенѣгомъ пришедшимъ и хотящимъ на Семеона, разсварiшася Греческыя воеводы; видѣвше Печенѣзи, яко сами на ся рать имуть, отъидоша въсвоясы, а Болгаре со Грекы соступишася, и пересѣчени быша Грекы, Семионъ же прия градъ Ондрѣнь, иже первое Арестовъ градъ нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже во трехъ рѣкахъ купався недуга избы, ту сего ради градъ во имя свое нарече, послѣди-же Андрианъ кесарь и обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовемъ Андрѣянемъ градомъ.

916—920. Въ лѣто 6424. Въ лѣто 6425. Въ лѣто 6426. Въ лѣто 6427. Въ лѣто 6428. Поставленъ царь Романъ въ Грекохъ. А Игорь воеваше на Печенѣги.

921—929. Въ лѣто 6429. Въ лѣто 6430. Въ лѣто 6431. Въ лѣто 6432. Въ лѣто 6433. Въ лѣто 6434. Въ лѣто 6435. Въ лѣто 6436. Въ лѣто 6437. Приде Симевонъ на Царьградъ, и поплѣни Фракию и Макидонью, и приде ко Царюграду въ силѣ въ велицѣ, въ гордости, и створи миръ съ Романомъ царемъ, и възратися въсвояси.

930—934. Въ лѣто 6438. Въ лѣто 6439. Въ лѣто 6440. Въ лѣто 6441. Въ лѣто 6442. Первое придоша Угре на Царьградъ, и плѣноваху всю Фракiю; Романъ сотвори миръ со Угры.

935—941. Въ лѣто 6443. Въ лѣто 6444. Въ лѣто 6445. Въ лѣто 6446. Въ лѣто 6447. Въ лѣто 6448. Въ лѣто 6449. Иде Игорь на Греки, яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ скѣдiй [1]) 10 тысящь. Иже придо-

---

[1]) Судна.

ша, и приплуша и почаша воевати Вефиньскія страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше, и Судъ весь пожьгоша; ихъ же емше, овѣхъ растинаху, другія аки страньі [1]) поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть имъ; много же святыхъ церквий огневи предаша, монастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало отъ обою страну взяша. Потомъ же пришедъшемъ воемъ отъ въстока. Панфиръ деместикъ съ 40-ми тысящь, Фока же патрекій съ Макидоны, Ѳедоръ же стратилатъ съ Фраки, съ ними же и сановници боярьстии, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша въружившеся, на Греки, и брани межю ими бывши зьли одва одолѣша Грьци; Русь же възратишася къ дружинѣ своей къ вечеру, и на ночь влѣзоша в лодьи и отбѣгоша. Феофанъ же [2]) сустрѣте я въ олядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ Рускія, и бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вметахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочіи възъвратишася въсвояси. Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и о лядьнѣмь огни: „якоже молонья“, рече, „иже на небесѣхъ, Грци имуть у собе, и се пущающе жежагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ“. Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи за море, вабя е на Греки, паки хотя поити на ня.

942. Въ лѣто 6450. Семеонъ иде на Храваты, и побѣженъ бысть Храваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего Болгаромъ.

943. Въ лѣто 6451. Паки придоша Угри на Царьградъ и миръ створивше съ Романомъ, возъвратишася въсвояси.

944. Въ лѣто 6452. Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьце, и Пече-

---

[1]) Цѣль.

[2]) Грекъ, патрицій.

нѣги на а, и тали [1]) у нихъ поя, поиде на Греки в лодьяхъ и на конихъ, хотя мьстити себе. Се слышавше Корсунци, послаша къ Раману, глаголюще: „се идутъ Русь безъ числа корабль, покрыли суть море корабли“. Такоже и Болгаре послаша вѣсть, глаголюще: „идуть Русь, и наяли суть к собѣ Печенѣги“. Се слышавъ царь, посла къ Игорю лучіѣ боляре, моля и глаголя: „не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани“. Такоже и къ Печенѣгомъ посла паволоки и злато много. Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, и повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша же дружина Игорева: „да аще сице глаголеть царь, то что хочемъ болѣ того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? егда кто вѣсть, кто одолѣетъ, мы ли, онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обьча смерть всѣмъ“. Послуша ихъ Игорь, и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болъгарьску землю; а самъ вземъ у Грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възратися въспять, и приде къ Кіеву въсвояси.

945. Въ лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы къ Игореви построити мира первого; Игорь же глагола съ ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати и писати обоихъ рѣчи на харатьѣ: (Далѣе текстъ договора).

Послании же сли Игоремъ придоша къ Игореви со слы Гречьскими и повѣдаша вся рѣчи царя Романа. Игорь же призва слы Гречьскія, рече имъ: „глаголите, что вы казалъ царь?“ И рѣша сли цареви: „се посла ны царь, радъ есть миру, хощетъ миръ имѣти со княземъ Рускимъ и любъве; твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водитъ тебе и мужь твоихъ“. Обѣщася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи

---

[1]) Заложникъ.

Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конець Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ соборная церкви, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни. Игорь же утвердивъ миръ съ Греки, отпусти слы, одаривъ скорою [1]) и челядью и воскомъ, и отпусти я; сли же придоша ко цареви, и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь юже къ Грекомъ. Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань.

945. Въ лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игореви: „отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы“. И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ, и мужи его; возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: „идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще“. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же Деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: „аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить“, и послаша къ нему, глаголюще: „почто идеши опять? поималъ еси всю дань“. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня [2]) Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне. Вольга же бяше въ Кыевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскимъ Святославомъ, и кормилець [3]) его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ, то же

---

[1]) Шкурами животныхъ, мѣхами.

[2]) Искоростень, главный г. Древлянъ, нынѣ въ память его наз. Искорость мѣстечко въ Волынской губ.

[3]) Воспитатель.

отецъ Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: „се князя убихомъ Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ“. И послаша Деревляне лучьшіе мужи, числомъ 20, въ лодьи к Ользѣ, и приставша подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевьскыя, и на Подольи не сидяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Киевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чудинъ, а перевѣсище [1]) бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть дворъ Демьстиковъ [2]) за святою Богородицею; надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша; и возва я Ольга къ собѣ и рече имъ: „добре гостье придоша“; и рѣша Деревляне: „придохомъ, княгине“. И рече имъ Ольга: „да глаголите, что ради придосте сѣмо? Рѣша же Древляне: „посла ны Дерьвьска земля, рекущи сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли [3]) суть Деревьску землю, да поиди за князь нашъ за Малъ“; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: „люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте в лодью свою и лязите в лодьи величающеся, и азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и вънесуть вы в лодьи“; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку, на дворѣ теремьстѣмъ, внѣ града. И заутра Волга, сидящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ, глаголюще: „зоветь вы Ольга на честь велику“. Они же рѣша: „не ѣдемъ на конихъ, ни на

---

[1]) Мѣсто для ловли птицъ.

[2]) Доместикъ (δομέστικος)—уставщикъ церковнаго пѣнія.

[3]) Князья *пасутъ* свой народъ. См. у Гомера названіе царя—пастухъ народовъ.

возѣхъ, ни пѣши ѣдемъ, понесѣти ны в лодьи“. Рѣша же Кияне: „намъ неволя; князь нашъ убьенъ, а княгиня наша хочетъ за вашъ князь“; и понесоша я в лодьи. Они же сѣдяху в перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся; и принесоша я на дворъ к Ользѣ, и несъше, вринуша е въ яму и с лодьею. Приникши Ольга и рече имъ: „добра ли вы честь?“ они же рѣша: „пуще ны Игоревы смерти“; и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. И пославши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: „да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда [1]) не пустять мене людье Киевьстии“. Се слышавше Деревляне, избраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: „измывшеся придите ко мнѣ“. Они же пережьгоша истопку [2]), и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я отъ дверий, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи сице: „се уже иду къ вамъ, да пристройте меды многи въ градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему“. Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, и възвариша. Ольга же, поимше мало дружины, легъко идуще приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ; и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; и рѣша Деревляне къ Ользѣ: „кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?“ она же рече: „идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего“. И яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей сѣчи Деревляны; и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

---

[1]) Не то.

[2]) *Истопка*, отсюда *истьба* и наше *изба*.

Начало княженія Святославля, сына Игорева.

946. Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Дерьвьску землю. И изидоша Деревляне противу, и сънемъшемася обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рѣче Свѣнелдъ и Асмолдъ: „князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ“. И побѣдиша Деревляны, Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду глаголющи: „что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань“. Деревляне же рекоша: „ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего“. Рече же имъ Ольга: „яко азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее когда творихуу трызну мужеви своему; а уже не хощю мьщати, но хощю дань имати помалу, и смирившися съ вами поиду опять“. Рекоша же Деревляне: „што хощеши у насъ? ради даемъ медомъ и скорою“. Она же рече имъ: „нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дадите ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи; азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже и мужъ мой, сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли в осадѣ, да сего у васъ прошю мала“. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: „се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, а я заутра отступлю отъ града и поиду во градо сьй“. Де-

ревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ. и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ къ коемуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитъкою повързывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, голуби въ голубники, врабьѣве же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идѣже не горяще, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати я, яко взя градъ и пожьже и; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложи на ня дань тяжьку, 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

947. Въ лѣто 6455, иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ. И изрядивши възратися къ сыну своему Киеву и пребываше съ нимъ въ любъви.

948—955. Въ лѣто 6456. Въ лѣто 6457. Въ лѣто 6458. Въ лѣто 6459. Въ лѣто 6460. Въ лѣто 6461. Въ лѣто 6462. Въ лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ; и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова к ней и рекъ ей: „подобна еси царствовати въ градѣ с нами“. Она же разумѣв-

ши рече ко царю: „азъ пагана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещюся“, и крести ю царь съ патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патреархъ о вѣрѣ, и рече ей: „благословена ты въ женахъ Рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотять сынове Рустіи и в послѣдній родъ внукъ твоихъ“. И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста; она же поклонивши главу, стояше аки губа напаяема, внимающи ученья; и поклонившися патреарху, глаголющи: „молитвами твоими, владыко, да схранена буду отъ сѣти непріязньны“. Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати великаго Костянтина. И благослови ю патреархъ и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь и рече ей: „хощю тя пояти собѣ женѣ“. Она же рече: „како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? а въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси“. И рече царь: „переклюкала мя еси, Ольга“; и дасть ей дары многи, злато и сребро, поволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: „людье мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ отъ всякого зла“. И рече патреархъ: чадо вѣрное! во Христа крестилася еси, и во Христа облечеся, Христосъ имать схранити тя; якоже схрани Еноха въ первыя роды, и потомъ Ноя въ ковчезѣ, Аврама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саула, 3 отроци отъ пещи, Данила отъ звѣрий, тако и тя избавить отъ непріязни и отъ сѣтий его; и благослови ю патреархъ, и иде с мирромъ въ свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, якоже при Соломанѣ приде царица Ефіопьская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамянья: такоже и си блаженая Ольга искаше доброѣ мудрости Божьа, но она человѣчески, а си Божья. Ищющи бо мудрости обрящють, премудрость на ис-

ходищихъ поется, на путехъ же деръзновенье водить, на краихъ же забральныхъ проповѣдаетъ, во вратѣхъ же градныхъ дерзающи глаголеть: елико бо лѣтъ незлобивии держатся по правду, не постыдятся. Си бо отъ възраста блаженая Ольга искаше мудростью все въ свѣтѣ семъ, налѣзе бисеръ многоцѣненъ, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: желанье благовѣрныхъ наслажаетъ душю; и приложиши сердце твое в разумъ; азъ любящая мя люблю, и ищющии мене обрящють мя. Господь рече: приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ. Си же Ольга приде Киеву, и присла къ ней царь Гречьский, глаголя: „яко много дарихъ тя; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращюся в Русь, многи дары пришлю ти: челядь, воскъ и скъру, и вои в помощь“. Отвѣщавши Ольга, и рече къ сломъ: „аще ты“, рьци, „такоже постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в Суду, то тогда ти дамь“; и отпусти слы сь рекьши. Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть имати крестится, и не брежаше того ни во уши приимати; но аще кто хотяше крестится, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродьство есть; не смыслиша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящии, и не вѣдять славы Господня, одебелѣша бо сердца ихъ, ушима тяжько слышати, а очима видѣти. Рече бо Соломанъ: дѣла нечестивыхъ далече оть разума; понеже звахъ вы и не послушасте мене, простроxъ словеса, и не внимасте, но отметасте моя съвѣты, моихъ же обличений не внимасте; възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати свѣтъ, подражаху же мои обличенья. Якоже бо Ольга часто глаголашеть: „азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, „и радоватися почнешь“. Онъ же не внимаше того, глаголя: „како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина моя сему смѣятися начнуть“. Она же рече ему: „аще ты крестишися, вси имуть тоже створити“. Онъ же не послуша матере, творяше норовы поганьския, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, въ бѣду впадаеть; якоже рече: аще

кто отца, ли матере не послушаеть, то смерть приметь. Се же къ тому гнѣвашеся на матерь. Соломанъ бо рече: кажай злыя пріемлеть собѣ досаженье, обличаяй нечестиваго поречеть собе; обличенья бо нечестивымъ мозолие суть; не обличай злыхъ, да не възненавидять тебе. Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: „воля Божья да будеть; аще Богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ Рускіѣ, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова“. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его.

956 — 964. Въ лѣто 6464 — 6472. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя аки пардусъ [1]) войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло в головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: „хочю на вы ити“. И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: „кому дань даете?“ они же рѣша: „Козаромъ по щьлягу отъ рала [2]) даемъ“.

965. Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися; и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя. И Ясы побѣди и Касогы.

966. Въ лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

967. Въ лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бивъшемся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и сѣде, княжа ту в Переяславци, емля дань на Грьцѣхъ.

---

[1]) Пардусъ (πάρδος; съ латинскимъ окончаніемъ us)—барсъ.

[2]) Отъ каждой сохи.

968. Въ лѣто 6476. Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша Печенѣзи градъ в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣзти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собравшеся людье оноя страны Днѣпра в лодьяхъ, объ ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. И въстужиша людье въ градѣ и рѣша: „нѣсть ли кого, иже бы могълъ на ону страну дойти и рещи имъ: аще не подступите заутра, предатися имамы Печенѣгомъ?“ И рече единъ отрокъ: „азъ преиду“; и рѣша: „иди“. Онъ же изиде изъ града с уздою и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: „не видѣли коня никтоже?“ бѣ бо умѣя Печенѣжьски, и мняхуть и своего. И яко приближися к рѣкѣ, свергъ порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде; видѣвше же Печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше с оноя страны, и пріѣхаша в лодьи противу ему, и взяша и в лодью и привезоша и къ дружинѣ; и рече имъ: „аще не подступите заутра къ городу, предатися хотять людье Печенѣгомъ“. Рече же воевода ихъ, именемъ Прѣтичь: „подъступимъ заутра в лодьяхъ, и попадше княгиню и княжичѣ умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ“. Яко бысть заутра, всѣдъше в лодьи противу свѣту и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя приведша, побѣгоша разно отъ града; и взиде Ольга со унуки и с людми к лодьямъ. Видѣвъ же се князь Печенежьский, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: „кто се приде?“ и рече ему: „людье оноя страны“. И рече князь Печенѣжьскій: „а ты князь ли еси“? онъ же рече: „азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ[1]), и по мнѣ идеть полкъ со княземъ,

[1]) Въ сторожевомъ отрядѣ, авангардѣ.

безъ числа множьство“; се же рече, грозя имъ. Рече же князь Печенѣжьский къ Прѣтичю: „буди ми другъ“; онъ же рече: „тако створю“. И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжьскій князь Претичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. И отступиша Печенѣзи отъ града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лебеди Печенѣзи. И послаша Кияне къ Святославу, глаголюще: „ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ, малы бо насъ не взяша Печенѣзи, и матерь твою и дѣти твои; аще ни поидеши,. ни обраниши насъ, да паки ны возмуть, аще ти не жаль отчины своея, ни матере стары суща, и дѣтий своихъ“. То слышавъ Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ; и собра вои, и прогна Печенѣги в поли, и бысть миръ.

868. Въ лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ: „нелюбо ми есть въ Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина и овощеве розноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угорь серебро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь“. Рече ему Волга: „видиши мя болну сущю; камо хощеши отъ мене ити? бѣ бо разболѣлася уже“, рече же ему: „погребъ мя, иди яможе хощеши“. По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея и людье вси плачемъ великомь, и несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ[1]), сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия [2]) крестьяньствѣй [3]) земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся

---

[1]) Вм. пресвитеръ, священникъ.
[2]) Предтеча, предвѣстникъ.
[3]) Вм. христіанской, согласно древне-русскому произношенію.

*

аки бисеръ къ калѣ; кальни бо бѣша грѣхомъ, неомовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся грѣховныя одеже ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рцемъ к ней: радуйся, Руской земли познанье, къ Богу начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Рустие сынове, аки начальницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь. Праведныхъ бо душа не умирають: якоже рече Соломанъ похволяему праведному възвеселятся людье, безсмертье бо есть память его, яко отъ Бога познавается и отъ человѣкъ. Се бо вси человѣци прославляють, видяще лежащю в тѣлѣ на многа лѣта; рече бо Пророкъ: прославляющая мя прославлю. О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше: в память вѣчную праведникъ будеть, отъ слуха зла не убоится; готово сердце его уповати на Господа, утвердися сердце его и не подвижется. Соломанъ бо рече: праведници въвѣки живуть, и отъ Господа мьзда имъ есть и строенье отъ Вышняго; сего ради примуть царствие красотѣ и вѣнець добротѣ отъ руки Господня, яко десницею покрыеть я и мышцею защитить я. Защитилъ бо есть сію блажену Вольгу отъ противника и супостата дьявола.

970. Въ лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ. В се же время придоша людье Ноугородьстіи, просяще князя собѣ“: „аще не поидите к намъ, то налѣземъ князя собѣ“, и рече к нимъ Святославъ: „абы пошелъ кто к вамъ“. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: „просите Володимера [1])“. Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыни, отець же бѣ има Малкъ Любечанинъ, и бѣ Добрына уй Володимеру. И рѣша Ноугородьци Святославу: „въдай ны Володимера“; онъ же рече имъ: „вото вы есть“. И пояша Ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

---

[1]) Вм. Владиміръ, по древне-русскому произношенію.

971. Въ лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславець, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху Болъгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: „уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!“ И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ Грекомъ глаголя: „хочю на вы ити, и взяти градъ вашь, яко и сей“. И рѣша Грьци: „мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны колько васъ, да вдамы по числу на главы“. Се же рѣша Грьци, льстяче подъ Русью; суть бо Греци лстивы и до сего дни. И рече имъ Святославъ: „есть насъ 20 тысящь“, и прирече 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь толко. И пристроиша Грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани; и поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми ту, мертвые бо срама ни имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою“; и рѣша вои: „идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ“. И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Грьци; и поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты. И созва царь бояре своя в полату, и рече имъ: „что створимъ, яко не можемъ противу ему стати?“ И рѣша ему бояре: „посли к нему дары, искусимъ и, любьзнивъ ли есть злату, ли паволокамъ?“ И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: „глядай взора, и лица его, и смысла его“, онъ же вземъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша Грьци с поклономъ, и рече: „въведѣте я сѣмо“. Придоша и поклонишася ему, и положиша предъ нимъ злато и паволоки; и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: „схороните“.

Они же придоша ко царю, и созва царя боляры, рѣша же послании: „яко придохомъ к нему и вдахомъ дары, и не возрѣ на ня, и повелѣ схоронити“. И рече единъ: „искуси и еще, посли ему оружье“. Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша ему: онъ же приимъ, нача хвалити и любити, и цѣловати царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша бояре: „лютъ се мужь хощетъ бытп, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть; имися по дань“. И посла царь, глаголя сице: „не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши“, за маломъ бо бѣ не дошелъ до Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя: „яко родъ его возметь“. Взя же и дары многы, и взъратися в Переяславець с похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: „еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене“, бѣша бо многи погибли на полку; и рече: „поиду в Русь, приведу болѣ дружины“. И посла слы ко цареви въ Деревьстръ [1]), бо бѣ ту царь, рька сице: „хочу имѣти миръ с тобою твердъ и любовь“. Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ нему дары больша первыхъ. Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, рька сице: „аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше отступять ны въ градѣ; а Руска земля далеча, а Печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможеть? но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ; аще ли почнеть не управляти дани, да изнова изъ Руси, совкупивше вои множайша, поидемъ Царюгороду“. Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви; и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я, и рече царь: „да глаголють сли Рустіи“. Они же рѣша: „тако глаголеть князь нашь: хочю имѣти любовь со царемъ Гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта“. Царь же радъ бысть и повелѣ писцю ни-

[1]) Нынѣшняя Силистрія.

сати вся рѣчи Святославлѣ на харатью; нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писець писати. Глагола сице:

„Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ великѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣналъдѣ, писано при Фефелѣ Синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскію, царю Гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта въ 14, въ лѣто 6479. Азъ Святославъ князь Руский, якоже кляхъся, и утверждаю на свѣщаньѣ семъ роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякимъ великимъ царемъ Гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари, и со всѣми людьми вашими, и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашю ни сбираю вой, ни языка иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Гречьскою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарьску; да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ. Якоже кляхъся ко царемъ Гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья; аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежерѣченыхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса скотьяго бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ. Се же имѣйте во истину, якоже створихомъ нынѣ къ вамъ, и написахомъ на харатьи сей и своими печатьми запечатахомъ“.

Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде в лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень Свѣналдъ: „поиди, княже, на конихъ около, стоять бо Печенѣзи в порозѣхъ“. И не послуша его, и поиде в лодьяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: „се идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много у Грекъ и полонъ безчисленъ, съ маломъ дружины“. Слышавше же се Печенези, заступиша пороги; и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ; и ста зимовати в Бѣлобе-

режьи [1]), и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвъши.

972. в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги, и нападе на нь Куря, князь Печенѣжьскій, и убиша Святослава, и взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьяху изъ него. Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8.

973. Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

974—975. Въ лѣто 6482. Въ лѣто 6483. Ловъ дѣющю Свѣналдичю, именемъ Лютъ, ишедъ бо ис Киева гна по звѣри въ лѣсѣ; и узрѣ и Олегъ, и рече: „кто се есть?“ И рѣша ему: „Свѣналдичь“, и заѣхавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть межи ими ненависть Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: „поиди на братъ свой и прими волость его“, хотя отмьстити сыну своему.

976—977. Въ лѣто 6484. Въ лѣто 6485. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю, и изиде противу его Олегъ, и ополчистася; ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, бяше черезъ гроблю мостъ ко вратомъ градным̀ъ, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга с мосту в дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его и посла искать брата своего; и искавъше его не обрѣтоша; и рече единъ Деревлянинъ: „азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту“. И посла Ярополкъ искать брата, и влачиша трупье изъ гробли отъ утра и до полудне, и налѣзоша и Ольга высподѝ трупья, вынесоша и, и положиша и на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, и рече Свѣналду: „вижь, сего ты еси хотѣлъ“? И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего. И прія власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена

---

[1]) При устьѣ Днѣпра.

Грекини бѣ, и бяше была черницею; бѣ бо привелъ ю отець его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея. Слышавъ же се Володимъръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

978—980. Въ лѣто 6486. Въ лѣто 6487. Въ лѣто 6488. Приде Володимеръ съ Варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: „идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу битъся“. И сѣде в Новѣгородѣ, и посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: „хочу пояти дщерь твою собѣ женѣ“. Онъ же рече дщери своей: „хочеши ли за Володимера?“ она же рече: „не хочю розути робичича, но Ярополка хочю“. Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя Полотьскаго; Володимеръ же собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка; и приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два и дъчерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и съ Блудомъ; и стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: „попріяй ми, аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене; не язъ бо почалъ братью бити, но онъ; азъ же того убоявъся придохъ на нь“. И рече Блудъ къ посломъ Володимеремь: „азъ буду тобѣ в сердце и въ пріязньство“. О злая лесть человѣческа! Якоже Давыдъ глаголеть: ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть. Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки: языки своими льстя-

хуся; суди имъ, Боже, да отпадуть отъ мыслий своихъ, по множьству нечестья ихъ изрини а, яко прогнѣваша тя, Господи. И паки той же рече Давыдъ: мужь въ крови льстивъ не припловить дний своихъ. Се есть совѣтъ золъ, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовии, иже прнемше отъ князя или отъ господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погребленье, горьше суть бѣсовъ таковии: якоже Блудъ преда князя своего, и приимъ отъ него чьти многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ; льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка; гражаны же не бѣ льзѣ убити его: Блудъ же не възмогъ, како бы погубити и, замысли лестью, веля ему ни излазити на брань изъ града; рече же Блудъ Ярополку: „Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: „приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка; побѣгни за градъ.“ И послуша его Ярополкъ, и изъбѣгъ предъ нимъ затворися въ градѣ Родьни на усть Рси рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ и осѣде Ярополка в Роднѣ, и бѣ гладъ великъ в немъ, и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: „видиши, колько вой у брата твоего? нама ихъ не перебороти; твори миръ съ братомъ своимъ“; льстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: „такъ буди“. И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя: „яко сбысться мысль твоя, яко приведу къ тобѣ Ярополка, и пристрой убити и“. Володимеръ же то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, о немъ же прежде сказахомъ, сѣде ту с вои и съ дружиною своею; и рече Блудъ Ярополку: „поиди къ брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ прииму“. Попде же Ярополкъ, и рече ему Варяжько: „не ходи, княже, убьютъ тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши вои“; и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста и два варяга мечьми подъ пазусѣ, Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ; и тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяшко же видѣвъ, яко

убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣги, и много воева Володимера с Печенѣгы, одва приваби и, заходивъ к нему ротѣ... Посемь рѣша Варязи Володимеру: „се градъ нашь; мы прияхомъ и да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка“. И рече имъ Володимеръ: „пождѣте, да же вы купы сберуть, за мѣсяць“. И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: „сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки“; онъ же рече имъ: „идѣте“. И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: „се идуть к тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ниединого“. И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ. Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церки стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся. Володимеръ же посади Добрыну уя своего в Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородьстіи аки Богу.

981. Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ к Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью. В семъ же лѣтѣ и Вятичи побѣди, и възложи на ня дань отъ плуга, якоже и отецъ его имаше.

982. Въ лѣто 6490. Заратишася Вятичи, и иде на ня Володимеръ, и побѣди я второе.

983. Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣди Ятвягы, и взя землю ихъ. И иде Киеву, и творяше требу кумиромъ с людми своими; и рѣша старци и боляре: „ме-

чемъ жребий на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ.“ Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идѣже есть церкви Святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ той пришелъ изъ Грекъ, и держаше вѣру хрестеяньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и сей бяшеть ему аки тернъ въ сердци, и тыщашеся потребити оканьный и наусти люди. И рѣша пришедше послании к нему: „яко паде жребий на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ; да сотворимъ требу богомъ.“ И рече Варягъ: „не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, ему же служать Грьци и кланяются, иже створилъ небо и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, и далъ есть ему жити на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ.“ Они же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: „вдай сына своего, да вдамы богомъ его.“ Онъ же рече: „аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете?“ И кликнуша, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я, и не свѣсть никто же, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси и погани. Дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ хрестьаньский, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и въ инѣхъ странахъ; сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сдѣ бо ни суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не вѣдый пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя; о апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и в конець вселеныя глаголи ихъ. Аще и тѣлома апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣй в церквахъ, ихъ же ученьемъ побѣжаемъ противнаго врага, попирающе

подъ ноги, якоже попраста и си отечьника, приимша вѣнець небесный съ святыми мученики и праведники.

984. Въ лѣто 6492. Иде Володимеръ на Радимичи. Бѣ у него воевода Волъчий Хвостъ, и посла и Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста; сърѣте я на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Радимичѣ Волъчий Хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бѣгають. Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

985. Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею съ уемъ своимъ, въ лодьяхъ, а Торки берегомъ приведе на конихъ; и побѣди Болгары. Рече Добрына Володимеру: „съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ“. И створи миръ Володимеръ съ болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: „толи не будеть межю нами мира, оли камень начneть плавати, а хмель почneть тонути“. И приде Володимеръ Киеву.

986. Въ лѣто 6494. Придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ [1]), глаголюще: „яко ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣси закона; но вѣруй въ законъ нашь и поклонися Бохъмиту“. И рече Володимеръ: „како есть вѣра ваша?“ Они же рѣша: „вѣруемъ Богу, а Бохмитъ ны учитъ, глаголя:... свинины не ясти, вина не пити, а по смерти... дасть Бохмитъ комуждо по семдесятъ женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будетъ ему жена...; на семь свѣтѣ аще будетъ кто убогъ, то и тамъ;“ и ина многа лесть, еяже нѣ лзѣ писати срама ради. Володимеръ же слушаше ихъ... сладко; но се ему бѣ нелюбо... о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи отнудь, рька: „Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти“. Потомъ же придожа Нѣмьци, глаголюще: „придохомъ послании отъ папежа“; и рѣша ему:

---

[1]) Бохмитъ — Магометъ; отсюда Бохъмичѣ — магометанское племя болгаръ.

„реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, иже сотворилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть“. Володимеръ же рече: „какъ заповѣдь ваша?“ Они же рѣша: „пощенье по силѣ; аще кто пьетъ или ясть, то все въ славу Божью, рече учитель нашъ Павелъ“. Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: „идѣте опять, яко отци наши сего не приняли суть“. Се слышавше Жидове Козарьстии придоша, рекуще: „слышахомъ, яко приходиша Болгаре и Хрестеяне, учаще тя ктоже вѣрѣ своей; Хрестеяне бо вѣруютъ, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю“. И рече Володимеръ: „что есть законъ вашъ?“ Они же рѣша: „обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити“. Онъ же рече: „то гдѣ есть земля ваша?“ Они же рѣша: „въ Ерусалимѣ“. Онъ же рече: „то тамо ли есть?“ Они же рѣша: „разъгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестеяномъ“. Онъ же рече: „то како вы инѣхъ учите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бо Богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите пріяти“. Посемъ же прислаша Грьци къ Володимеру философа, глаголюще сице: „слышахомъ, яко приходили суть Болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихъже вѣра оскверняетъ небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на не же пусти Господь каменье горюще, и потопи я, и погрязоша; яко и сихъ ожидаетъ день погибели ихъ, егда придеть Богъ судитъ земли и погубити вся творящая безаконья и скверны дѣющія.... Слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима поучитъ васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломь съ нами разъвращена, служать бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити; и преда апостоломъ, пріемъ хлѣбъ рекъ: се есть тѣло мое, ломимое за вы; такоже и чашю приемъ, рече: се есть кровь моя нōваго за-

вѣта; си же того не творять, суть не исправили вѣры". Рече же Володимеръ: „придоша ко мнѣ Жидовѣ, глаголюще: яко Нѣмци и Грьци вѣрують, его же мы распяхомъ". Философъ же рече: „въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци пророцаху, яко Богу родитися, а друзии—распяту быти и погребену, а въ 3-й день вскреснути и на небеса взити; они же тыи пророки избиваху, другія претируху. Егда же сбыться пророченье сихъ, съниде на землю, и распятье прия, и въскресъ на небеса взиде, на сихъ же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лѣтъ, и не покаяшася, и посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работають въ странахъ". Рече же Володимеръ: „то что ради сниде Богъ на землю, и страсть такову прия?" Отвѣщавъ же философъ, рече: „аще хощеши послушати, да скажю ти из начала, чьсо ради сниде Богъ на землю". Володимеръ же рече: „послушаю радъ". И нача филосовъ глаголати сице:

„Въ начало сотвори Богъ небо и землю въ первый день" и проч. (Слѣдуетъ изложеніе Священной исторіи Ветхаго Завѣта и жизни Спасителя). И се рекъ, показа Володимеру запону, на ней же бѣ написано судище Господне, показываше ему одесну праведныя в весельи предъидуща в рай, а ошюю грѣшники идуща в муку. Володимеръ же вздохнувъ рече: „добро симъ одесную, горе симъ ошюю". Онъ же рече: „аще хощеши одесную съ праведными стати, то крестися". Володимеръ же положи на сердци своемъ, рекъ: „пожду и еще мало", хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ. Володимеръ же сему дары многи вдавъ, отпусти и с честью великою.

987. Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскіѣ [1]), и рече имъ: „се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: прими законъ нашь; посемь же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хуляще вси законы, свой же хва-

---

[1]) Старѣйшіе въ городѣ.

ляще, и многа глаголаша сказающе отъ начала миру, о бытьи всего мира; суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и другий свѣтъ [1]) повѣдають быти: да аще кто, дѣеть [2]), в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, въстанеть, и не умрети ему ввѣки; аще ли во инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?“ И рѣша бояре и старци: „вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собѣ мужи: пославъ испытай когождо ихъ службу, и кто како служить Богу“. И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: „идѣте первое в Болгары, и испытайте вѣру ихъ“. Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье въ ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: „идѣте паки в Нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣете въ Греки“. Они же придоша в Нѣмци, и съглядавше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша; они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ въ той же день. Наутрія посла къ патреарху, глаголя сице: „придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительскія ризы, да видять славу Бога нашего“. Си слышавъ патреархъ [3]), повелѣ создати крилосъ [4]), по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архіерѣйски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я царя Василий и

---

[1]) Будущая жизнь.

[2]) Дѣеть, рече—молъ, де.

[3]) Вм. патріархъ, согласно народному произношенію.

[4]) Вм. клиросъ, вслѣдствіе перестановки звуковъ.

Костянтинъ, рѣста имъ: „идѣте въ землю вашю“, и отпустиша я с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою, и созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: „се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее“, и рече: „скажите предъ дружиною“. Они же рѣша: „яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще безъ пояса; поклонився сядеть, и глядить сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоея же. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служать Богу своему, и не свѣмы [1]), на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ с человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ аще вкусить сладка, послѣди горести не принимаеть, тако и мы не имамы сде быти“. Отвѣщавше же боляре рекоша: аще бы лихъ законъ Гречьский, то не бы баба твоя приняла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ“. Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: „гдѣ крещенье пріимемъ?“ Они же рекоша: „гдѣ ти любо“. И минувшю лѣту.

988. Въ лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ Гречьский, и затворишася Корсуняне в градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города в лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣпко изъ града, Володимеръ же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: „аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта“. Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воа своа; и повелѣ присну сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую персть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще

[1]) Не знаемъ.

посредѣ града; воини же присыпаху болѣ, а Володимеръ стояше. И се мужь Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, написавъ сице на стрѣлѣ: „кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими“. Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: „аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю“. И ту абье повелѣ копати преки трубамъ, и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко царема Василью и Костянтину, глаголя сице: „се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ“. И слышаста царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: „не достоить хрестеяномъ за поганыя даяти; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя“. Си слышавъ Володимеръ, рече посланнымъ отъ царю: „глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дней законъ вашь, и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи“. И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: „крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ“. Рече же Володимеръ: „да пришедъше съ сестрою вашею крестять мя“. И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры; она же не хотяше ити: „яко въ полонъ“, рече, „иду, луче бы ми зде умрети“. И рѣста ей брата: „еда како обратить Богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати; видиши ли, колько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ аще не идеши, тоже имутъ створити намъ“; и одва ю принудиша. Она же сѣдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, понде чрезъ море; и приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне съ поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ палатѣ. По Божью же устрою въ се время раз-

болѣся Володимеръ очима и не видяше ничтоже, и тужаше велми и не домышляшеться, что створити; и посла къ нему царица, рекущи: „аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаши избыти недуга сего“. Си слышавъ Володимеръ, рече, „да аще истина будеть, то поистинѣ великъ Богъ будеть хрестеянескъ“; и повелѣ крититися. Епископъ же Корсуньскій съ попы царицины, огласивъ, крести Володимера; яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье, и прослави Бога рекъ: „топерво увѣдѣхъ Бога истиньнаго“. Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченье. Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ; инии же рѣша: въ Василеве; друзии же инако скажють. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру хрестеяньску, рекуще сице: „да не прельстять тебе нѣции отъ еретикъ, но вѣруй, сице глаголя:

„Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя Творца небу и земли. (Слѣдуетъ изложеніе исповѣданія православной вѣры).

Володимеръ же посемъ [1]) поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, идѣже съсыпаша средѣ града, крадуще, приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи [2]) и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею; якоже невѣдущи мнять я мрамаряны [3]) суща. Вдасть же за вѣно [4])

[1]) Послѣ сего.
[2]) Отъ капь—изображеніе: статуи.
[3]) Мраморныя.
[4]) Вмѣсто вѣна, т. е. платы за невѣсту.

Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы исѣщи, а другия огневи предати: Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи с горы по Боричеву на Ручай [1]), 12 мужа [2]) пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образомъ человѣкы, да възмездье приметь отъ человѣкъ. Велій если Господи, чюдная дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: „аще кдѣ пристанеть вы, отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги проидеть; то тогда охабитеся его“. Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и, проидѣ сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу [3]) Перуня Рѣнь [4]), якоже и до сего дне словеть. Посемъ же Володимеръ посла по всему граду глаголя: „аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть“. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли“. Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с Корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся безъ числа людий: влѣзоша в воду и стояху овы до шие, а друзии до персий, младенци же по перси отъ берега, друзии же младенци держаще свершении же бродяху [5]), попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволя стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья

---

[1]) Ручей Почайна, впадающій въ Днѣпръ.

[2]) Здѣсь въ Л. рукописи начинается другой почеркъ. (*Примѣч. Археогр. Ком.*).

[3]) Прослыла.

[4]) Перуня Рѣнь—урочище на Днѣпрѣ, песчаная полоса.

[5]) Т. е. стоя въ бродъ.

апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласа сего, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо в домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо рече: „Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, Господи, увѣдѣте тобе, истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру в нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идѣже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ.Ославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, аще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвыхъ плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: во оны дни услышать глусии словеса книжная, и яснъ будеть языкъ гугнивыхъ...

989. Въ лѣто 6497. Посемь же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьянствѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, иославъ приведе мастеры отъ Грекъ. И наченшю же здати, и яко сконча зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы Корсуньскыя приставн служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты.

991. Въ лѣто 6499. Володимеръ заложи градъ Бѣлъгородъ, и наруби въ нь отъ инѣхъ городовъ, и много людий сведе въ онь; бѣ бо любя градъ сь.

992. Въ лѣто 6500. Иде Володимеръ на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срѣте я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И пріѣха князь Печенѣжьскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: „выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта;“ и разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары и посла биричи по товаромъ, глаголя: нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с Печенѣжиномъ“? и не обрѣтеся никдѣже. Заутра пріѣхаша Печенѣзи и свой мужь приведоша, а у нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: „княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми и сварящю [1]), и оному мьнущю усние, разгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама.“ Князь же се слышавъ радъ бысть, посла по нь, и приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся; сей же рече: „княже! не вѣдѣ, могу ли со нь, и да искусять мя: нѣту ли быка велика и силна?“ И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожу с мясы, елико ему рука зая [2]); и рече ему Володимеръ: „можеши ся съ нимъ бороти“. И наутрия придоша Печенѣзи, почаша звати: „нѣ ли мужа? се нашь доспѣлъ“. Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружие, и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выступи мужь

---

[1]) Когда однажды я его бранилъ.

[2]) Захватила.

Володимеръ, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середний тѣломъ. И размѣрившe межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ [1]), и ястася, и почаста ся крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ рукахъ до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я [2]). Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко-тъ. Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володимеръ же възратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою.

994—996. Въ лѣто 6502. Въ лѣто 6503. Въ лѣто 6504. Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню и помолися Богу, глаголя: „Господи Боже! призри съ небесе и вижь, и посѣти винограда своего, и сверши, яже насади десница твоя, новыя люди си, имъ же обратилъ еси сердце в разумъ, познати тебе Бога истинного, и призри на церковь твою си, юже создахъ недостойный рабъ твой, во имя рожьшая те Матере Приснодѣвыя Богородица; аще кто помолиться въ церкви сей, то услыши молитву его молитвы ради пречистыя Богородица“. И помолившюся ему, рекъ спце: „даю церкви сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть“. И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: „аще кто сего посудить, да будеть проклятъ.“ И вдасть десятину Настасу Корсунянину, и створи праздникъ великъ въ тъ день боляромъ и старцемъ градскимъ, и убогимъ раздая имѣнье много. По сихъ же придоша Печенѣзи къ Василеву, и Володимеръ с малою дружиною изыде противу, и съступившимся, и не могъ стерпѣти противу, подъбѣгъ ста подъ мостомъ, одва укрыся противныхъ; и тогда обѣщася Володимеръ поставити церковь Василевѣ святаго Преображенья, бѣ бо въ тъ день Преображенье Гос-

---

[1]) Пустили ихъ другъ на друга.

[2]) Преданіе о силачѣ Кожемякѣ, по имени Кириллѣ, доселѣ сохраняется между малоросами.

подне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду, и съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздая убогымъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь дний 8, и възвращаштеться Кыеву на Успенье святыя Богородицы, и ту пакы сотворяше праздникъ великъ, сзывая безчисленое множьство народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою Еуангелье чтомо: блажени милостивии, яко ти помиловани будуть; и пакы: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ; и пакы: не скрывайте собѣ скровищь на земли, идѣже тля тлить и татье подъкопываютъ, но скрывайте собѣ скровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлить, ни татье крадуть. И Давыда глаголюща: блаженъ мужь милуя и дая; Соломона же слыша глаголюща: вдаяй нищему, Богу в заимъ даеть, си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьниць кунами. Устрои же и се, рекъ: „яко немощнии и болнии не могуть долѣзти двора моего;“ повелѣ пристроити кола, и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другыхъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: „кде больний и нищь, не могы ходити?“ тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, съцьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя; бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашимъ головамъ, да намъ ясти деревянымп лъжицами, а ни сребряными.“ Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице: „яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой

доискася дружиною злата и сребра.“ Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ [1]); и бѣ жива съ князи околними миромь, съ Болеславомъ Лядьскымь, и съ Стефаномъ Угрьскымь, и съ Андрихомь Чешьскымь, и бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ в страсѣ Божьи, и умножишася еело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: „се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?“ Онъ же рече имъ: „боюся грѣха.“ Они же рѣша ему: „ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ.“ Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы, и рѣша епископи и старци: „рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди.“ И рече Володимеръ: „тако буди.“ И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню.

997. Въ лѣто 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьнiѣ воѣ [2]) на Печенѣгы, бѣ бо рать велика безпереста-ни, въ се же время увѣдѣша Печенѣзи, яко князя нѣту, и придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяху вылѣзти изъ города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множьство много. И удолжися остоя [3]) въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша, вѣче въ городѣ, и рѣша: „се уже хочемъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту; да луче ли ны померети? дадимъся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада;“ и тако совѣтъ створиша Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томъ, и вираша: „Что ради вѣче было?“ и людье повѣдаша ему, яко утро хотятъ ся людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣйшины градьскыя, и рече имъ: „слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ;“ они же рѣша: „не

---

[1]) Земскомъ, народномъ.
[2]) За верховыми, за конницей.
[3]) Обстояніе, осада.

стерпять людье глада.“ И рече имъ: „послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите.“ Они же ради обѣщашася послушати, и рече имъ: „сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубей;“ они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь, в немъ же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь, и повелѣ искати меду; они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено въ княжи меду-ши; и повелѣ разсытити велми и въльяти въ кадь в друзѣмъ колодязи. Утро же повелѣ послати по Печенѣгы; и горожане же рѣша шедше к Печенѣгомъ: „поимѣте к собѣ таль нашь, а вы поидѣте до 10 мужь в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашемъ.“ Печенѣзи же ради бывше, мняше, яко предатися хотять, пояша у нихъ тали, а сами избраша лучьшіѣ мужи и послаша в градъ, да розгладають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городъ, и рѣкоша имъ людье: „почто губите себѣ? коли можете престояти насъ? аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; аще ли не вѣруете, да узрите своима очима.“ И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша ведромъ и льяша в латки, и яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же Печенѣзи. И удивишася, и рекоша: „не имуть вѣры наши князи, аще не ѣдять сами.“ Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты отъ колодязя, вдаша Печенѣгомъ; они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи Печенѣзьстии, и подивишася, и поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташе отъ града, въсвояси идоша [1]).

1014. Въ лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокому дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года,

---

[1]) Сказаніе о Бѣлогородскомъ киселѣ наглядно выражаетъ мысль, что въ земледѣльческомъ быту земля—общая всѣмъ мать-кормилица.

а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси посадници Новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше к Кыеву отцю своему. И рече Володимеръ: „требите путь и мостите мостъ“, хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся.

1015. Въ лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же послявъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего; но Богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, въ се же время бяше у него Борисъ; Печенѣгомъ идущемъ на Русь, посла противу имъ Борису, самъ бо боляше велми, въ ней же болѣсти и скончася мѣсяца іуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю двема клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше в коверъ, и ужи съвѣсиша на землю; възложьше и на сани, везъше поставиша и въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвъше людье, безъ числа снидошася и плакашася по немъ, боляре аки заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя; и вложиша и въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его с плачемъ, блаженаго князя. Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестися самъ и люди своя: тако и сь створи, подобно ему.... Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша.

О убьеньи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемъ, и съзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимь, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. Борису же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: „отець ти умерлъ.“ И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Льтѣ [1]) пришедъ. Рѣша же ему

[1]) Рѣчка Альта.

дружина отня: „се дружина у тобе отня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни“. Онъ же рече: „не буди мнѣ възняти [1]) рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто“. И се слышавше вои, разидошася отъ него, Борисъ же стояша съ отрокы своими. Святополкъ же исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ, посылая к Борису, глаголаше: „яко с тобою хочю любовь имѣти, и къ отню придамъ ти“; а льстя подъ нимъ [2]), како бы и погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и Вышегородьскыѣ болярьцѣ, и рече имъ: „пріяете ли ми всѣмъ сердцемь?“ Рѣче же Путьша и Вышегородьци: „можемъ главы своя сложити за тя“. Онъ же рече имъ: „не повѣдуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса“. Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: скори суть пролити кровь безъ правды; ти бо обыщаются крови, сбирають собѣ злая; сихъ путье суть скончавающихъ безаконье, нечестьемъ бо свою душу емлють. Послании же придоша на Льто ночью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и.... И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемъ. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на немъ, прободоша с нимь. Бѣ бо се любимъ Борисомь; бяше отрокъ с родомъ сынъ Угърескъ, именемъ Георги, его же любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику [3]), въ ней же предстояше предъ нимь. Избиша же и ины отрокы Борисовы многы. Георгеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь; тѣмже [4]) послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ тру-

---

[1]) Поднять.

[2]) Подкапываться подъ него, строя ковы.

[3]) Золотую металлическую цѣпь на шею, родъ украшенія.

[4]) И потому.

нии [1]). Бориса же убивше оканьнии, увертѣвше в шатеръ, взложивше на кола [2]), повезоша и, и еще дышющю ему. Увѣдѣвъ же се оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечь, пронъзе и къ сердцю. И тако скончася блаженый Борисъ, вѣнець приимъ отъ Христа Бога съ праведными, причеться съ пророкы и апостолы, съ ликы мученичьскыми водваряяся, Аврaму на лонѣ почивая, видя неизреченьную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся с лики святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкве святаго Василья. Оканьнии же си убійцѣ придоша къ Святополку, акы хвалу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшько, отець же ихъ сотона. Сици бо слуги бѣси бываютъ, бѣси бо на злое посылаеми бывають, ангели на благое посылаеми. Ангели бо человѣку зла не творять, но благое мыслять ему всегда, паче же хрестьяномъ помогають и заступають отъ супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять человѣка Богомъ почтена, и завидяще ему, на зло слеми скори суть. Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золъ человѣкъ ни Бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять Господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рѣкъ: „се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба?“ И приимъ помыслъ Каиновъ, съ лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: „поиди вборзѣ, отець тя зоветь, не здравить бо велми“. Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ, съ малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало; и приде Смоленьску, и поиде отъ Смоленьска яко зрѣемо [3]) и ста на

[1]) Собират. им. трупіе.

[2]) На телѣгу.

[3]) Сколько можно окинуть взглядомъ.

Смядинѣ въ насадѣ. В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: „не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка“. Се слышавъ Глѣбъ възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: „увы мнѣ, Господи! луче бы ми умрѣти съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, умерлъ быхъ съ тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? нынѣ уже не услышю тихаго твоего наказанья [1]); да аще еси получилъ дерзновенье у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть принялъ; луче бо ми было съ тобою умрети, неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмь жити“. И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша послании отъ Святополка на погубленье Глѣбу, и ту абье послании яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови уныша; оканьный же посланый Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезъ [2]) ножь, зарѣза Глѣба. Акы агня непорочно принесеся на жертву Богови, въ воню благоуханья, жертва словесная, и прія вѣнець; вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимъ неиздреченьною радостью, юже улучиста братолюбьемъ своимъ. Се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ! Оканьнии же възратишася въспять, якоже рече Давыдъ: да възратятся грѣшници въ адъ. Онѣмъ же пришедшимъ; и повѣдаша Святополку: „яко створихомъ повелѣная тобою“. Онъ же се слышавъ, възнесеся сердце его болма, не вѣдый Давыда глаголюща: что ся хвалиши о злобѣ, силный? безаконье весь день умысли языкъ твой. Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама посемъ же вземше везоша и, и положиша и у бра-

---

[1]) Поученія, наставленія.

[2]) Извлекъ.

та своего Бориса у церкве святаго Василья. И съвкуплена тѣлома, паче же душама, у Въладыкы Всецаря пребывающа, въ радости безконечнѣй, во свѣтѣ неизреченьнѣмъ, подающа цѣлебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ съ вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣлбы, окованымъ разрѣшенье, темницамъ отверзенье, печалнымъ утѣху, напастнымъ избавленье, и еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сіяюща и молящася воину къ Владыцѣ о своихъ людехъ...

Святополкъ же съ оканьный и злый уби Святослава, послявъ, ко горѣ Угорьстѣй, бѣжащю ему въ Угры, и нача помышляти: „яко избью всю братью свою, и приму власть Русьскую единъ“. Помысливъ высокоумьемь своимь, не вѣдый, яко Богъ даетъ власть, ему же хощеть; поставляетъ бо цесаря и князя Вышний, ему же хощеть, дасть... Святополкъ же оканный нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна; а другымъ кунами, и раздая множьство. Ярославу же не вѣдущю отьнѣ смерти, Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше Новгородци, избиша Варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ; послявъ к Новгородцемъ, рече: „уже мнѣ сихъ не крѣсити“. И позва къ собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли Варягы, и обольстивъ я исѣче. В ту же нощь приде ему вѣсть ис Кыева отъ сестры его Передъславы: „си отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдися его повелику“. Се слышавъ, печаленъ бысть о отци и о братьи и о дружинѣ; заутра же собравъ избытокъ Новгородець, Ярославъ рече: „о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ“. Утерлъ слезъ, и рече имъ на вѣчи: „отець мой умерлъ, а Святополкъ седить Кыевѣ, избивая братью свою“. И рѣша Новгородци: „аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти“. И събра Ярославъ Варягъ тысячю, а прочихъ вой 40000, и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: „не я

почахъ избивати братью, но онъ; да будеть отместьникъ Богъ крове братья моея, зане без вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведную: еда и мнѣ сице же створить? но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго". И поиде на Святополъка; слышавъ же се Святополкъ, идуща Ярослава, пристрои бес числа вой, Ручи и Печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ об сю.

1016. Начало княженья Ярослава Кыевѣ. Въ лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и сташа противу объ оба полы Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихь начати, и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ. И воевода нача Святополчь, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти Новгородцѣ, глаголя: „что придосте с хромьцемь симь, а вы плотници суще? а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ". Се слышавше Новгородци, рѣша Ярославу: „яко заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ его". Бѣ бо уже в заморозъ. Святополкъ стояше межи двѣма озерома, и всю нощь пилъ бѣ с дружиною своею; Ярославъ же заутра исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И выседше на брегъ, отринуша лодьѣ отъ берега, и попдоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ; бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромъ Печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополка с дружиною ко озеру, и въступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, видѣвъ же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярославъ. Святополкъ же бѣжа в Ляхы, Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни; и бы тогда Ярославъ лѣтъ 28.

1017. Въ лѣто 6525. Ярославъ иде в Киевъ, и погорѣ церкви.

1018. Въ лѣто 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомь на Ярослава с Ляхы; Ярославъ же совокупивъ Русь, и Варягы, и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Велыню, и сташа оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода, именемь Буды нача укаряти Боле-

слава, глаголя: „да то ти прободемъ трѣскою черево твое толъстое“. Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжелъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но бяше смыслень; и рече Болеславъ къ дружинѣ своей: „аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну“. Всѣдъ на конь, въбреде въ руку и по немъ воп его, Ярославъ же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава; Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду, Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомь. И рече Болеславъ: „разведѣте дружину мою по городомъ на покоръмъ“, и бысть тако. Ярославу же прибѣгшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с Новгородьци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: „хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомь“. Начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ; и приведоша Варягы, в вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы. Болеславъ же бѣ Кыевѣ сѣдя, оканьный же Святополкъ рече: „елико же Ляховъ по городомъ, избивайте я“; и избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже ис. Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью, и людий множьство веде с собою, и городы Червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю. Святополкъ же нача княжити Кыевѣ, и поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы.

1019. В лѣто 6527. Приде Святополкъ с Печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множьство вой, и изыде противу ему на Льто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идѣже убиша Бориса, въздѣвъ рущѣ на небо, рече: „кровь брата моего вопьеть к тобѣ, Владыко! мьсти отъ крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; тако положи и на семь“. Помоливъся, рекъ: „брата моя! аще еста и тѣломь отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго“. И се ему

рекшю, поидоша противу собѣ, и покрыша поле Летьское [1]) обои отъ множьства вой. Ба же пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была в Руси, и за рукы емлюче сечахуся, и сступишася трижды, яко по удольемь крови тещи; к вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони, и несяхуть и на носилѣхъ; принесоша и къ Берестью [2]), бѣгающе с нимь: онъ же глаголаше: „побѣгнѣте со мною, женуть [3]) по насъ“. Отроци же его всылаху противу [4]): „еда кто женеть по насъ?“ и не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимь; онъ же в немощи лежа, и въ схопивъся глаголаше: „осе женуть, о женуть, побѣгнѣте“. Не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю [5]), гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой в томъ мѣсте....

1022. Въ лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестию. Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокани, поиде на Касогы. Слышавъ же се князь Касожьскый Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: „что ради губивѣ дружину межи собою? но снидеве ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все.“ И рече Мьстиславъ: „тако буди“. И рече Редедя ко Мьстиславу: „не оружьемь ся бьевѣ, но борьбою“. И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: „о Пречистая Богородице! помози ми; аще бо одолѣю сему, съзижю [6]) церковь во

---

[1]) Прилагательное отъ р. Льто (Альта).
[2]) Брестъ.
[3]) Гонятъ.
[4]) Посылали развѣдчиковъ, не гонятся ли за ними.
[5]) Землю ляховъ, польскую.
[6]) Созижду.

имя твое". И се рекъ удари имь о землю, и вынзе ножь, и зарѣза Ределю, и шедъ в землю его, взя все имѣнье его, и жену и дѣти его, и дань възложи на Касогы. И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тьмуторокани [1]).

1023. Въ лѣто 6531. Поиде Мьстиславъ на Ярослава, с Козары и съ Касогы.

1024. Въ лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тьмутороканя Кыеву, и не прияша его Кыяне; онъ же шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто въсташа волъсви в Суждали избиваху старую чадь по дьяволю наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша. Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъимавъ волхвы, расточи, а другыя показни, рекъ сице: „Богъ наводить по грѣхомъ на кующдо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромь, ли иною казнью, а человѣкъ не весть ничтоже". И възративъся Ярославъ, приде Новугороду, и посла за море по Варягы; и приде Якунъ с Варягы, и бѣ Якунъ слѣпъ[2]), и луда бѣ у него золотомъ истъкана. И приде къ Ярославу; и иде Ярославъ съ Якуномь на Мьстислава, Мьстиславъ же слышавъ взиде противу има к Листвену. Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома. И бывши нощи, бысть тма, молонья, и громъ и дождь. И рече Мьстиславъ дружинѣ своей: „поидемъ на ня". И поиде Мьстиславъ, и Ярославъ противу ему, и сступися чело Сѣверъ съ Варягы, и трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мсти-

---

[1]) Эпизодъ объ единоборствѣ, упоминаемый въ Словѣ о полку Игоря и нерѣдко изображаемый въ нашихъ былинахъ.

[2]) Якунъ, по Варяжски Гаконъ, что значитъ: одноглазый. Нѣкоторые предлагаютъ такое чтеніе: *съ лъпъ*.

*

славъ со дружиною своею, и нача сѣчи Варяги, и бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземь Варяжьскымъ, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ; Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светъ заутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчены отъ своихъ Сѣверъ Варягы Ярославлѣ, и рече: „кто сему не радъ? се лежить Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла“. И посла Мьстиславъ по Ярослава, глаголя: „сяди на своемъ столѣ Кыевѣ, ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона“; и не смяше Ярославъ ити в Кыевъ, дондеже смиристася. И сѣдяше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху Кыевѣ мужи Ярославли. В семъ же лѣтѣ родися у Ярослава другый сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

1026. Въ лѣто 6534. Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву, и створи миръ с братомъ своимъ Мьстиславомь у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпрь Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону; и начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста особица и мятежь, и бысть тишина велика в земли.

1027. Въ лѣто 6535. Родися 3-й сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ.

1028. Въ лѣто 6536. Знаменье змиево явися на небеси, яко видѣти всей земли.

1029. Въ лѣто 6537. Мирно бысть.

1034—1036. Въ лѣто 6542. Въ лѣто 6543. Въ лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре; и положиша и в церкви у святаго Спаса, юже бѣ самъ заложилъ, бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони стояще рукою досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицемъ, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. Посемь же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣй земли. Иде Ярославъ Новугороду, и по-

сади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту; и в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Ярославу же сущю Новѣгородѣ вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоять Кыевъ, Ярославъ събра вои многы, Варягы и Словѣни, приде Кыеву; и вниде в городъ свой. И бѣ Печенѣгъ бес числа. Ярославъ выступи ис града, и исполчи дружину, и постави Варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ Кыяне, а на лѣвѣмь крилѣ Новгородци; сташа пред градомь. Печенѣзи приступати почаша, и сступишася на мѣсте, идеже стоить нынѣ святая Соѳья, митрополья Русьская; бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побегоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся камо бѣжати, и овии бѣгающе тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порубъ, брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ бѣ к нему.

1037. Въ лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ [1]), у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Соѳья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородица Благовѣщенье, посемь святаго Георгия монастырь и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестьяньска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто в нощи и въ дне; и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы, и сниска, ими же поучащеся вѣрнии людье, наслажаются ученья божественаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, ини же пожинають и ѣдять пищю бескудну, тако и сь: отець бо его Володимеръ взора́ и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же насѣя книж-

---

[1]) Здѣсь должно разумѣть сооруженіе вокругъ Кіева стѣнъ кремля, т. е. обнесеніе его стѣною.

ными словесы сердца вѣрныхъ людий, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходяща мудрости, книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломонъ похваляя глаголаше: азъ премудрость, вселихъ свѣтъ, и разумъ и смыслъ, азъ призвахъ страхъ Господень... мои съвѣти, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость; мною цесареве царствуютъ, а силнии пишютъ правду; мною вельможа величаются и мучители держать землю; азъ любящая мя люблю, ищющи мене обрящютъ благодать. Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши велику ползу души своей; иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть с Богомь, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, и житья святыхъ отець, въспріемлеть души велику ползу. Ярославъ же сей, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и многы написавъ положи въ святѣй Соѳьи церкви, юже созда самъ; украси ю златомъ и сребромь и сосуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають въ годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ[1]) веля имъ учити люди, понеже тѣмь есть поручено Богомь, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутерии людье хрестьяньстии. Радовашеся Ярославъ, виня множьство церквий и люди хрестьяны, зѣло, а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьяньскыми.

1043. Въ лѣто 6551. Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вои многы, а воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай, и поидоша ко Цесарюграду; и бысть буря ве-

---

[1]) Т. е. уреченное, назначенное.

лика, и разби кораблп Руси, и княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричь, воевода Ярославль. Прочіи же вои Володимери вывержени быша на брегъ, числомь 6000, и хотящемъ поити въ Русь, и не идяше с ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата: „азъ поиду съ ними;“ и высѣде ис корабля къ нимъ, рече: „аще живъ буду, то съ нимп, аще погыну, то съ дружиною.“ И поидоша хотяще въ Русь. И бысть вѣсть Грькомъ, яко избило море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, по Руси олядіи 14 Володимеръ же видѣвъ съ дружиною, яко идуть по немь, въспятивъся изби оляди Гречьскыя, и възвратися въ Русь, всѣдше въ кораблѣ своѣ. Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша Руси много; по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу. Въ си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Кизимиръ за вѣно людіи 8 сотъ, яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.

1044. Въ лѣто 6552. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святоставля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица. Въ се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати отъ вълхвованья, матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: „се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего,“ еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье.

1045. Въ лѣто 6553. Заложи Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ.

1051. Въ лѣто 6559. Постави Ярославъ Ларіона[1]) митрополитомъ Руси въ святѣй Софьи, собравъ епископы. И се да скажемъ, чего ради прозвася Печерьскый манастырь: Бо-

---

[1]) По народному, вм. Иларіонъ.

голюбивому князю Ярославу любящю Борестовое, и церковь ту сущюю Святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, въ нихъ же бѣ презвутеръ, именемъ Ларіонъ, мужъ благъ, книженъ и постникъ; и хожаше съ Берестоваго[1]) на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый, и ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя съ Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. Посемь же Богъ князю вложи въ сердце, и постави и митрополитомъ въ святѣй Софьи, а си печерка тако оста. И не по мнозѣхъ днѣхъ бѣ нѣкый человѣкъ, именемъ мирьскымъ отъ града Любча[2]); и възложи сему Богъ въ сердце въ страну ити[3]); онъ же устремися въ Святую Гору[4]), и видѣ ту монастыря сущая, и обиходивъ, възлюбивъ чернечьскый образъ, приде въ манастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьскый. Онъ же послушавъ его, постриже и, нарекъ имя ему Антоній, наказавъ его и научивъ чернечьскому образу, и рече ему: „иди въ Русь опять, и буди благословленье отъ Святыя Горы, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть;“ благослови и и отпусти его, рекъ ему: „иди съ миромь“. Антоній же приде Кыеву, и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по монастыремъ, и не възлюби, Богу не хотящю; и поча ходити по дебремъ и по горамъ, ища кдѣ бы ему Богъ показалъ; и приде на холмъ, идѣже бѣ Ларіонъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися въ не, и нача молитися Богу со слезами, глаголя: „Господи! утверди мя въ мѣстѣ семь, и да будеть на мѣстѣ семь благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постриглъ“. И поча жити ту, моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то чересъ день, и воды въ мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя

---

[1]) Берестово или Берестовъ, мѣстечко по Днѣпру, ниже Кіева, съ княжескимъ дворцомъ.

[2]) Антипъ.—Любечъ городъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

[3]) Т. е. странствовать.

[4]) Аѳонскую.

день и нощь, въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣньи и въ молитвахъ. Посемь же увѣдѣша добріи человѣци, и приходяху къ нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ, и прослу якоже великый Антоній: приходяще къ нему просяху у него благословенья. Посемь же преставльшюся великому князю Ярославу, прія власть сынъ его Изяславъ, и сѣде Кыевѣ. Антоній же прославленъ бысть въ Русьскѣй земли; Изяславъ же увѣдѣвъ житье его, приде съ дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великый Антоній и чтимъ, и начаша приходити къ нему братья и нача пріимати и постригати я; и собрася братьи къ нему числомъ 12; и ископаша печеру велику, и церковь, и кельи, яже суть и до сего дне въ печерѣ подъ ветхымъ манастыремь. Совъкупленѣ же братьи, рече имъ Антоній: „се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы, имъ же мене постриже игуменъ Святыя горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенье на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы;“ и се рекъ имъ: „живѣте же особѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хочю въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединивъся *(жити)*“. И постави имъ игуменомъ Варлама, а самъ иде въ гору и ископа печеру, яже есть подъ новымъ манастыремъ, въ ней же сконча животъ свой, живъ въ добродѣтели, не выходя изъ печеры лѣтъ 40 никдаже, въ ней же лежатъ мощѣ его и до сего дне. Братья же съ игуменомъ живяху въ печерѣ, и умножившимся братьи въ печерѣ, и не имущимъся вмѣстити, и помыслиша поставити внѣ печеры манастырь; и приде игуменъ и братья ко Антонью, и рекоша ему: „отче! умножилося братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити въ печеру; да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да бихомъ поставили церковьцю внѣ печеры,“ и повелѣ имъ Антоній. Они же поклонишася ему, и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыя Богородица Успенье. И нача Богъ умножати черноризцѣ, молитвами святыя Богородица, и съвѣтъ створиша братья со игуменомъ по-

ставити манастырь; и идоша братья ко Антонью и рѣша: „отче! братья умножаются, а хотѣли быхомъ поставити монастырь“. Антоний же радъ бывъ, рче: „благословенъ Богъ о всемъ, и молитва святыя Богородица и сущихъ отець иже в Святѣй Горѣ да будеть съ вами“. И се рекъ, посла единого отъ братьѣ ко Изяславу князю, река тако: „княже мой! се Богъ умножаеть братью, а мѣстьце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою;“ Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужь свой, и вда имъ гору ту. Игуменъ же и братья заложиша церковь велику и манастырь огородиша столпеемь, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ почася Печерский манастырь, имьже бѣша жили черньци преже въ печерѣ, а отъ того прозвася Печерский манастырь; есть же манастырь Печерский отъ благословенья Святыя Горы пошелъ. Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлама на игуменьство къ святому Дмитрию, хотя створити вышний сего монастыря, надѣяся богатьству. Мнози бо монастыри отъ цесарь и отъ бояръ и отъ богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньемь; Антоній бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемъ, якоже глаголахъ. Варламу же шедъшю къ святому Дмитрію, совѣтъ створше братья, идоша къ старцю Антонью и рекоша: „постави намъ игумена“. Онъ же рече имъ: „кого хощете?“ Они же рѣша: „кого хощеть Богъ и ты“. И рече имъ: „кто болій въ васъ, акъ же Федосій, послушьливый, кроткый, смѣреный; да сь будеть вамъ игуменъ“. Братья же ради бывше, поклонишася старцю, и поставиша Ѳеодосья игуменомъ братьѣ, числомъ 20. Ѳеодосиеви же пріемшю манастырь, почта имѣти въздержанье, и велико пощенье, и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомъ 100. И нача искати правила чернечьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернець манастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ

изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернець Студійскыхъ; и обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастыри своемъ како пѣти пѣнья манастырьская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный и на тряпезѣ сѣданье, и что ясти въ кыя дни, все съ уставленьемъ. Ѳеодосій все то изъобрѣтъ, предасть манастырю своему; отъ того же манастыря переяша вси манастыреве уставъ: тѣмже почтенъ есть манастырь Печерьскый старѣе всѣхъ. Ѳеодосьеви же живущю въ манастыри, и правящю добродѣтелное житье и чернечьское правило, и пріимающю всякого приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти манастырь и что ради зоветься Печерьскый; а о Ѳеодосьевѣ житьи паки скажемъ.

1052. Въ лѣто 6560. Преставися Володимеръ, сынъ Ярославль старѣй, Новѣгородѣ, и положенъ бысть въ святѣй Соѳьи, юже бѣ самъ создалъ.

1053. Въ лѣто 6561. У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, отъ царицѣ Грькынѣ.

1054. Въ лѣто 6562. Преставися великый князь Русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: „се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, въ распряхъ и которающеся, то погыбнете сами, и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ; но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будеть в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь,

а Вячеславу Смолинескъ“. И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: „аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай, его же обидять;“ и тако уряди сыны своя пребывати въ любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю Новѣгородѣ, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемъ паче всея братьи, его же имяше присно у собе. Ярославу же приспѣ конецъ житья, и предасть душю свою Богу въ суботу 1 поста святаго Ѳеодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани везоша и Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни, плакашася по немъ людье; и принесше положиша и въ рацѣ мороморянѣ, въ церкви святое Соѳьѣ, и плакася по немь Всеволодъ и людье вси. Живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6.

Начало княженья Изяславля Кыевѣ. Пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславъ въ Смолиньскѣ. Въ се же лѣто иде Всеволодъ на Торкы зимѣ к Воиню и побѣди Торкы. Въ семъ же лѣтѣ приходи Болушь съ Половьци, и створи Всеволодъ миръ съ ними, и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли...

1060. Въ лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль. Въ семъ же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокупиша вои бещислены, и поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, безчислено множьство, на Торкы. Се слышавше Торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгающе, Божьимъ гнѣвомъ гоними, ови отъ зимы, друзіи же гладомь, ини же моромь и судомь Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ.

1061. Въ лѣто 6569. Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу имъ, мѣсяца февраля въ 2 день; и бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искалъ.

1064. Въ лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимерь, внукъ Ярославль [1]), и с нимъ бѣжа Порей и Вышата, сынъ Остромирь воеводы Новгородьского; и пришедъ выгна Глѣба изь Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто.

1065. Въ лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава кь Тмутороканю, Ростиславъ же отступи кромѣ изъ града, не убоявъся его, но не хотя противу стрыеви своему оружья взяти. Святославъ же пришедъ Тмутороканю, посади сына своего паки Глѣба, и възратися опять; Ростиславъ же пришедъ, паки выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцю своему, Ростиславъ же сѣде Тмуторокани. Въ се же лѣто Всеславъ рать почалъ. Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи аки кровавы, въсходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмь, и пребысть за 7 днiй. Се же проявляше не на добро, по семъ бо быша усобицѣ многы и нашествiе погаными на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ аки кровава, проявляющи кровипролитье.... Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но аки мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю. Се же бываютъ сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ, якоже древле, при Антiосѣ, въ Iерусалимѣ случися внезапу по всему граду за 40 днiй являтися на вздусѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы имуща одежѣ, и полкы обоявляемы, и оружьемъ двизающимся: се же проявляше нахоженье Антiохово на Iерусалимъ. Посемь же при Неронѣ цесари въ томъ же Iерусалимѣ восiя звѣзда, на образъ копiйный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженье рати отъ Римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цесари, звѣзда восiя на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блистаницею, и бысть блистающи днiй 20, посемъ же бысть звѣздамъ теченье, съ вечера до заутрья, яко мнѣти всѣмъ,

---

[1]) Здѣсь во всѣхъ трехъ спискахъ пропускъ 3-хъ строкъ, восполняемыхъ изъ Ипатскаго списка.

яко падаютъ звѣзды, и паки солнце безъ лучь сьяше: се же проявляше крамолы, недузи человѣкомъ умертвіе бяше... Посемъ же бысть при Костянтинѣ иконоборци цари, сына Леонова: теченье звѣздное бысть на небѣ, отторваху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину; тогда же въздухъ възліяся повелику; въ Суріи же бысть трусъ великъ, земля разсѣдшися трій попришь, изиде дивно изъ земли мъска, человѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитье языка, еже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, не на благо бываютъ; но знаменья сиця на зло бываютъ, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ.

1066. Въ лѣто 6574. Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань у Касогъ и въ инѣхъ странъ, сего же убоявшеся Грьци, послаша съ лестью котопана; оному же пришедшю къ Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтяшеть и Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: „княже! хочю на тя пити;“ оному же рекшю: „пій.“ Онъ же испивъ половину, а половину дасть князю пити; дотиснувъся палцемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенье смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопанъ же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко въ сій день умреть Ростиславъ, якоже и бысть; сего же котопана побиша каменьемъ Корсуньстіи людье. Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, възрастомъ же лѣпъ и красенъ лицомъ, и милостивъ убогымъ; и умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица.

1067. Въ лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полоцкий, и зая Новъгородъ; Ярославичи же тріе, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску [1]), и Мѣняне за-

[1]) Городъ Минскъ.

творишася въ градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ, и исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша къ Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 день, и бяше снѣгъ великъ, и поидоша противу собѣ; и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа. Посемъ же, мѣсяца іуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: „приди къ намъ, яко не створимъ ти зла“; онъ же надѣявься цѣлованью креста, переѣха въ лодьи черезъ Днѣпръ. Изяславу же въ шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и въ порубъ съ двѣма сынома.

1068. Въ лѣто 6576. Придоша иноплеменьници на Русьску землю, Половьци мнози, Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто; и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша Русьскыи князи, и побѣдиша Половьци. Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьявола. Богъ бо не хощетъ зла чѣловѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнитъ Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ [1]), ли гусеницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, въ немъ же ны Богъ велитъ жити, глаголетъ бо Пророкомъ намъ: обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възвращаемся, акы свинья въ калѣ грѣховнѣмъ присно каляющеся, и тако пребываемъ. Тѣмже Пророкомъ намъ гла-

[1]) Во всѣхъ др. сп. кромѣ Л., „вредомъ“.

голеть: разумѣхъ, рече, яко жестокь еси, и шія желѣзная твоя, того ради удержахъ отъ васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, исше, и поразихъ вы зноемъ и различными казньми; то и тако не обратистеся ко мнѣ. Сего ради виногради вашѣ, и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголеть Господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти; послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя, и на скоты казнь свою послахъ, то и ту не обратистеся, но рѣсте: мужаемъся. Доколѣ не насытистеся злобъ вашихъ? Вы бо уклонистеся отъ пути моего, глаголеть Господь, и соблазнисте многы; сего ради буду свѣдѣтель скоръ на противьныя,.... и на кленущаяся именемъ моимъ во лжю, и на лишающая мьзды наимника, насильствующая сиротѣ и вдовици, и на укланяющая судъ кривѣ. Почто не въздержастеся въ грѣсѣхъ вашихъ, но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ? Обратитеся ко мьнѣ, и обращюся къ вамъ, глаголеть Господь, и азъ отверзу вамъ хляби небесныя и отвращю отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуеть вамъ, и не имуть изнемощи виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работаяй Богу. Тѣмже усты чтуть мя, а сердце ихъ далече отстоить мене; сего ради, ихже просимъ, не пріемлемъ: будеть бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ, взищете мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемъ моимъ, да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ въ дождя мѣсто пуская, ово ли мразомь плоды узнабляя и землю зноемъ томя, нашихъ ради злобъ. Аще ли ся покаемъ отъ злобъ нашихъ, то акы чадомъ своимъ дасть намъ вся прошенья, и отдождить намъ дождь ранъ и позденъ, и наполнятся гумна ваша пшеницѣ, пролѣются точила винная и масльная, и въздамъ вамъ за лѣта, яже пояша прузи, и хрустове, и гусеница; сила моя великая, юже послахъ на вы, глаголеть Господь Вседержитель. Си слышаще, въстягнемъся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни

клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся Господи Возѣ нашемь, постомъ и рыданьемъ и слезами омывающе вся прегрѣшенья наша, не словомъ нарицяющеся хрестьяни, а поганьскы живуще. Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възращается, ли единець, ли свинью; то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь сію держать; друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ. Но сими дьяволъ льстить, и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множьство на нихъ, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять; егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всяческыя, и нахоженье ратныхъ, по Божью повелѣнью пріемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ. Мы же на предлежащее паки възратимся. Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье Кыевстіи прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, послався ко князю: „се Половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними“. Изяславъ же сего не послуша. И начаша людье говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: „поидемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба“. И раздѣлишася надвое; половина ихъ иде къ погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящу на сѣнехъ съ дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ. Стояще долѣ, князю же изъ оконця зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, братъ Чюдинъ, Изяславу: „видиши, княже, людье възвыли; посли, ать Всеслава блюдуть“. И се ему глаголющю, другая половина людій приде отъ погреба, отворивше погребъ; и рекоша дружина князю: „се зло есть; посли ко Всеславу, атъ призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемъ“. И не

послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю; Изяславъ же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба, въ 15 день семтября, и поставиша и средѣ двора княжа; дворъ жь княжь разграбиша, безчисленное множьство злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяславъ же бѣжа въ Ляхы. Посемъ же Половцемъ воюющимъ по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и Половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же собравъ дружины нѣколико, изиде на ня ко Сновьску. И узрѣша Половци идущь полкъ, пристроишася противу; и видѣвъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружинѣ своей: „потягнемъ, уже намъ нелзѣ камо ся дѣти“, и удариша в конѣ; и одолѣ Святославъ въ трехъ тысячахъ, а Половець бѣ 12 тысячѣ, и тако бьеми, а друзіи потопоша въ Снови, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября, и възратися съ побѣдою въ градъ свой Святославъ. Всеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и, тѣмже наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный. Въ день бо Въздвиженья Всеславъ вздохнувъ рече: „о кресте честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего“.

1068. Въ лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомь на Всеслава, Всеславъ же поиде противу; и приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся Кыянъ бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, възвратишася Кыеву, и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: „мы уже зло створили есмы князя своего прогнавше, а се ведеть на ны Лядьскую землю, а поидѣта в градъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю“. И рече имъ Святославъ: „вѣ послевѣ к брату своему; аще придеть на вы с Ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бѣ погубити града отца своего; аще ли хощеть с миромъ, то в малѣ придеть дружинѣ“. И утѣписта Кыяны. Святославъ же и Всеволодъ посласта къ Изя-

славу, глаголюща: „Всеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола“. То стышавъ Изяславъ, остави Ляхы и поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же предъ собою сына своего Мьстислава Кыеву. И пришедъ Мьстиславъ, исѣче Кияны, иже бѣша высѣкли Всеслава, числовъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклономъ, и приняша князь свой Кыяне, и сѣде Изяславъ на столѣ своемь, мѣсяца мая въ 2 день. И распуща Ляхы на покормъ, и избиваху Ляхы отай; и възвратися в Ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору, и прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мьстислава Полотьскѣ; онъ же вскорѣ умре ту, и посади въ его мѣсто брата его Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

1071. Въ лѣто 6579. Воеваша Половци у Растовьця и у Неятина. В се же лѣто выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска. В се же лѣто побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. В си-же времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше, сице повѣдая людемъ: яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, вѣрніи же смеяхуться, глаголюще ему: „бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ“. Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подътокше на зло вводять, посемъ же насмисаются, ввергъше и в пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ бѣсовьское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области, въстаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща: „яко вѣ свѣтѣ, кто обилье держить“; и поидоста по Волзѣ, кдѣ придуча в погостъ, туже нарекаста лучьшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима

сестры своя, матере и жены своя; она же в мечтѣ прорѣзавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу и убивашета многы жены, и имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нею людий инѣхъ 300. В се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя,ославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя“. Они же сего не послушаша. Янь же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: „не ходи безъ оружья, осоромять тя“; онъ же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимь, и поиде к нимъ к лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу, Яневи же идущю с топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: „вида идеши на смерть, не ходи“; оному повелѣвшю бити я, к прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ, Янь же оборотя топоръ удари и тыльемь, повелѣ отрокомъ сѣчи я; они ше бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янь же вшедъ в градъ к Бѣлозерцемъ, рече имъ: „аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто“. Бѣлозерци же шедше яша я, и приведоша я къ Яневи. И рече има: „что ради погубиста толико человѣкъ“? Онѣма же рекшема: „яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино; аще ли хощеши, то предъ тобою вынемѣве жито, ли рыбу, ли ино что“. Янь же рече: по истинѣ лжа то; створилъ Богъ человѣка отъ землѣ, составленъ костьми и жылами отъ крове, нѣсть в немъ ничтоже, и не вѣсть никтоже, но токъмо единъ Богъ вѣсть“. Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ“. Онъ же рече: „како“? Она же рекоста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерся вѣхтемъ, и верже съ небесе на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немь створити человѣка? и створи дья-

волъ человѣка, а Богъ душю во нь вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, в землю идеть тѣло, а душа к Богу“. Рече има Янь: „поистинѣ прельстилъ васъ есть бѣсъ; коему Богу вѣруета“? Она же рекоста: „антихресту“. Онъ же рече има: „то кдѣ есть“? Она же рекоста: „сѣдить въ безднѣ“. Рече има Янь: „какый то Богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдяй на престолѣ, славимъ отъ ангелъ, иже предстоять ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти; сихъ бо ангелъ сверженъ бысть, егоже вы глаголета антихрестъ, за величанье его низъверженъ бысть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придеть Богъ съ небесе, сего имъ антихреста свяжеть узами и посадить и, емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣруютъ; вама же и сде муку пріяти отъ мене, и по смерти тамо“. Онѣма же рекшема: „нама бози повѣдаютъ, не можеши нама створити ничтоже“. Онъ же рече има: „лжють вама бози“. Она же рекоста: „нама стати предъ Святославомь, а ты не можеши створити ничтоже“. Янь же повелѣ бити я, и поторгати брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янь: „что вама бози молвять“? Онѣма же рекшема: „стати намъ предъ Святославомъ“. И повелѣ Янь вложити рубль въ уста има, и привязати я къ упругу, и пусти предъ собою лодьѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: „что вамъ бози молвять“? Она же реста: „сице нама бози молвять, не быти нама живымъ отъ тобѣ.“ И рече има Янь: „то ти вама право повѣдали“. Она же рекоста: „но аще на пустиши, много ти добра будеть; аще ли наю погубиши, многу печаль приимеши и зло“. Онъ же рече има: „аще ваю пущю, то зло ми будеть отъ Бога; аще ль васъ погублю, то мзда ми будеть“. И рече Янь повозникомъ: „ци кому васъ кто родинъ убьенъ отъ сею“? Они же реша: „мнѣ мати, другому сестра, иному роженье“. Онъ же рече имъ: „мьстите своихъ“. Они же поимше, убиша я и повѣсиша я на дубѣ: отмьстье приимша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, въ

другую нощь медвѣдь възлѣзъ; и угрызъ ею и снѣсть; а тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовьскымъ, инѣмъ вѣдуща, а своея пагубы не вѣдуща. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идеже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: „не умрети нама“, оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовьское наущение; бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьскыя, но влагаютъ помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдаютъ ничтоже, суть бо немощни и худи взоромь. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чудь, и приде къ кудеснику, хотя волхвованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: „бози не смѣютъ прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся“. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое: онъ же нача опять призывати бѣсы; бѣси же метавше имь, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемь же поча прашати его: „что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста“? Онъ же рече: „то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся“. Онъ же рече: „то каци суть бози ваши, кде живуть“? Онъ же рече: „въ безднахъ: суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть, то носимъ къ нашимъ богомь въ бездну“. Якоже и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще мукы вѣчныя, а праведници въ небеснѣмъ жилищѣ водваряются со ангелы. Сиця ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь; тѣмъ же прелщають человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ несвершенымъ вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ, и тако волхвують наущениемъ бѣсовьскымъ.

Паче же женами бѣсовьская волъшвенья бываютъ; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа, тако въ вси роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовьскыми козньми. Но и мужи прелщени бываютъ отъ бѣсовъ невѣрнии, яко се въ первыя роды при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, иже творяше волшьствомь псомъ глаголати человѣчьски, и самъ премѣняшется, ово старъ, ово молодъ ово ли и иного премѣняше во иного образъ, въ мечтаньи сице творяше; Аньнии и Мамъврий волъшвеньемь чюдеса творяшеть противу Моисиови, но вскорѣ не възмогоста противу Моисиови; но и Конобъ творяше мечтанье бѣсовьско, яко и по водамъ ходити, ина мечтанья творяше, бѣсомь лстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ. Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголеть бо людемъ, творяся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града: глаголашеть бо, яко „провѣде вся“, и хуля вѣру хрестьяньскую, глаголашеть бо: „яко переиду по Волхову предъ всѣми“. И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ „иже хощеть вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть“. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ скутомъ, приде къ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера“? Онъ же рече: „провѣде вся“. И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что ти хощеть быти днесь“? „Чюдеса велика створю“, рече. Глѣбъ же вынемь топоръ, ростя и, и паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же погыбе тѣломь и душею, предавъся дьяволу.

1072. Въ лѣто 6580. Пренесоша святая страстотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ иже тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, Михаилъ Гургевьскый, Ѳеодосий же игуменъ Печерьскый, Софроний святаго Михаила игу-

менъ, Германъ игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславьскый, и вси игумени, и створше праздникъ, празднованье свѣтло, преложиша я въ новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоить и нынѣ. И вземше первое Бориса въ древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодь, вземше на рама своя понесоша, предъидущимъ черноризцемъ, свеща держаще въ рукахъ, и по нихъ дьякони съ кадилы, и посемь презвитери, и по нихъ епископи съ митрополитомъ; по сихъ съ ракою идяху. И принесше въ новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы, воня благы; видѣвше же се, прославиша Бога. И митрополита ужасть обиде, бѣ бо нетвердъ вѣрою къ нима; и падъ ниць, просяше прощенья. Цѣловавше мощи его, вложиша и въ раку камену. Посемъ же вземше Глѣба въ рацѣ каменѣ, вставиша на сани, и емше за ужа везоша и; яко быша въ дверехъ, ста рака, и не иде. И повелѣша народу възвати: „Господи помилуй“, и повезоша и; и положиша я мѣсяца мая 2 день. И отпѣвше литургію, обѣдаша братья на скупь, кождо съ бояры своими, съ любовью великою. И бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь. Посемъ же разидошаса въсвояси.

1073. Въ лѣто 6581. Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомь на Изяслава; изиде Изяславъ изъ Кыева, Святославъ же и Всеволодъ внидоста въ Кыевъ, мѣсяца марта 22, и сѣдоста на столѣ на Берестовомь, преступивша заповѣдь отню. Святославъ же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя: „яко Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ, имать насъ прогнати“; и тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяславъ же иде въ Ляхы со имѣньемъ многымъ, глаголя: „яко симъ налѣзу вон“. Еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь отъ себе. А Святославъ сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же Божью....

1074. Въ лѣто 6582. Ѳеодосій Игуменъ Печерьскый преставися. Скажемъ же о успеньи его мало. Ѳеодосій бо обычай имяше, приходящю постному времени, въ недѣлю Масленую, вечеръ, по обычаю цѣловавъ братью всю и поучивъ ихъ, кахо проводити постное время въ молитвахъ нощныхъ и дневныхъ, блюстися отъ помыслъ скверньныхъ, отъ бѣсовьскаго насѣянья; „бѣси бо“, рече, „насѣвають черноризцемъ помышленья, похотѣнья лукава, вжагающе ему помыслы, и тѣми врежаеми бываютъ имъ молитвы; да приходящая таковыя мысли възбраняти знаменьемъ крестнымъ, глаголюше сице: Господи Исусе Христе, Боже нашь, помилуй насъ, аминь. И къ симъ воздержанье имѣти отъ многаго бращна; въ яденьи бо мнозѣ и питьи безмѣрнѣ въздрастаютъ помысли лукавіи, помысломъ же въздрастъшимъ ствяряется грѣхъ. „Тѣмже“, рече, „противитеся бѣсовьскому дѣйству и пронырьству ихъ, блюстися отъ лѣности и отъ многаго сна, бодру быти на пѣнье церковное, и на преданья отечьская, и почитанья книжная; паче же имѣти въ устѣхъ Псалтырь Давыдовъ подобаетъ черноризцемъ, симь прогонити бѣсовьское унынье, паче же имѣти въ собѣ любовь всѣмъ меншимъ и къ старѣйшимъ покоренье и послушанье, старѣйшимъ же къ меншимъ любовь и наказанье, и образъ бывати собою въздержаньемъ и бдѣньемъ, хоженьемъ, и смѣреньемъ; тако наказывати меншая, и утѣшати я: и тако проводити постъ“. Глаголеть бо сице: „яко Богъ далъ есть намъ 40 дний сія на очищенье души; се бо есть десятина даема отъ лѣта Богу: днiй бо есть отъ года до года 300 и 60 и 5, а отъ сихъ днiй десятый день въздаяти Богови Десятину, еже есть постъ 40-тный, въ ня же дни очистившися душя, празднуеть свѣтло на Вскресенье Господне, веселящися о Бозѣ. Постное бо время очищаеть умъ человѣку. Пощенье бо испервa проображено бысть: Адаму первое не вкушати отъ древа единого; постивъбося Моиси днiй 40, сподобися пріяти законъ на горѣ Синайстѣй, и видѣ славу Божью; постомъ Самоила мати роди; постившеся Ниневгитяне гнѣва Божья избыша;

постився Данилъ видѣнья велика сподобися; постивъся Илья акы на небо взятъ бысть, въ пищю породную; постившеся 3 отроци угасиша силу огньную; постивъся и Господь 40 днiй намъ показа постное время; постомь Апостоли искорениша бѣсовьское ученье; постомь явишася Отци наши акы свѣтила въ мірѣ, иже сіяють и по смерти, показавше труды великыя и вздержанье, яко се великый Антонiй, и Еуѳимiй, и Сава, и прочiи Отци, ихъ же мы поревнуемъ, братья". И сице поучивъ братью, цѣлова вся по имени, и тако изидяше изъ монастыря, взимая мало коврижекъ; и вшедъ въ печеру, и затворяше двери печерѣ и засыпаше перстью, и не глаголаше никомуже; аще ли будяше нужьное орудiе, то оконцемъ малымъ бесѣдоваше, въ суботу ли въ недѣлю, а во ины дни пребываше въ постѣ и въ молитвахъ, вздержася крѣпко. И приходяше въ монастырь въ пятокъ на канунъ Лазаревъ; въ сей бо день кончается постъ 40 днiй, начинаемъ отъ перваго понедѣльника наставши Ѳеодоровы недѣли, кончаваеть же ся въ пятокъ Лазаревъ; а страстьная недѣля уставлена есть поститися страстiй ради Господень. Ѳеодосьевн же пришедшю по обычаю братью цѣлова и празднова съ ними недѣлю Цвѣтную, и дошедъ велика дне Вскресенья, по обычаю празднова свѣтло, и впаде въ болѣзнь. Разболѣвшю бо ся ему и болѣвшю днiй 5, посемь бывшю вечеру, повелѣ изнести ся на дворъ; братья же вземше и на сани, поставиша и прямо церкви; онъ же повелѣ звати братью всю, братья же ударивше въ било, и собрашася вси. Онъ же рече имъ: „братья моя, и отци мои, и чада моя! се азъ отхожю отъ васъ, якоже яви ми Господь въ постное время, въ печерѣ сущю ми, изити отъ свѣта сего; вы же кого хощете игуменомъ имѣти собѣ, да и азъ благословленье подалъ быхъ ему"? Они же рекоша: „ты еси намъ всѣмъ отець, да его же изволиши самъ, то намъ буди отець и игуменъ; и послушаемъ его яко и тобе". Отець же нашъ Ѳеодоси рече: „шедше кромѣ мене нарьцѣте, его же хощете, кромѣ двою брату Николы и Игната; въ прочихъ кого хощете отъ старѣйшихъ

и до меншихъ“. Они послушавше его, отступивше мало къ церкви, сдумавше послаша брата два, глаголюще сице: „его же изволить Богъ и твоя честная молитва, его же тобѣ любо, того нарци“. Ѳеодосій же рече имъ: „да аще отъ мене хощете игумена пріяти, то азъ створю вамъ не по своему изволенью, но по Божью строенью“; и нарече имъ Іякова презвитера. Братьи же нелюбо быть, глаголюще: „яко не здѣ есть постриженъ“; бѣ бо Іяковъ пришелъ съ Летьца съ братомъ своимъ Пауломъ. И начаша братья просити Стефана деместника, суща тогда ученика Ѳеодосьева, глаголюще: „яко сесь взрослъ есть подъ рукою твоею, и у тобе послужилъ есть; сего ны вдай“. Рече же имъ Ѳеодосій: „се азъ, по Божью повелѣнью, нареклъ бяхъ Іякова; се же вы свою волю створити хощете“. И послушавъ ихъ, предасть имъ Стефана, да будеть имъ игуменъ; и благослови Стефана, и рече ему: „чадо! се предаю ти манастырь, блюди со опасеньемъ его, и яже устроихъ въ службахъ, то держи; преданья манастырьская и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину манастырьску“. И посемь вземше и братья, несоша въ келью и положиша на одрѣ. И шестому дни наставшю, болну сущю велми, приде къ нему Святославъ с сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема има у него, рече ему Ѳеодосій: „се отхожю свѣта сего, и се предаю ти манастырь на сблюденье, еда будеть что смятенье въ немъ; и се поручаю игуменьство Стефану, не дай его въ обиду“. Князь же цѣловавъ его, и обѣщася пещися манастыремъ, и иде отъ него. Семому же дни пришедшю, призва Стефана и братью, уже изнемагающю, и нача имъ глаголати сице: „аще по моемь отшествіи свѣта сего, аще буду Богу угодилъ и пріялъ мя будеть Богъ, то по моемъ отшествіи манастырь ся начнеть строити и прибывати въ немъ: то вѣжьте, яко пріялъ мя есть Богъ; аще ли, по моей смерти, оскудѣвати начнеть манастырь черноризци и потребами манастырьсками, то вѣдуще будете, яко не угодилъ есмь Богу“. И се ему глаголющю, плакахуся братья, глаголюще: „отче! молися за ны къ Богу;

вѣмы бо, яко Богъ труда твоего не презритъ“. И пресѣдящи братьѣ нощь ту у него, и наставшю дни осмому, въ 2 суботу по Пасцѣ, въ часъ 2 дне, предасть душю въ руцѣ Божіи, мѣсяця мая въ 3 день, индикта въ 11 лѣто; плакашася по немь братья. Бѣ же Ѳеодосій заповѣдалъ положити ся въ печерѣ, идѣже показа труды многы, рекъ сице: „въ ночь похороните тѣло мое“, якоже и створиша; вечеру бо приспѣвшю, братья всемше тѣло его, и положиша и въ печерѣ, проводивше съ пѣсньми, съ свѣщами, честно, на хвалу Богу нашему Исусу Христу. Стефану же предержащю манастырь, и блаженное стадо, еже бѣ совокупилъ Ѳеодосій, таковы черньцѣ яко свѣтила въ Руси сьяють: ови бо бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнье, ови на кланянье колѣньное, ови на пощенье чрезъ день и чрезъ два дни, ини же ядуще хлѣбъ съ водою, ини зелье варено, друзіи сыро. Въ любви пребывающе, меншіи покаряющеся старѣйшимъ и не смѣюще предъ ними глаголати, но все съ покореньемъ и съ послушаньемъ великымъ; такоже и старѣйшіи имяху любовь къ меншимъ, наказаху, утѣшающе, яко чада възлюбленая. Аще который братъ въ етеро прегрѣшенье впадаше, утѣшаху и епитемью единаго брата раздѣляху 3 ли, 4, за великую любовь: такова бо бяше любы въ братьи той, и вздержанье велико. Аще братъ етеръ выидяше изъ манастыря, вся братья имяху о томъ печаль велику; посылаючи по нь, призываху брата къ монастырю, шедше вси кланяхузя игумену, и моляху игумена, и пріимаху брата въ манастырь съ радостью. Таци бо бѣша любовници, и въздержьници, и постници, отъ нихъ же намѣню нѣколико мужь чюдныхъ. Яко се первый Демьянъ презвутеръ: бяше тако постникъ и въздержникъ, яко развѣ хлѣба ти воды ясти ему до смерти своея. Аще кто коли принесяше дѣтишь боленъ, кацѣмъ либо недугомъ одержимъ принесяху въ манастырь, ли свершенъ человѣкъ, кацѣмъ либо недугомъ одержимъ, приходяще въ манастырь къ блаженому Ѳеодосью: повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абье створяше молитву и масломъ по-

мазаше, и пріимаху пщѣленье приходящіи къ нему. Разболѣвшю же ся и конецъ пріяти лежащю ему въ немощи; приде ангелъ къ нему въ образѣ Ѳеодосьевѣ, даруя ему царство небесное за труды его; посемъ же приде Ѳеодосій съ братьею, и присѣдяху у него, оному же изнемагающю, възрѣвъ на игумена рече: „не забывай, игумене, еже ми еси обѣщалъ“; и разумѣ великый Ѳеодосій, яко видѣнье видѣлъ, и рече ему: „брате Дамьянѣ! еже есмь обѣщалъ, то ти буди“. Онъ же сомжаривъ очи, предасть духъ въ руцѣ Божіи; игуменъ же и братья похорониша тѣло его. Такъже бѣ и другый братъ, именемъ Еремія, иже помняше крещенье землѣ Русьскыя. Сему бѣ даръ дарованъ отъ Бога: проповѣдаше предибудущая, и аще кого видяше въ помышленьи, обличаше и втаинѣ и наказаше блюстися отъ дьявола; аще который братъ умышляше ити изъ манастыря, и у ряше и, пришедъ къ нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата; аще кому что речаше, ли добро, ли зло, сбудяшется старче слово. Бѣ же и другый старець, именемъ Матѳѣй: бѣ. прозорливъ. Единою бо ему стоящю въ церкви на мѣстѣ своемь, възведъ очи свои, позрѣ по братьи, иже стоять поюще по обѣма странама на крилосѣ, и видѣ обиходяща бѣса, въ образѣ Ляха, въ лудѣ, и носяща въ приполѣ цвѣткы, иже глаголется лѣпокъ. И обиходя подлѣ братью, взимая из лона лѣпокъ, вержаше на кого любо: аще прилняше кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья, мало постоявъ и разслабленъ умомъ, вину створь каку любо, изидяще ис церкви, шедъ въ келью, и усняше, и не възвратяшется въ церковь до отпѣтья; аще ли вержаше на другого, и не прилняше къ нему цвѣтокъ, стояше крѣпокъ въ пѣньи, дондеже отпояху утренюю, и тогда изидяше въ келью свою. Се же вида старець, повѣдаше братьи своей. Пакы же видѣ старець се: по обычаю бо сему старцю отстоявшю утренюю, предъ зорями, идоша по кельямъ своимъ, сь же старець послѣ исхожаше ис церкви. Идущю же ему единою, сѣде опочивая подъ биломъ, бѣ бо келья его подалѣ церкве, видѣ се, яко толпа поиде отъ воротъ; възведъ очи свои, видѣ

сѣдяща на свиньи, а другыя текуща около его. И рече имъ старець: „камо идете“? и рече сѣдя на свиньи бѣсъ: „по Михаля по Тольбековича“. Старець же знаменася крестнымъ знаменьемъ, и приде въ келью свою; яко бысть свѣтъ, и разумѣ старець, рече келейнику: „иди, впрашай, е ли Михаль въ кельи“? и рѣша ему: „яко давѣ скочилъ есть со столпья по заутрени“. И повѣда старецъ видѣнье се игумену и братьи. Ири семъ бо старци Ѳеодосій преставися, и бысть Стефанъ игуменъ и по Стефанѣ Никонъ, сему и еще сущю старцю. Единою ему стоящю на утрени, возведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона: и видѣ осла стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ есть игуменъ. Такоже и ина многа видѣнья провидѣ старець, и ночи въ старости добрѣ въ манастыри семь. Яко се бысть другый черноризець, именемъ Исакій, якоже и еще сущю ему въ мірѣ, въ житьи мирьстѣмъ, и богату сущю ему, бѣ бо купець родомъ Торопечанинь, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующимъ и манастыремъ, и иде къ великому Антонью въ пещеру, моляся ему, дабы и створилъ черноризцемъ; и пріятъ и Антоній, и възложи на нь порты чернецьскыя, нарекъ имя ему Исакій, бѣ бо имя ему Чернь. Се же Исакій вспріять житье крѣпко: облече бо ся во власяницю, и повелѣ купити собѣ козелъ, и одро мѣхомъ козелъ и възвлече на власяницю, и осше около его кожа сыра; и затворися въ печерѣ, въ единой улици, въ кельици малѣ, яко четырь лакоть, и ту моляше Бога со слезами; бѣ же ядь его проскура едина, и та же черезъ день, воды въ мѣру ньяшѣ. Приносяшеть же ему великый Антоній, и подаваше ему оконцемъ, яко си вмѣстяше рука: тако пріимаше пищю. И того створи лѣтъ 7: на свѣтъ не вылазя, ни на ребрѣхъ не легавъ, но сѣдя мало пріимаше сна. И единою, по обычаю, наставшю вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья; яко трудяшется, сѣдяше на сѣдалѣ своемъ. Единою же ему сѣдящю, по обычаю, и свѣщю угасившю, внезапу свѣтъ восья, яко отъ солнца въ печерѣ, яко зракъ вынимая человѣку; и поидоста 2 уно-

ши къ нему красна и блистаста лице ею акы солнце, и глаголаста къ нему: „Исакіе! вѣ есвѣ ангела, а се идеть къ тобѣ Христосъ; падъ поклонися ему“. Онъ же не разумѣ бѣсовьскаго дѣйства, ни памяти прекреститися; выступивъ поклонися, акы Христу, бѣсовьску дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: „нашь еси, Исакіе, уже;“ введше и въ кельицю, и посадиша и, и начаша садитися около его, и бысть полна келья ихъ и улица печерская. И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христосъ: „възмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте; атъ ны Исакій спляшеть.“ И удариша въ сопѣли, въ гусли и въ бубны, начаша имъ играти; и утомивше и, оставиша и олѣ жива и отъидоша, поругавшеся ему. Заутра же бывшю свѣту и приспѣвшю вкушенью хлѣба, приде Антоній по обычаю къ оконцю, и глагола: „Господи благослови, отче Исакіе!“ и не бысть отвѣта; и рече Антоній: „се уже преставился есть“. И посла въ манастырь по Θеодосья и по братью. И откопавше, кде бѣ загражено устье, пришедше взяша и, мертва мняще, и вынесше и положиша и предъ пещерою; и узрѣша яко живъ есть, и рече игуменъ Θеодосій: „яко се имать быти отъ бѣсовьскаго дѣйства“; и положиша и на одрѣ; и служаше около его Антоній. Въ си же времена приключися прити Изаславу изъ Ляховъ, нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава; и приславъ Святославъ, въ ночь поя Антонья Чернигову. Антоній же пришедъ къ Чернигову, възлюби Болдины горы, ископавъ печеру, ту ся всели; есть ту манастырь святое Богородицы, на Болдиныхъ горахъ, и до сего дни. Θеодосій же увѣдавъ, яко Антоній шелъ Чернигову, шедъ съ братьею взя Исакія, и принесе и къ собѣ въ келью и служаше около его; бѣ бо раслабленъ тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти, но лежаше на единой сторонѣ.... многажды и червье въкыняхуся [1]) подъ бедру ему. Θеодосій же самъ

---

[1]) Въ одномъ спискѣ „вмѣтахуся“. Миклошичъ читаетъ „выкипяхуся“.

своима рукама омываше и спряташеть и; за 2 лѣта се сотвори около его. Се же бысть дивно, чюдно: яко за два лѣта лежа сій ни хлѣба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни отъ какого брашна, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта. Ѳеодосій же моляше Бога за нь, и молитву творяше надъ нимъ день и нощь, дондеже на 3-е лѣто проглагола, и слышати и на ногы нача встаяти акы младенець, и нача ходити. И не брежаше церковь ходити, нужею привлечахуть и къ церкви; и тако по-малу научиша и; и посемъ научися на тряпезницю ходити, и посажаху и кромѣ братьи, и положаху предъ нимъ хлѣбъ, и не възмяше его, но ли вложити въ руцѣ ему. Ѳеодосій же рече: „положите хлѣбъ предъ нимъ, а не вкладайте въ рукы ему, атъ самъ ѣсть,“ и не бреже за недѣлю ясти, и помалу оглядавъся кусаше хлѣба, тако научися ясти. И тако избави и Ѳеодосій отъ козни дьяволя. Исакій же вспріятъ въздержанье пакы жестоко. Ѳеодосью же преставльшюся, и Стефану въ него мѣсто бывшю, Исакій же рече: „се уже прелстилъ мя еси былъ, дьяволе, сѣдяща на единомъ мѣстѣ; а уже не имамъ ся затворити въ печерѣ, но имамъ тя побѣдити ходя въ манастырѣ.“ И облечеся въ власяницю, и на власяницю свиту вотоляну, и начаша уродство творити; и помагати поча поваромъ, варя на братью. И на заутреню ходя прежде всѣхъ, стояше крѣпко и неподвижимо; егда же приспѣяше зима и мрази лютіи, стояше въ прибошняхъ въ черевьяхъ въ протоптаныхъ, яко примерзняшета нозѣ его къ камени, и не двигаше ногама, дондеже отпояху заутреню. И по заутрени идяше въ поварьницю, и приготоваше огнь, воду, дрова; и придяху прочіи повари отъ братьѣ. Единъ же поваръ такоже бѣ именемъ тѣмъ же Исакій, и и рече посмихаяся Исакію: „оно ти сѣдить вранъ черный, иди, ими, и“; онъ же поклонивъся ему до землѣ, шедъ я ворона и принесе ему предо всѣми повары, и ужасошася, повѣдаша игумену и братья; и начаша братья чтити и. Онъ же, не хотя славы человѣчьскыя, нача уродьство творити, и пакостити нача ово игумену, ово братьи, ово мірьскымъ че-

ловѣкомъ, да друзіи раны ему даяху; и поча по міру ходити, такоже уродомъ ся творя. Вселися въ печеру, въ ней же преже былъ, уже бо Антоній преставился; и совъкупи къ собѣ уныхъ, и вскладаше на нь порты чернечьскыя, да ово отъ игумена Никона принмаше раны, ово отъ родитель тѣхъ дѣтьскыхъ, се же то все терпяше, пріимаше раны и наготу, и студень, день и нощь. Въ едину бо нощь вжегъ пещь въ истопцѣ у пещеры: яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами; оному же нѣчимъ заложити, вступль ногама босыма ста на пламени, дондеже изгорѣ пещь, излѣзе. И ина многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидѣць быхъ. И тако взя побѣду на бѣсы, яко и мухы нивочтоже имяше страшенья ихъ, и мечтанья ихъ, глаголашеть бо къ нимъ: „аще мя бѣсте прельстили въ печерѣ первое, понеже не вѣдяхъ козний вашихъ и лукавьства; нонѣ же имамъ Господа Исуса Христа и Бога моего и молитву отца моего Ѳеодосья, надѣюся на Христа имамъ побѣдити васъ.“ Многажды бо бѣси пакости дѣяху ему, и глаголаху: „нашь еси, и поклонился еси нашему старѣйшинѣ и намъ;“ онъ же глаголаше: „вашь старѣйшинна антихрестъ есть, а вы бѣсы есте“, и знаменаше лице свое крестнымъ образомъ: и тако исчезняху. Овогда же паки въ нощи прихожаху къ нему, страхъ ему творяще въ мечтѣ, яко се многъ народъ съ мотыками, и лыскарѣ, глаголюще: „раскопаемъ печеру сию, и сего загребемъ здѣ“; они же глаголаху: „бѣжи, Исакіе, хотять тя загрести“, онъ же глаголаше къ нимъ: „аще бысте человѣци были, то въ дие бы есте пришли, а вы есте тма, и во тмѣ ходите, и тма вы ятъ,“ и знамена я крестомъ, изчезнуша. Другоици бо страшахуть и въ образѣ медвѣжи, овогда же лютымъ звѣремъ, ово въломъ, ово зміѣ полозяху къ нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ. И не могоша ему ничтоже створити, и рѣша ему: „Исакие! побѣдилъ еси насъ“. Онъ же рече: „якоже бѣсте мене вы первое побѣднли, въ образѣ Исусъ Христовѣ и въ ангельстѣмъ, недостоини суще того видѣнья; но се по истѣнѣ является топерво въ образѣ звѣринѣмъ и скотьемь, и змѣями,

и гадомъ, аци же и сами есте, скверни, и зли видѣньи;“ и абие погыбоша бѣси отъ него, и оттолѣ не бысть ему накости отъ бѣсовъ, якоже самъ повѣдаше се: „яко се бысть ми за 3 лѣта брань си“. Потомь поча жити крѣплѣ и въздержанье имѣти, пощенье, и бдѣнье; и тако живущю ему, сконча житье свое. И разболѣся въ печерѣ, и несоша и болна в манастырь, и до осмаго дне о Господѣ скончася; игуменъ же Іоанъ и братья спрятавше тѣло его, и погребоша и. Таци ти быша черноризци Ѳеодосьева монастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять Бога за сдѣ сущюю братью, и за мирьскую братью, и за приносящая въ манастырь, в немже и донынѣ добродѣтелное житье живутъ, обще вси вкупѣ, в шѣньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу Богу всемогущему, и Ѳеодосьевыми молитвами сблюдаеми, ему же слава в вѣки, аминь.

1075. В лѣто 6583. Почата бысть церкы Печерьская надъ основаньемь Стефаномь игуменомь, изъ основанья бо Ѳеодосій почалъ, а на основанип Стеѳанъ поча; и кончана бысть на третьее лѣто, мѣсяца пуля 11 день. В се же лѣто придоша сли из Нѣмець къ Святославу, Святославъ же, величаяся, показа имъ богатьство свое; они же видѣвше бещисленое множьство, злато, и сребро, и паволокы, и рѣша: „се ни въ чтоже есть, се бо лежить мертво; сего суть кметье луче, мужи бо ся дощють и болше сего“. Сице ся похвали Иезекий, царь Июдейскъ, къ посломъ цесаря Асурійска, его же вся взята быша в Вавилонъ: тако и по сего смерти все имѣнье разсыпася разно.

1076. Въ лѣто 6584. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ, сынъ Святославль, Ляхомъ въ помочь на Чехы. Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27, отъ рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ у святаго Спаса; и сѣде по немъ Всеволодъ на столѣ, мѣсяца генваря въ 1 день.

1077. Въ лѣто 6585. Поиде Изяславъ с Ляхы, Всеволодъ же попде противу ему. Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца мая

4 день, и бысть княженья его 8 дний, и бѣжа Тмутороканю къ Романови. Всеволодъ же иде противу брату Изяславу на Волынь, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, мѣсяца иуля 15 день; Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ.

1078. Въ лѣто 6586. Бѣжа Олегъ, сынъ Святославль, Тмутороканю отъ Всеволода, мѣсяца априля 10. В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочіи; бѣ же Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ; его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ, мѣсяца иуля 23 день. Сѣдящю Святополку въ него мѣсто Новѣгородѣ, сыну Изяславлю, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смолиньскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци Всеволодъ же изиде противу има на Съжицѣ, и побѣдиша Половци Русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть Иванъ Жирославичь, и Тукы, Чюдинь братъ, Порѣй, и ини мнози, мѣсяца августа въ 25. Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зла створше, проливше кровь хрестьяньску, ея же крове взищеть Богъ отъ руку ею, и отвѣтъ дати има за погубленыа душа хрестьяньскы. Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Киеву, цѣловавшася и сѣдоста; Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: „брате! не тужи; видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? и пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю брату своею? не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ, не створихъ зла ничтоже? И нынѣ, брате, не туживѣ; аще будеть нама причастье въ Русскѣй земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба; азъ сложю главу свою за тя“. И се рекъ, утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вои отъ мала до велика; и поиде Изяславъ съ Ярополъкомъ, сыномъ своимъ, и Всеволодъ съ Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша къ

*

Чернигову, и Черниговци затворишася въ градѣ; Олегъ же и Борисъ не бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ, отъ стреженій, и отя врата и взяша градъ околній, и пожгоша и, людемъ же вбѣгшимъ въ дънѣшній градъ. Изяславъ же и Всеволодъ слышаста, яко идеть Олегъ и Борисъ противу, Изяславъ же и Всеволодъ уранивше, поидоста отъ града противу Олгови. Рече же Олегъ къ Борисови: „не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четыремъ княземъ; но послівѣ съ молбою къ стрыема своима“. И рече ему Борисъ: „ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ“; похваливъся велми, не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится, смѣреннымъ даеть благодать, да не хвалится силный силою своею. И поидоста противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нежатинѣ нивѣ, и сступившимся обоимъ, бысть сѣча зла: первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми; Изяславу же стоящю въ пѣшцихъ, и внезапу приѣхавъ единъ, удари и копьемъ за плече; тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль. Продолжене бывъши сѣчи, побѣже Олегъ въ малѣ дружинѣ, и одва утече; бѣжа Тмутороканю. Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октямбря въ 3 день; и вземше тѣло его, привезоша и въ лодьи и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и, съ пѣснми попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи и велицѣ вопли, плакабося понемъ весь градъ Кіевъ; Ярополкъ же идяше по немь, плачася съ дружиною своею: „отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семь, многы напасти пріимъ отъ людій и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою“; и принесше положиша тѣло его въ церкви святыя Богородица, вложивъше и въ раку мраморяну. Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду; не бѣ бо въ немъ лсти, но простъ мужъ умомъ, не

воздая зла за зло. Колико бо ему створиша Кіяне: самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не възда противу тому зла; аще ли кто дѣеть вы: „сѣчець исѣче“, то не сь то створи, но сынъ его. Пакы же брата его прогнаста и, и ходи по чюжей земли, блудя; и сѣдящю ему пакы на столѣ своемь, Всеволоду пришедшю побѣжену къ нему, не рече ему: „колико отъ ваю пріяхъ“? не вдасть зла за зло, но утѣши, рекъ: елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введе мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя“, еже и бысть; не рече бо ему: „колико зла створиста мнѣ, и се нынѣ тобѣ ся сключи“, не рече: „се кромѣ мене“; но на ся перея печаль братню, показая любовь велику, свершая Апостола, глаголюща: утѣшайте печалныя. По истинѣ, аще что створилъ есть въ свѣтѣ семъ етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду. О сяковыхъ бо Господь рече: да кто положить душю свою за другы своя. Соломонъ же рече: братья въ бѣдахъ пособива бывають, любы бо есть выше всего. Якоже Іоанъ глаголеть: Богъ любы есть, пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываеть; о семъ свершается любы, да достоянье имамы въ день скудный, да якоже онъ есть, и мы есмы въ мірѣ семъ; боязни нѣсть въ любви, но свершена любы вонъ измещеть боязнь, яко боязнь мученье имать, бояйжеся нѣсть свершенъ въ любви; аще кто речеть: любьлю Бога, а брата своего ненавижю, ложь есть, не любяй бо брата своего, его же видить, Бога, его же не видить, како можеть любити? сію заповѣдь имамы отъ него, да любяй Бога любить брата своего. Въ любви бо все свершается: любве ради и грѣси разсыпаются, любве бо ради сниде Господь на землю и распяться за ны грѣшныя, всемъ грѣхы наша, пригвоздися на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовьское; любве ради Мученици прольяша крови своя; любве

же ради сій князь пролья кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь Господню. Всеволодъ же сѣде Кыевѣ, на столѣ отца своего и брата своего, приимъ власть Русьскую всю; и посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ.

1079. Въ лѣто 6587. Приде Романъ съ Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ съ Половци; и възвратися Романъ съ Половци вспять, и убиша и Половци мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ лежаче тамо, сына Святославля, внука Ярославля; а Олга емше Козаре поточиша и за море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани.

1080. Въ лѣто 6588. Заратишася Торци Переяславьстіи на Русь, Всеволодъ же посла на ня сына своего Володимера; Володимеръ же шедъ побѣди Търкы.

1081. Въ лѣто 6589. Бѣжа Игоревичь Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ, мѣсяца мая 18 день; и придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани.

1082. Въ лѣто 6590. Осень умре, Половечьский князь.

1083. Въ лѣто 6591. Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани; и исѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

1084. Въ лѣто 6592. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка, и пришедше прогнаста Ярополка, и посла Всеволодъ Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. Въ се же лѣто Давыдъ зая Грькы въ Олешьи, и зая у нихъ имѣнье; Всеволодъ же послявъ приведе и, и вда ему Дорогобужь.

1085. Въ лѣто 6593. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтникъ; се увѣда Всеволодъ, посла противу ему сына своего Володимера, Ярополкъ же оставивъ матерь свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа въ Ляхы. Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася Лучане; Во-

лодимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а матерь Ярополчю, и жену его, и дружину его приведе Кыеву, и имѣнье вземъ его.

1086. Въ лѣто 6594. Приде Ярополкъ изъ Ляховъ, и сѣвори миръ съ Володимеромь, и иде Володимеръ вспять Чернигову, Ярополкъ же сѣде Володимери. И пересѣдѣвъ мало дний, иде Звенигороду; и не дошедшю ему града, и прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадьця, отъ дьяволя наученъ и отъ злыхъ человѣкъ. Лежащю ему ту на возѣ, саблею съ коня прободе и, мѣсяца ноямбря въ 22 день; и тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возпи великымъ гласомъ: „охъ, тотъ мя враже улови“. Бѣжа Нерадець треклятый Перемышлю къ Рюрикови, и Ярополка вземше отроци на конь передъ ся, Радъко, Вънкина и иніи мнози, несоша и Володимерю, а оттуду Кыеву. Изиде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ съ своима сынъма, съ Володимеромь и Ростиславомь, и вси боляре, и блаженый митрополитъ Іоанъ съ черноризци и съ прозвутеры, и вси Кіяне великъ, плачь створиша надъ нимь, со псалмы и пѣснми проводиша и до святаго Дмитрея, спрятавше тѣло его, съ честью положиша и въ рацѣ мраморянѣ въ церкви святаго апостола Петра, яже бѣ самъ началъ здати преже, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды приимъ, безъ вины изгонимъ отъ братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую пріятъ: но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бяше блаженый сь князь тихъ, кротъкъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици отъ всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! пріими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, отъ чюжею руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражіи, его же прошенья не лиши его благый Богъ, въспрія благая она, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его.

1091. Въ лѣто 6599. Игуменъ и черноризци съвѣтъ створше, рѣша: „не добро есть лежати отцю нашему Ѳеодосьеви кромѣ монастыря и церкве своея, понеже то есть основалъ церковь и черноризци совокупилъ“; съвѣтъ створше повелѣша устроити мѣсто, идѣже положити мощѣ его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицѣ, тремя деньми, повелѣ игуменъ рушити кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Ѳеодосья, его же повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидѣць, еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семъ началникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: „поидевѣ въ печеру къ Ѳеодосьеви“, азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никому же, разглядавша, кудѣ копати, и знаменавша мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игуменъ: „не мози повѣдати никому же отъ братьи, да не увѣдаеть никто же; но поими его же хощеши, да ти поможеть“. Азъ же пристроихъ 7 днiй рогалiе, ими же копати. И въ вторникъ, вечеръ, в суморокъ, пояхъ съ собою 2 брата, не вѣдущю никому же, придохъ въ печеру и отпѣвъ псалмы, почахъ копати; и утрудивъся вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуще ся докопати, начахъ тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же вземъ рогалью, начахъ копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: „удариша въ било“; и азъ въ то чинъ прокопахъ на мощѣ Ѳеодосьевы, оному глаголющю ко мнѣ: „удариша въ било“; мнѣ же рекущю: „прокопахъ уже“. Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть, и начахъ звати: Господи помилуй! О се чинь же сѣдяста 2 брата въ монастыри, еда игуменъ утаивъся, нѣскымъ пренесетъ его отай, къ печерѣ зряща: егда удариша въ било, видѣста 3 столпы ако дугы зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкве, идѣже положенъ бысть Ѳеодосiй. Въ се же время видѣ Стефанъ, иже бысть въ него мѣсто игуменъ, въ се же время бысть епископъ, видѣ въ своемъ монастыри чрезъ поле зарю велику надъ вечерою; мнѣвъ, яко несуть Ѳеодосья, бѣ бо ему възвѣщено преже днемъ единѣмъ, и сжаливъся, яко безъ него

преносять и, всѣвъ на конь вборзѣ поѣха, поимъ съ собою Климента, его же игумена постави на свое мѣсто, и идяста видуща зарю велику; и яко придоста близь, видѣста свѣщѣ многы надъ печерою, и придоста къ печерѣ, не видѣста ничтоже, и придоста дну въ печеру, намъ сѣдящемъ у мощій его. Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: „приди, да вынеземъ и“, игуменъ же приде съ двѣма братома; и прокопахъ велми, и влѣзохомъ, и видѣхомъ и лежащь мощьми, но состави не распалися бѣша, и власи главнии притяскли бяху. И взложьше и на вариманътью, и вземше на рамо вынесоша и предъ пещеру. На другый же день собрашася епископи, Ефремъ Переяславьскый, Стефанъ Володимерьскый, Іоанъ Черниговьскый, Маринъ Гурьгевьскый, игумени отъ всѣхъ монастыревъ съ черноризци, придоша и людье благовѣрніи, и взяша мощѣ Ѳеодосьевы съ темьяномъ и съ свѣщами, и принесше положиша и въ церкви своей ему, въ притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, въ день четвертъкъ, въ часъ 1 дне, индикта 14 лѣта; праздноваша свѣтло въ тъ день... Молися за мя, отче честный, избавлену быти отъ сѣти непріязнины, и отъ противника врага сблюди мя твоими молитвами. Въ се же лѣто бысть знаменье въ солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, аки мѣсяць бысть, въ часъ 2 дне, мѣсяца маія 21 день. Въ се же лѣто Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе и ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша. Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

1092. Въ лѣто 6600. Предивно бысть Полотьскѣ въ мечтѣ, бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси: аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвленъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди

Полотьскыя и его область; тѣмь и человѣци глаголаху: яко навье бьютъ Полочаны. Се же знаменье поча быти отъ Дрьютьска. Въ си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ. Въ се же лѣто ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; и многа знаменья бываху по мѣстомь; и рать велика бяше отъ Половець и отвсюду: взяша 3 грады, Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ, и многа села воеваша по обѣма странома. Въ се же лѣто воеваша Половци Ляхы съ Василькомь Ростиславичемь. Въ се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. Въ си же времена мнози человѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе и корсты: яко продахомъ корсты отъ Филипова дне до мясопуста 7 тысячь. Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды; се же наведе на ны Богъ, веля намъ имѣти покаянье и въстягнутися отъ грѣха, и отъ зависти и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ непріязнинъ.

1093. Въ лѣто 6601, индикта 1 лѣто, преставися великый князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимерь мѣсяца априля въ 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли сущи тогда страстнѣй и дни сущю четвертку, въ онь же положенъ бысть въ гробѣ въ велицѣй церкви святыя Соѳья. Сій бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци, и подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьяньства и отъ похоти, тѣмъ любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцю къ нему: „сыну мой! благо тобѣ, яко слышю о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть Богъ пріяти власть стола моего, по братьи своей, съ правдою, а не съ наспльемь, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеши, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее“. Се же сбыться глаголъ отца его, якоже глаголъ бѣ, сему пріимшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего: сь же

Кыевѣ княжа быша ему печали больши паче неже сѣдящю ему въ Переяславли; сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другие; сей же омиряя ихъ, раздаваше власти имъ. Въ сихъ печали всташа и недузи ему, и приспѣваше старость къ симъ; и нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ створя съ ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людій продавати, сему не вѣдущю въ болѣзнѣхъ своихъ. Разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего Володимера Чернигову; пришедшю Володимеру, видѣвъ и велми болна суща, и плакася; пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меншему, пришедшю же часу, преставися тихо и кротко и приложися ко отцемъ своимъ, княживъ лѣтъ 15 Кыевѣ, а въ Переяславли лѣто, а въ Черниговкѣ лѣто. Володимеръ же плакавъся съ Ростиславомъ, братомъ своимъ, спрятаста тѣло его; и собрашася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простіи лодье, и вземше тѣло его, со обычными пѣснями положиша и въ святѣй Софьи, якоже рекохомъ преже. Володимеръ же нача размышляти, река: „аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ“. И размысливъ посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю. И минувшю Велику дни, прешедши празднѣй недѣли, въ день ансипаскы, мѣсяца апрля въ 24 день, приде Святополкъ Кыеву, и изидоша противу ему Кіяне съ поклономъ, и пріяша и съ радостью; и сѣде на столѣ отца своего и стрыя своего. Въ се время поидоша Половци на Русьскую землю; слышавше, яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не сдумавъ съ болшею дружиною отнею и стрыя своего, съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ, и изъимавъ слы, всажа и въ истобъку; слышавше же се Половци, почаша воевати. И придоша Половци мнози, и оступиша Торційскый градъ. Святополкъ же пусти слы Поло-

вецьскыѣ, хотя мира; и не всхотѣша Половци мира, и ступиша Половци воююще. Святополкъ же поча сбирати вое, хотя на ня. И рѣша ему мужи смысленіи: „не кушайся противу имъ, яко мало имаше вой“. Онъ же рече: „имѣю отрокъ своихъ 700, иже могуть противу имъ стати“. Начаша же друзіи несмысленіи глаголати: „поиде, княже“; смысленіи же глаголаху: „аще бы ихъ пристроилъ и 8 тысячь, не лихо ти есть, наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажь; но послися къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ“. Святополкъ же послушавъ ихъ, посла къ Володимеру, дабы помоглъ ему; Володимеръ же собра вои свои и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помогати Святополку. Володимеру же пришедшю Кіеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста межи собою распря и которы, и уладившася, цѣловаста крестъ межи собою. Половцемъ воюющимъ по земли, и рѣша има мужи смысленіи: „почто вы распря имата межи собою? а поганіи губять землю Русьскую; послѣди ся уладита, а нынѣ поидита противу поганымъ любо съ миромъ, любо ратью“. Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати; и поиде Святополкъ и Володимеръ и Ростиславъ къ Треполю, и придоша къ Стугнѣ. Святополкъ же и Володимеръ, и Ростиславъ созваша дружину свою на совѣтъ, хотяче поступити черезъ рѣку, и начаша думати. И глаголаше Володимеръ: „яко сдѣ стояще черезъ рѣку, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними„; и пристояху совѣту сему смысленіи мужи, Янь и прочіи. Кіяне же не всхотѣша совѣта сего, но рекоша: „хощемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки“. И възлюбиша съвѣтъ сь, и преидоша Стугну рѣку; бѣ бо наводнилась велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ, исполчивше дружину, поидоша; и идяше на деснѣй сторонѣ Святополкъ, на шюей Володимеръ, посредѣ же бѣ Ростиславъ; и минувше Треполь, проидоша валъ. И се Половци идяху противу, и стрѣлци противу предъ ними; нашимъ же ставшимъ межи валома, поставиша стяги свои, и поидоша стрѣлци

изъ валу; и Половци пришедше къ валови, поставиша стягы своѣ, и налегоша первое на Святополка, и взломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не стерпяче ратныхъ противленья и послеже побѣже Святополкъ. Потомъ наступиша на Володимера, и бысть брань люта; побѣже и Володимеръ съ Ростиславомъ и вои его. И прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и вбреде Володимеръ съ Ростиславомъ и нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима, и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ же пребредъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и боляре его ту падоша, и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей; и иде Чернигову печаленъ зѣло. Святополкъ же вбѣже въ Треполь, и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Кіеву. Половци же видѣвше, сдолѣвше, пустишася по земли воююче, а друзіи възвратишася къ Торцьскому. Си же ся злоба сключи въ день Вознесенья Господа нашего Исуса Христа, мѣсяца мая въ 26. Ростислава же искавше обрѣтоша въ рѣцѣ; и вземше принесоша и Кіеву, и плакася по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради; и собрашася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положиша и у церкви святыя Софьи у отца своего. Половцемъ же осѣдящемъ Торцьскый, противящимъ же ся Торкомъ и крѣпко борющимъся изъ града, убиваху многы отъ противныхъ; Половци же начаша налегати, и отъимаху воду, и изнемогати начаша людье въ градѣ водною жа́жею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку, глаголюще: „аще не пришлеши брашна, предатися имамы“; Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ, множьствомъ вой ратныхъ. И стояше около града недѣль 9, и раздѣлишася надвое: едини сташа у града, рать борюще, а друзіи поидоша Кыеву, и пустишася на воропъ межи Кіевъ и Вышегородъ. Святополкъ же выиде на Желаню, и поидоша противу собѣ обои, и съступишася, и укрѣпися брань; и побѣ-

гоша наши предъ иноплеменьникы, и падаху, язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша и быша мертви, паче неже у Трьполя. Святополкъ же приде Кіеву самъ третій, а Половци возвратишася къ Торцьскому; быша сп злая мѣсяца іуля въ 23. Наутрія же въ 24, въ святую мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь великъ въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженье безаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ попусти поганыя, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ; симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъся отъ злаго пути своего. Сего ради въ праздникы Богъ намъ наводить сѣтованье, якоже ся створи въ се лѣто первое зло на Вознесенье Господне, еже у Трьполя, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля. Сего ради Пророкъ глаголаше: преложю праздникы ваша въ плачь и пѣсни ваша въ рыданье. Сотвори бо ся плачь великъ въ земли нашей, опустѣша села наша и городи наши, быхомъ бѣгающе предъ врагы нашими. Якоже Пророкъ глаголаше: падете предъ врагы вашими, поженуть вы ненавидящіи васъ, и побѣгнете никому женущю васъ; скрушю ругаданье гордыни вашея, и будеть въ тщету крѣпость ваша, убьеть вы приходяй мечь, и будеть земля ваша пуста, и двори ваши пусти будуть, яко вы худи есте и лукави, и азъ поиду къ вамъ яростью лукавою, тако глаголеть Господь Богъ Израилевъ. Идѣ лукавіи сынове Измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемь, да не чюдится никтоже о семъ: идѣже множьство грѣховъ, ту видѣнья всякого показания. Сего ради вселеная предасться, сего ради гнѣвъ простреся, сего ради земля мучена бысть: ови ведуться полонени, друзіи посѣкаеми бываютъ, друзіи на месть даеми бываютъ, горкую смерть пріемлюще, друзіи трепещютъ, зряще убиваемыхъ, друзіи гладомъ умаряеми и водною жажею; едино прещенье, едина казнь, многовѣщныя имуще раны, различныя печали и страшны мукы, ови вяжемы и пятами

ихаеми, и на зимѣ держими и ураняеми; и се притранѣе и страшнѣе, яко на хрестьяньствѣ родѣ страхъ, и колѣбанье, и бѣда упространися. Праведно и достойно есть, тако да накажемъся, тако вѣру имемъ, кажеми есмы: подобаше намъ преданымъ быти въ рукы языку странну и беззаконьнѣйшю всея земля. Рцѣмъ велегласно: праведенъ еси, Господи, и прави суди твои. Рцѣмъ по оному разбойнику: мы достойная, яже сдѣяхомъ пріяхомъ. Рцѣмъ и со Іовомъ: яко Господеви любо бысть, тако и бысть; буди имя Господне благословено въ вѣкы. Да нахожениемъ поганыхъ и мучими ими Владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахомъ: прославлени бывше, не прославихомъ; почтени бывше, не почтохомъ; освятившеся, не разумѣхомъ; куплени бывшее, не поработахомъ; породивъшеся, не яко отца постыдѣхомъся. Согрѣшихомъ, и казними есмы, якоже створихомъ, тако и стражемъ: городи вси опустѣша, села опустѣша; прейдемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣемъся на милость Божью; кажетъ бо ны добрѣ благый Владыка, не по безаконью нашему створи намъ и по хрѣхомъ нашимъ въздасть намъ; тако подобаеть благому Владыцѣ казати не по множьству грѣховъ. Тако Господь створи намъ: созда, падшая въставить, Адамле преступленье прости, баню нетлѣнья дарова и свою кровь за ны излья; якоже ны видѣ неправо пребывающа, нанесе намъ сущюю рать и скорбь, да и не хотяще всяко въ будущій вѣкъ обрящемъ милость; душа бо, сдѣ казнима, всяко милость въ будущій вѣкъ обрящеть и лготу отъ мукъ, не мьстить бо Господь дважды о томь. О неиздреченьному человѣколюбью! якоже видѣ ны не волею къ нему обращающася; о тмами любве, еже къ намъ! понеже хотяще уклонихомъся отъ заповѣдій его; се уже не хотяще терпимъ, се съ нужею, и понеже не волею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье? нынѣ же вся полна суть слезъ. Гдѣ бѣ въ насъ въздыханье? нынѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися, избьеныхъ ради, иже избиша безаконь-

нiи. Половци воеваша много, и възвратишася къ Торцьскому, и изнемогоша людье въ градѣ гладомь, и предашася ратнымъ; Половци же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, и люди раздѣлиша, и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ, мъного роду хрестьяньска стражюще: печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лици, почернѣвше тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сободены терньемъ; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“, и други: „а язъ сея вси“; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и вздышюще, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная. Да никто же дерзнеть рещи; яко ненавидими Богомъ есмы! Да не будеть. Кого бо тако Богъ любить, якоже ны взлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же. Имъже паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣхъ почтени бывше, горѣе всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы; якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше, Владычню волю вѣдуще, и презрѣвшее. въ лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азъ грѣшный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни. Въ се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславль, мѣсяца октямбря въ 1 день; а погребенъ бысть ноямбря въ 16, въ церкви святыя Богородиця Десятиньныя.

1094. Въ лѣто 6602. Створи миръ съ Половцѣ Святополкъ, и поя собѣ жену дщерь Тугорканю, князя Половецькаго. Томъ же лѣтѣ приде Олегъ съ Половци, изъ Тъмутороканя, и приде Чернигову; Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и монастырѣ пожже. Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевоти около Чернигова, Олгови не взбраняющю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третьее наведе поганыя на землю Русьскую, его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено

бысть, а друзии полонени и расточени по землямъ. В се же лѣто придоша прузи на Русьскую землю, мѣсяца августа въ 26, и поѣдоша всяку траву и многа жита; и не бѣ сего слышано въ днехъ первыхъ в земли Русьстѣй, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша. В се же лѣто преставися епископъ Володимерскый Стефанъ, мѣсяца априля въ 27 день, въ часъ 6 нощи, бывъ преже игуменъ Печерьскому манастырю.

1095. Въ лѣто 6603. Идоша Половци на Грькы съ Девгеневичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и цесарь я Девгенича, и повелѣ и слѣпити. Въ то же лѣто придоша Половци, Итларь и Кытанъ, къ Володимеру на миръ; приде Итларь въ градъ Переяславль, а Кытанъ ста межи валома съ вои; и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали, а Итларь бысть въ градѣ съ лѣпшею дружиною. Въ то же время бяше пришелъ Славята изъ Кыева къ Володимеру отъ Святополка, на нѣкое орудие; и начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимеромъ о погубленьи Итларевы чади. Володимеру же не хотящю сего створити, отвѣща бо: „како се могу створити, ротѣ съ ними ходивъ“? Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: „княже! нѣту ти въ томъ грѣха; да они всегда къ тобѣ ходяще ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестьяньску проливають безперестани“. И послуша ихъ Володимеръ, и въ ту нощь посла Володимеръ Славяту съ нѣколикою дружиною и съ Торкы, межи валы; и выкрадше первое Святослава, потомъ убиша Кытана и дружину его избиша. Вечеру сущу тогда суботному, а Итлареви въ ту нощь лежащю у Ратибора на дворѣ съ дружиною своею и не вѣдущю, что ся надъ Кытаномъ створи; наутрія же, въ недѣлю, заутрени суще годинѣ, пристрои Ратиборъ отрокы въ оружьи, и истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего Бяндюка по Итлареву чадь, и рече Бяндюкъ Итлареви: „зоветь вы князь Володимеръ, реклъ тако: обувшеся, въ теплѣ избѣ и заутрокавше у Ратибора, пріѣдите ко мнѣ“. И рече Итларь: „тако буди“. И яко влѣзоша въ истобку, таки запрени быша. Възлѣзше на

истобку, прокопаша верхъ, и тако Ольбегъ Ратиборичь, пріима лукъ свой и наложивъ на стрѣлу, удари Итларя въ сердце, и дружину всю избиша; и тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, въ недѣлю сыропустную, въ часъ 1 дне, мѣсяца февраля въ 24 день. Святополкъ же и Володимеръ посласта къ Ольгови, веляща ему поити на Половци съ собою; Олегъ же обѣщавъся съ нима, и пошедъ, пе иде съ нима въ путь единъ. Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, и полониша скоты и конѣ, вельблуды и челядь, и приведоста я въ землю свою; и начаста гнѣвъ имѣти на Олга, яко не шедшю ему съ нима на поганыя. И посла Святополкъ и Володимеръ къ Олгови, глаголюща сице: „се ты не шелъ еси съ нама на поганыя, иже погубили суть землю Русьскую, а се у тобе есть Итларевичь, любо убій, любо и дай нама, тъ есть ворогъ Русьстѣй земли“. Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть. Въ се же лѣто придоша Половци къ Гургеву, и стояша около его лѣто все, и мало не взяша его, Святополкъ же омири я; Половци же не придоша за Рось, Гюргевци же выбѣгоша и идоша Кыеву. Святополкъ повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, въ свое имя нарекъ Святополчь городъ, и повелѣ епископу Марину съ Юргевци сѣсти ту, и Засаковцемъ, и прочимъ отъ инѣхъ градъ; а Гюргевъ зажгоша Половци тощь. Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичь из Новагорода Смолиньску; Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича, и поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: „не ходи къ намъ“; и пошедъ Давыдъ, воротися Смолиньску, и сѣде Смолиньскѣ, а Мьстиславъ Новѣгородѣ сѣде. В се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь, изъ Курска къ Мурому; и приняша и Муромци, и посадника я Олгова. В се же лѣто придоша пруси, мѣсяца августа въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху къ полунощнымъ странамъ, ядуща траву и проса.

1096. Въ лѣто 6604. Святополкъ и Володимеръ посласта къ Олгови, глаголюща сице: „поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“. Олегъ же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: „нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ“; и не въсхотѣ ити къ къ братома своима, послушавъ злыхъ совѣтникъ. Святополкъ же и Володимеръ рекоста къ нему: „да се ты ни на поганыя идеши, ни на совѣтъ къ нама, то ты мыслиши на наю и поганымъ помагати хочеши; а Богъ промежи нами будеть“. Святополкъ же и Володимеръ поидоста на Олга Чернигову; Олегъ же выбѣже изъ Чернигова, мѣсяца мая въ 3 день, въ суботу. Святополкъ же и Володимеръ гнаста по немъ, Олегъ же вбѣже въ Стародубъ и затворися ту; Святополкъ же и Володимеръ оступиста и въ градѣ, и бьяхутся изъ города крѣпко, а си приступаху къ граду, и язвени бываху мнози отъ обоихъ; и бысть межю ими брань люта, и стояша около града дний 30 и 3, и изнемагаху людье въ градѣ. И вылѣзе Олегъ изъ града, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекуща сице: „иди къ брату своему Давыдови, и придѣта Кіеву на столъ отець нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей, Кыевъ, ту достойно снятися и порядъ положити“; Олегъ же обѣщася се створити, и на семъ цѣловаша крестъ. В се же время приде Бонякъ съ Половци къ Кыеву, въ недѣлю отецъ вечера, и повоева около Кыева, и пожже на Берестовѣмъ дворъ княжь. В се же время воева Куря съ Половци у Переяславля, и Устье пожже, мѣсяца мая въ 24 день. Олегъ же выйде изъ Стародуба и приде Смолиньску, и не прияша его Смолняне, и иде къ Рязаню; Святополкъ же и Володимеръ поидоста въсвояси. Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополочь, къ Переяславлю, мѣсяца мая 30, и ста около града, а Переяславьци затворишася в градѣ. Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь по сей сторонѣ

Днѣпра, и придоста къ Зарубу, и ту перебродистася, и не очютиша ихъ Половци, Богу схраньшю ихъ, и исполчившася поидоста къ граду; гражане же узрѣвше, ради быша, и поидоша къ нима, а Половци стояху на оной сторонѣ Трубежа, исполчившеся. Святополкъ же и Володимеръ вбредоста в Трубежь къ Половцемъ, Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаша, но удариша въ конѣ къ противнымъ; се видѣвше Половци, и побѣгоша, а наши погнаша въ слѣдъ ратныхъ, сѣкуще противьныя. И сдѣя Господь въ тъ день спасенье велико, мѣсяца иулія въ 19 день побѣжени быша иноплеменьници, и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его, и ини князи; мнози врази наши ту падоша; назаутрье же налѣзоша Тугоркана мертва, и взя и Святополкъ акы тьстя своего и врага; и привезше и къ Кыеву погребоша и на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другымъ в манастырь идущимъ. И въ 20 того же мѣсяца, в пятокъ, 1 часъ дне, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Кыеву внезапу, и мало в градъ не въѣха-ша Половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася на манастырь, и въжгоша Стефановъ манастырь и деревнѣй и Герьманы. И придоша на манастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два предъ враты манастырьскыми, намъ же бѣжащимъ за домъ манастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати. Безбожныѣ же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху аще что обрѣтаху въ кельи; посемь въжгоша домъ святыя Владычицѣ нашея Богородица, и придоша къ церкви, и зажгоша двери яже къ угу устроеніи, и вторыя же къ сѣверу, и влѣзше въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери у укаряху Бога и законъ нашь. Богъ же терпяше, аще бо не скончалися бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмь глаголаху: „кдѣ есть Богъ ихъ, да поможеть имъ и избавить я“? и ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмихающеся, не вѣдуще, яко

Богъ кажеть рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено въ горну: хрестьяномъ бо многыми скорбьми и напастьми внити въ царство небесное, а симъ поганымъ и ругателемъ на семъ свѣтѣ пріимшимъ веселье и пространьство, а на ономь свѣтѣ пріимуть муку съ дьяволомъ и огнь вѣчный. Тогда же зажгоша дворъ красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи: то все оканнии Половци запалиша огнемь. Тѣмже и мы, послѣдующе пророку Давыду, вопьемъ: Господи Боже мой! положи я яко коло, яко огнь предъ лицемъ вѣтру, иже попаляеть дубравы, тако пожениши я бурею твоею, исполни лица ихъ досаженья; се бо осквернища и пожгоша святый домъ твой, и манастырь Матере твоея, и трупье рабъ твоихъ; убиша бо нѣколико отъ братья нашея оружьемъ безбожнии сынове Измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ. Ищьли бо суть си отъ пустыня Етривьскыя, межю востокомъ и сѣверомъ; исшьли же суть ихъ колѣнъ 4: Торкъмене и Печенѣзи, Торци, Половци; Меѳодій же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Друзии же глаголють: сыны Амоновы; се же нѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Срацини отъ Измаила творятъся Сарини, и прозваша имя собѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмже Хвалиси и Болгаре суть отъ дщери Лотову, а Измаилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци и Кумани, рекше Половци, иже исходять отъ пустынѣ. И по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть заклепении в горѣ Александромъ Македоньскымъ, нечистыя человѣкы. Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородець, глаголя сице: „яко послахъ отрокъ свой Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему к нимъ, а оттуду иде въ Югру, Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сосѣдять с Самоядью на полунощныхъ странахъ“. Югра же рекоша отроку моему:

„дивьно мы находихомъ чюдо, егоже нѣсмы слышали преже сихъ лѣтъ, се же третьи лѣто поча быти; суть горы заидуче луку моря, имже высота ако до небесе, и в горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ и сѣкуть гору хотяще высѣчися, и в горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ; но кажють на желѣзо, и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли секиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощи“. Мнѣ же рекшю к Гюрятѣ: „си суть людье заклепении Александромъ, Македоньскымъ царемь“, якоже сказаеть о нихъ Меѳодий Патарийскый, взыде на восточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя отъ племене Афетова, ихже нечистому видѣвъ: ядяху скверну всяку, комары, и мухы, коткы, змиѣ, и мертвець не погрѣбаху, но ядяху, и женьскыя изворогы и скоты вся нечистыя то видѣвъ Александръ убояся, еда како осквернять землю, и полунощныя страны в горы высокия; Богу повелѣвшю, сступишася о нихъ токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локотъ, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ; и аще хотять взяти, не възмогутъ, ижещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь. В послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыня Етривьскыя, изидуть и си сквернии языци, иже суть в горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божию. Но мы на предняя взвратимся, якоже бяхомъ преже глаголали. Олгови обѣщавшюся ити к брату своему Давыдови Смолиньску, и прити з братомъ своимъ Кыеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску и поимъ вои, поиде к Мурому, в Муромѣ тогда сущю Изяславу Володимеричю; бысть же вѣсть Изяславу, яко Олегъ идеть к Мурому, посла Изяславъ по воѣ Суздалю, и Ростову, и по Бѣлозерци, собра вои многы. И посла Олегъ слы своѣ къ Изяславу, глаголя: „иди в волость отца своего Ростову, а

то есть волость отца моего; да хочю ту сѣдя порядъ створити со отцемь твоимъ, се бо мя выгналъ из города отца моего; а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хощеши дати?“ и не послуша Изяславъ словесъ сихъ, надѣяся на множество вой. Олегъ же надѣяся на правду, яко правъ бѣ в семь, и поиде к граду с вои; Изяславъ же исполчися предъ градомъ на поли. Олегъ же поиде к нему полкомъ, и сступишася обои, бысть брань люта; и убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа, мѣсяця сентября въ 6 день; прочии же вои побѣгоша, ови чересъ лѣсъ, друзии в городъ. Олегъ же вниде в городъ, и приняша и горожане; Изяслава же вземше положиша и в манастыри святаго Спаса, и оттуду перенесоша и Новугороду, и положиша и у святыѣ Соѳьѣ, на лѣвѣй сторонѣ. Олегъ же, по приятьи града, изъима Ростовци, и Бѣлозерци и Суздалцѣ, и устремися на Суждаль; и пришедъ Суждалю, и Суждалци дашася ему. Олегъ же омиривъ городъ, овы изъима, а другыя расточи, и имѣнья ихъ отья; иде Ростову, и Ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городомъ, и дани поча брати. И посла к нему Мьстиславъ солъ свои из Новагорода, глаголя: „иди ис Суждаля Мурому, а в чюжей волости не сѣди; и азъ пошлю молится з дружиною своею къ отцю своему, и смирю тя со отцемь моимъ; аще и брата моего убилъ, то есть недивьно, в ратехъ бо и цари и мужи погыбаютъ“. Олегъ же не всхотѣ сего, но паче помышляше и Новъгородъ переяти; и посла Олегъ Ярослава, брата своего, в сторожѣ, а самъ стояше на поли у Ростова. Мьстиславъ же сдума с Новгородци, и послаша Добрыню Рагуловича передъ собою въ сторожѣ; Добрыня же первое изъима даньникы. Увѣдавъ же Ярославъ се, яко изъимани данници, Ярославъ же стояше на Медвѣдици в сторожихъ, и побѣже тощи нощи, и прибѣже къ Олгови и повѣда ему, яко идеть Мстиславъ, а сторожѣ изъимани, и поиде к Ростову, Мстиславъ же приде на Волгу, и повѣдаша ему, яко Олегъ вспятился к Ростову, и Мстиславъ поиде по немъ. Олегъ же

приде к Суждалю, и слышавъ, яко идеть по немъ Мстиславъ, Олегъ же повелѣ зажещи Суждаль городъ, токмо остася дворъ манастырьскый Печерьскаго манастыря и церкы, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ и с селы, Олегъ же побѣже к Мурому, а Мстиславъ приде Суждалю, и сѣдя ту посылаше къ Олгови, мира прося, глаголя: „азъ есмъ мний тебе, слися къ отцю моему, а дружину, юже еси заялъ, вороти; а язъ тебѣ во всемъ послушаю“. Олегъ же посла к нему, с лестью хотя мира; Мстиславъ же, имы лсти вѣры, и распусти дружину по селомъ. И наста Ѳеодорова недѣля поста, и приспѣ Феодорова субота, а Мстиславу сѣдящю на обѣдѣ, приде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязмѣ, близь бо бѣ пришелъ безъ вѣсти; Мьстиславь же ему имъ вѣру, не постави сторожовъ; но Богъ вѣсть избавляти благочестивыя своя отъ льсти. Олегъ же установися на Клязмѣ, мня, яко, Мстиславъ побѣгнеть; къ Мстиславу же собращася дружина въ тъ день и в другый, Новгородци, и Ростовци и Бѣлозерци. Мстиславъ же ста предъ градомъ, исполчивъ дружину, и не поступи ни Олегъ на Мстислава, ни Мстиславъ на Олга, и стояста противу собѣ 4 дни. И приде Мстиславу вѣсть, яко „послалъ ти отець брата Вячеслава с Половци“; и приде Вячеславъ в четвергъ.

Ѳеодоровы недѣли, в постъ. И в пятокъ приде Олегъ, исполчившься, к городу, а Мстиславъ поиде противу ему с Новгородци и с Ростовци. И вдасть Мстиславъ стягъ Володимерь Половчину, именемъ Кунци, и вдавъ ему пѣшьцѣ, и постави и на правѣмь крилѣ; и заведъ Кунуй пѣшьцѣ наня стягъ Володимерь, и узрѣ Олегъ стягъ Володимерь, и убояся, и ужасъ нападе на нь и на воѣ его. И поидоша к боеви противу собѣ, Олегъ противу Мстиславу, а Ярославъ поиде противу Вячеславу. Мстиславъ же перешедъ пожаръ с Новгородци, и сступишася на Кулачьцѣ, и бысть брань крѣпка, и нача одолати Мстиславъ; и видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь; нача заходити в тылъ его, и убоявъся побѣже Олегъ, и одолѣ Мстиславъ. Олегъ же прибѣже к Мурому, и

затвори Ярослава Муромѣ, а самъ иде Рязаню; Мстиславъ же приде Мурому, и створи миръ, и поя своя люди, Ростовци и Суждалци, и поиде к Рязаню по Олзѣ. Олегъ же выбѣже из Рязаня а Мстиславъ пришедъ створи миръ с Рязанци, и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ. И посла къ Олгови, глаголя: „не бѣгай никаможе, но пошлися к братьи своей с мольбою, не лишать тя Русьскѣмъ земли; и азъ пошлю къ отцю молится о тобѣ“. Олегъ же обѣщася тако створити. Мьстиславъ же възвративъся вземъ Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой градъ, молитвами преподобнаго епископа Никыты. Се жо бысть исходящю лѣту 6606, индикта 4 на полы.

ПОУЧЕНЬЕ
ВЛАДИМІРА МОНОМАХА.

6607 (1099).

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нареченный в крещеніи Василий, Русьскымъ именемь Володимиръ, отцемь възлюбленнымь и матерью своею Мьномахы [1]) во благочестіи наказанъ, чадомъ моимъ преспеяти въ добродѣтеляхъ желая, се пишу поученье вамъ взлюбленнии и хрестьяныхъ людий дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ. Сѣдя на санехъ [2]), помыслихъ в души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ему же люба дѣтѣй моихъ [3]), а приметь ю в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися: первое, Бога дѣля и душа своея,

---

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ пропускъ въ 4½ строки, который нынѣ нами возстановленъ по тексту одного изъ подлинныхъ списковъ лѣтописи, напечатанному въ 3-мъ Археогр. Ком. изданіи Лаврентьевской Лѣтописи Спб. 1897 г. (2-е прим. 41 стр.)

[2]) Т. е. приближаясь къ гробу, такъ какъ мертвыхъ, въ то время, возили въ церковь, зимою и лѣтомъ, на саняхъ.

[3]) Кому изъ дѣтей моихъ.

страхъ имѣйте Божій въ сердци своемь и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотнця си, а не поохритаються [1]), но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя безлѣпицю еси молвилъ. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: „потъснися [2]) къ намъ, да выженемъ Ростиславича [3]) и волость ихъ отъимемъ; еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“, и рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“. И отрядивъ я вземъ псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: всякую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду и написахъ: аще вы послѣдняя не люба, а передняя принимайте. Вскую печална еси, душе моя? вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же Господа, ти обладають землею. И еще мало, и не будеть грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротции же наслѣдять землю, насладяться на множьствѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; Господь же посмѣятся ему, и прозрить, яко придеть день его. Оружья извлекоша грешьници напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь. Оружье ихъ внидеть въ сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ сокрушатся, утвержаеть же праведныя Господь. Яко се грѣшници погыбнуть; праведныя же милуя и даеть. Яко благословящии его наслѣдять землю, кленущии же его потребятся. Отъ Господа стопы человѣку исправятся. Егда ся падеть и не разбьется, яко Господь подъемлеть руку его. Унъ бѣхъ и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника

---

[1]) Не подосадуютъ.

[2]) Постарайся (кор. *тъск—тъщ*).

[3]) Вин. п. дв. ч.: Володарь и Василько Ростиславичи, княжившіе въ Перемышлѣ и Теребовлѣ.

оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуеть и взаимь даеть праведный, и племя его благословлено будеть. Уклонися отъ зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка. Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила. Помилуй мя, Боже, яко попра мя человѣкъ; весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющиися со мною с выше. Возвеселится праведникъ, и егда видить месть: руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще есть плодъ праведника и есть убо Богъ судяй земли. Измий мя отъ врагъ моихъ, Боже, и отъ встающихъ на мя отъими мя. Избави мя отъ творящихъ безаконье и отъ мужа крови спаси мя; яко се уловиша душю мою; и яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ въ воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость. Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. Яко благословлю тя въ животѣ моемь, и о имени твоемъ въздѣю руцѣ мои. Покры мя отъ соньма лукаваго, и отъ множьства дѣлающихъ неправду. Възвеселитеся вси праведнии сердцемь. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала его, и прочая. Якоже бо Василий учаше, собравъ ту уноша, душа чисты, нескверни, тѣлеси худу, кротку бѣседу и в мѣру слово Господне: яди и питью безъ плища велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными и меншиими любовь имѣти; безъ луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомь, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ; пребѣгати, не стрѣкати учить легкыхъ, власти ни в кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь; аще ли кто васъ можеть инѣмъ услѣти, отъ Бога мзды да чаеть и вѣчныхъ благъ насладится. О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго серца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего въ пустошнѣмъ семъ житьи научися, вѣрный человѣче, быти бла-

гочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ—не мьсти, ненавидимъ любо гонимъ—терпи, хулимъ—моли, умертви грѣхъ, избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю; придѣте, да сожжемъся, глаголеть Господь; аще будуть грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіяеть весна постная, и цвѣтъ покаянья; очистимъ собе, братья, отъ всякоя крови плотьскыя и душевныя, Свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: слава тобѣ, человѣколюбче! По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ; мы человѣци, грѣшни суше и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е къ собѣ. Такоже и Господь нашь показалъ ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ царствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко инии добрии терпять, но малымъ дѣломъ улучити милость Божью. Что есть человѣкъ, яко помниши и? Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никакъже разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдесъ твоихъ; и пакы речемъ: велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоихъ великыхъ чюдесъ и доброть, устроеныхъ на семъ свѣтѣ; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимъ промысломъ! звѣрье розноличнии, и птица и рыбы, украшено

твоимъ промысломъ, Господи! И сему чюду дивуемъся, како отъ персти создавъ человѣка, како образи разноличнии въ человѣчьскыхъ лицахъ, аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лица образомъ, по Божии мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья [1]) идуть, и первѣе въ наши руцѣ, и не ставятся на одиной земли, но и силныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, Божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля; все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на насъ, яже та угодья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи, егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тобѣ; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онѣмѣють. А благословенъ еси, господи, и хваленъ зѣло! Всяка чюдеса и ты [2]) доброты створивъ и сдѣлавъ, да иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будеть проклятъ. Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего приимете, то половину. Аще вы Богъ умякчить сердце и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: „якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй“; и в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; али вы ся начнеть не мочи [3]), а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни съ кымъ орудья [4]), аще инѣхъ молитвъ не

---

[1]) Ирей—страна чудесъ, земной рай, теплыя страны, куда улетаютъ перелетныя птицы на зиму.

[2]) Тѣ доброты.

[3]) Вамъ будетъ не въ мочь.

[4]) Дѣла.

умѣете молвити, а „Господи помилуй“ зовѣте безпрестани, втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя. Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, не повелѣвайте убити его; аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляете никакоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомъ, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоея же; аще ли вы будеть крестъ цѣловати к братьи, или къ кому, али управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не приступни погубите, душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены, съ любовью взимайте отъ нихъ благословленье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да приимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробѣ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дней; и въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя что яко отца, а мододыя яко братью. В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна [1]), ни на отрока, да не посмѣются приходящии къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте: а оружья не снимайте съ себе вборзѣ, не розглядавше, лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьянства и блуда, въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнуть. Куда же поидете, идѣже станете, напойте, накормити унеина [2]); и болѣ же

[1]) Судья низшей инстанціи.

[2]) Просящій, отъ унити—просить.

чтите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ [1]), аще не можете даромъ [2]), брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идете, яко вси мертвени есмы; и человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ Божий имѣйте выше всего; аще забываете всего [3]), а часто прочитайте: и мнѣ будеть безъ сорома, и вамъ будеть добро. Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ [4]), в томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое къ церкви: да не застанетъ васъ солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении; заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью, и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ [5]), грѣховъ своихъ покаявъся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога; и сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати [6]), или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина [7]) бо почиваеть и звѣрь и птици и человѣци. А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже [8]) ся

---

[1]) Посолъ.

[2]) Подаркомъ.

[3]) Чтобы вамъ не забыть всего.

[4]) По Карамзину, кн. Всеволодъ могъ знать языки: греческій, скандинавскій, половецкій и венгерскій, кромѣ русскаго.

[5]) Остатокъ.

[6]) Править, судить.

[7]) Чинъ—часъ.

[8]) Еже, что.

есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску; и паки 2-е к Смолиньску со Ставкомь Скордятичемъ, той паки и отъиде къ Берестію со Изяславомь, а мене посла Смолиньску; то и Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и посласта Берестию брата на головнѣ [1]) идѣ бяху пожгли, то и ту блюдъ городъ тѣхъ; та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни изъ Переяславля та Володимерю, на Сутейску [2]) мира творитъ съ Ляхы; оттуда паки на лѣто Володимерю опять [3]). Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци; и в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородьское; та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. И Святославъ умре, и язъ паки Смолиньску, а и Смолиньска той же зимѣ та къ Новугороду; на весну Глѣбови въ помочь; а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ [4]), а на другую зиму съ Святополкомъ подъ Полтескъ; ожгоша Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я съ Половци на Одрьскъ, воюя; та Чернигову. И паки и Смолиньска къ отцю придохъ Чернигову; и Олегъ приде, изъ Володимеря выведенъ, и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ со отцемъ въ Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривенъ золота. И паки и Смолиньска же пришедъ, и проидохъ сквозѣ Половѣчьскыи воя, бьяся до Переяславля, и отца налѣзохъ съ полку пришедше; той паки ходихомъ, томъ же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битъся Чернигову съ Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И паки идохомъ Переяславлю, и стахомъ во Обровѣ, и Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ съ Черниговци о двою коню, и не застахомъ въ Смолиньскѣ; тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, ть на Дрьютьскъ воюя, та Черни-

---

[1]) На головни, т. е. на пожарище.
[2]) Сутейскъ—ущелье между горами.
[3]) Назадъ.
[4]) Полоцкъ, назв. г. отъ рѣки Полоты.

гову. А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ съ Черниговци и съ Половци, на Десн҃ѣ изъимахомъ князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша; и назаутреѣ за Новымъ городомъ разгнахомъ силны вои Белкатгина, а се мечи и полонъ весь отъяхомъ. А въ Вятичи ходихомъ по дв҃ѣ зим҃ѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму; и паки по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ; и на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды. Томъ же л҃ѣт҃ѣ гонихомъ по Половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша. И на ту осень идохомъ съ Черниговци и съ Половци, съ Чит҃евичи, къ М҃еньску; изъ҃ѣхахомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина ни скотины. На ту зиму идохомъ къ Ярополку совокупляхся на Броды, и любовь велику створихомъ. И на весну посади мя отець въ Переяславли передъ братьею, и ходихомъ за Супой; и ѣдучи къ Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу Половечьскы҃ѣ князи, 8 тысячь, и хот҃ѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ въ городъ; толко Семцю яша одиного живого, ти смердъ н҃ѣколико, а наши он҃ѣхъ болѣ избиша и изъимаша, и не см҃ѣша ни коня пояти въ руц҃ѣ, и б҃ѣжаша на Сулу тое ночи; и заутра, на Госпожинъ день, идохомъ къ Б҃ѣл҃ѣ вежи, и Богъ ны поможе и святая Богородица: избиша 900 Половець, и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста; и потомь на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомь на Торческый городъ, и потомь на Гюргевъ по Половцихъ; и паки на той же сторон҃ѣ у Красна Половци поб҃ѣдихомъ; и потомь съ Ростиславомъ же у Варина веж҃ѣ взяхомъ. И потомь ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадихъ, и Ярополкъ умре. И паки по отни смерти и по Святополц҃ѣ на Сул҃ѣ бившеся съ Половци до вечера, быхомъ у Хал҃ѣпа, и потомь миръ створихомъ съ Тугорканомъ и со ин҃ѣми князи Половечьскыми; и у Гл҃ѣбови чади пояхомъ дружину свою всю. И потомъ Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову,

и бишася дружина моя съ нимъ 8 дний о малу греблю [1]), и не вдадуче имъ въ острогъ, съжаливъся хрестьяныхъ душь и селъ горящихъ и манастырь, и рѣхъ: „не хвалитися поганымъ“, и вдахъ брату отца его мѣсто, а самъ идохъ на отця своего мѣсто Переяславлю; и изидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова, и ѣхахомъ сквозѣ полкы Половьчскіѣ, не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами, и облизахутся на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза и съ горъ. Богъ и святый Борисъ не да имъ мене въ користь невредженi доидохомъ Переяславлю. И сѣдѣвъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды прияхомъ отъ рати и отъ голода; и идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе, избиша и, а другия поимаша; и пакы Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомь. И Стародубу идохомъ на Олга, зане ся бяше приложилъ къ Половцемъ; и на богъ идохомъ съ Святополкомъ на Боняка за Рось; и Смолиньску идохомъ, съ Давыдомъ смирившеся; паки идохомъ другое съ Вороницѣ; тогда же и Торци придоша ко мнѣ, изъ Половець Читѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу. И потомь паки идохомъ къ Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смолинску; и се нынѣ иду Ростову. И пакы съ Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ, но ли оли убиша [2]), и не постигохомъ ихъ; и потомь по Боняцѣ же гонихомъ за Рось, и не постигохомъ его. И на зиму Смолинску идохомъ, и Смоленска по Велицѣ дни выидохъ; и Гюргева мати умре. Переяславлю пришедъ на лѣто, собрахъ братью; и Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятиню, идохомъ за ня изъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи изъимахомъ лѣпшии, и по Рожествѣ створихомъ миръ съ Аепою, и поимъ у него дчерь, идохомъ Смоленьску; и потомь идохъ Ростову. Пришедъ изъ Ростова, паки идохъ на Половци на Урубу съ

[1]) Окопъ.

[2]) Выраженіе непонятное, вѣроятно, испорченное писцомъ. *Примѣчаніе Археогр. Ком.*

Святополкомъ, и Богъ ны поможе; и потомь паки на Боняка къ Лубьну, и Богъ ны поможе; и потомь ходихомъ въ войну съ Святополкомъ; и потомь паки на Донъ идохомъ съ Святополкомъ и съ Давыдомъ, и Богъ ны поможе; и къ Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и, ко Ромну идохъ со Олгомь и съ дѣтми на ня, и они очитивше бѣжаша. И потомь къ Мѣньску ходихомъ на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ и Богъ ны поможе и створихомъ свое мышленое. И потомь ходихомъ къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его. А изъ Чернигова до Кыева нестишь ѣздихъ къ отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни; а всѣхъ путий 80 и 3 великихъ, а прока не испомню меншихъ. И миров есмъ створилъ съ Половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота[1]) много и многы порты своѣ; и пустилъ есмъ Половечскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князей ивѣхъ 100; а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусь съ сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревьскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметий молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ въ ту рѣчку въ Славіи[2]); по чередамъ избьено не съ 200 въ то время лѣпшихъ. А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдохъ въ Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ, и до ...[3]) лѣта по сту уганивалъ и имъ даромъ всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемь ловилъ есмъ всякъ звѣрь. А се въ Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь, въ пушахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ тогоже по Роси ѣздяималъ есмъ своима рукама тѣ же кони дикіѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ[4]), а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а

---

[1]) Скотъ—вообще деньги, отсюда скотъница—казна.

[2]) Рѣка Сальна, одинъ изъ притоковъ р. Сала, на которой въ 1111 г. были разбиты Половцы.

[3]) Здѣсь на срединѣ листа прорвано. *Прим. Арх. Ком.*

[4]) Бодалъ, отъ бости.

другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже; и Богъ невреженa мя съблюде; и съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ то я творилъ есмь; и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ; и о соколѣхъ и о ястребяхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ на далъ есмъ сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда [1]) и службы самъ есмъ призиралъ. Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ сблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не бояще, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть; оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадаяся, то никтоже васъ [2]) не можеть вредитися и убити, понеже не будеть отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но оче[3]) добро есть блюсти, Божие блюденье лѣплѣе есть человѣчьскаго. О многострастный и печалны азъ! много борешися сердцемь, и одолѣвши, душѣ, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ сущи, помышляю како стати предъ страшнымъ

---

[1]) Порядка.

[2]) Никто изъ васъ.

[3]) Т. е. ежели, хотя. *Примѣч. Археогр. Ком.* Т. е. если хорошо беречься самому, то еще лучше полагаться на Бога.

Судьею, каянья и смѣренья не приимшимъ межю собою. Молвить бо иже: Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть; и паки: аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вамъ отпустить Отець вашь небесный. Пророкъ глаголеть: не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье; что есть добро и красно, не еже жити братья вкупѣ! . . . . [1])

Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженыхъ отцихъ нашихъ; дьяволъ бо не хочетъ добра роду человѣчскому, сваживаеть ны. Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ мой, его же еси хрстилъ, иже то сѣдить близь тобе, прислалъ ко мнѣ мужь свой и грамоту, река: ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ; а вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а станутъ си предъ Богомъ; а Русьскы земли не погубимъ. И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихся и Бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и въ безумье сице смѣряеться, на Бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ. Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю приимеши съ добромь, ли съ поруганьемь, свое же узрю на твоемъ писаньи. Сими бо словесы варихъ тя переди, его же почаяхъ отъ тебе, смѣреньемъ и покаяньемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ оставленая. Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощеть, въ мегновеньи ока вся створити хощеть, то самъ претерпѣ хуленье и оплеванье и ударенье, и на смерть вдася, животомъ владѣя и смертью; а мы что есмы? человѣци грѣшнии, ли си, дѳнь живи, а утро мертви, днесь въ славѣ и въ чти, а заутра въ гробѣ и безъ памяти, ини собранье наше раздѣлять. Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чимъ има порты? не токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы,

---

[1]) *Примѣч. Археогр. Ком.* «Отсюда слѣдуетъ „Посланіе Владиміра Мономаха Олегу Святославичу“, смѣшанное сочинителемъ Лѣтописи, или писцомъ, съ „Поученіемъ его дѣтямъ“; оно писано въ 1096 г., послѣ Муромскаго сраженія, въ которомъ убитъ сынъ Владиміровъ Изяславъ. См. Карамз. II, 115—119 и прим. 177».

пославше бяше переди, братъ, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще надъ нимъ, вникущи помыслы души своей: увы мнѣ! что створихъ, и пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы; и рещи бяше Давыдскы: яко беззаконие мое азъ знаю, грѣхъ мой предо мною есть выну. Не крове дѣля пролитья, помазанникъ Божий Давыдъ, нъ грѣхъ створи, посыпа главу свою и плакася горко во тъ часъ отда ему согрѣшенья его Богъ. А къ Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя; а Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ съ первымъ сломь, да не съ нею кончавъ слезы посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ, желючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ. Тѣмъ бо путемъ шли дѣди и отци наши: судъ отъ Бога ему пришелъ, а не отъ тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхомъ уладили; но самъ разумѣй, мнѣ ли бы послати къ тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? да же еси велѣлъ дѣтяти: „слися къ отцю“, десятья есмъ послалъ. Дивно ли, оже мужь умерлъ въ полку ти? лѣпше суть измерли и роди наши; да не выискывати было чюжего, ни мене въ соромъ, ни въ печаль ввести; научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣдоша зло. Да еже начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши,ославъ солъ свой, или пископа, и грамоту напиши съ правдою, той волость възмешь съ добромъ, и наю сердце обратиши къ собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни местьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми Богъ крови отъ руку твоею видѣти, ни отъ повелѣнья своего, ни кото-

раго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣхъ створилъ, оже на тя шедъ къ Чернигову, поганыхъ дѣля, ли того ся каю; да то языкомъ братьи пожаловахъ, и паки е повѣдахъ, зане человѣкъ есмь; аще ти добро, да съ тѣмь; али ти тихое, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный съ малымъ братомъ своимь, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши въ своемъ. А о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьа и Русьскѣй земли; а его же ты хощеши насильемъ, тако вѣ даяла и у Стародуба и мила ся дѣюща по тебѣ очину твою: али Богъ послухъ тому, съ братомъ твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися безъ тебе, и не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли къ брату, дондеже уладимся; оже ли кто васъ не хочеть добра, ни мира хрестьяномъ, а не буди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его. Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая, по Возѣ самъ услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего; на страшнѣй при бе—суперникъ обличаюся, и прочее [1]).

. . . . . .

1097. Въ лѣто 6605. Придоша Святополкъ и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичъ, и Давыдъ Святославичь, и братъ его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша къ собѣ, рекуще: „почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нынѣ отселѣ имемся по едино сердце, и блюдемъ Рускыѣ земли, кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимерь Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю; а имъ же роздаялъ Всеволодъ городы, Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви,

---

[1]) Здѣсь оканчивается выписка изъ Посланія Владиміра Мономаха къ Олегу, и далѣе слѣдуетъ Отрывокъ молитвеннаго содержанія.

Примѣч. Арх. Ком.

Теребовль Василкови". И на томъ цѣловаша крестъ: „да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и кресть честный"; рекоша вси: „да будеть на нь крестъ честный и вся земля Русьская": и цѣловавшеся поидоша всвояси. И приде Святополкъ съ Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси; но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей; и влѣзе сотона въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и почаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице: „яко Володимеръ сложился есть съ Василкомъ на Святополка и на тя". Давыдъ же емъ вѣру лживымъ словесомъ, нача молвити на Василка, глаголя: „кто есть убилъ брата твоего Ярополка? а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть съ Володимеромъ; да промышляй о своей головѣ". Святополкъ же смятеся умомъ, река: „еда се право будеть, или лжа, не вѣдѣ"; и рече Святополкъ къ Давыдови: „да аще право глаголеши, Богъ ти буди послухъ; да аще ли завистью молвишь, Богъ будеть за тѣмъ". Святополкъ же сжалися по братѣ своемъ и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть? и я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Васильцѣ; а Василко сего не вѣдяше ни Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: „аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери"; и послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится къ святому Михаилу въ монастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици; вечеру же бывшю прииде въ товаръ свой. И наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: „не ходи отъ именинъ моихъ". Василко же отпрѣся, река: „не могу ждати; еда будеть рать дома". И присла къ нему Давыдъ: „не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго"; и не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: „видиши ли, не помнить тебѣ, ходя въ твоею руку; аще ти отъидеть въ свою волость, самъ узриши, аще ти не займеть градъ твоихъ Турова, и Пиньска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянешь мене; но призвавъ нынѣ и, емъ и дажь мнѣ". И послуша

его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: „да аще не хощешь ждати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдимъ вси съ Давыдомъ“. Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и дѣтьский [1]) его и повѣда ему, глаголя: „не ходи, княже, хотятъ тя яти“. И не послуша его, помышляя, „како мя хотять яти? оногды цѣловали кресть, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и мы вси“; и помысливъ се прекрестися рекъ: „воля Господня да будеть“. И пріѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ; и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша въ истобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: „останися на *святокъ*“ [2]). И рече Василко: „не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ товаромъ поити переди“. Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: „да заутрокай, брате“! и обѣщася Василко заутракати. И рече Святополкъ: „посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю“. И лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати къ Давыдови, и не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья; бѣ бо ужаслься, и лесть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече: „кдѣ есть братъ“? Они же рѣша ему: „стоить на сѣнехъ“. И вставъ Давыдъ, рече: „азъ иду по нь; а ты, брате, посѣди“. И вставъ иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5 ноямьбря, и оковаша и въ двои оковы, и приставиша къ нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва боляръ и Кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ: яко „брата ти убилъ, а на тя свѣчался съ Володимеромъ, и хощеть тя убити и грады твоя заяти“. И рѣша боляре и людье: „тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да прииметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомъ“. И увѣдѣша игумени, и начаша моли-

[1]) Въ др. сп. „отрокъ“.

[2]) Праздникъ. (Солов. И. Р. II, гл. IV).

тися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: „ото Давыдъ“. Увѣдѣвъ же се Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: „аще ли сего не створишь, а пустишь и, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ“. Святополкъ же хотяше пустити и, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и Бѣлугороду, иже градъ малъ у Киева яко 10 верстъ въдале, и привезоша и на колѣхъ, окована суща, ссадиша и съ колъ, и ведоша и въ истобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко Торчина остряща ножъ, и разумѣ, яко хотятъ и слѣпити, възпи къ Богу плачемъ великимъ и стенаньемъ. И се влѣзоша послании Святополкомъ и Давыдомь, Сновидъ Изечевичь конюхъ Святополчь, и Дьмитръ, конюхъ Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка и хотяща и повредщи; и боряшется съ нима крѣпко, и не можаста его повредщи. И се влѣзше друзии повергоша и, и связаша и, и снемше доску съ печи, и възложиша на перси его; и сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаста удержати; и приступиста ина два, и сняста другую доску съ печи, и сѣдоста, и удавиша и рамяно, яко персемъ троскотати. И приступи Торчинъ, именемъ Беренди, овчюхъ Святополчь, держа ножь и хотя ударити в око, и грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ; и посемъ удари и въ око, и изя зѣницю, и посемъ въ другое око, и взя другую зѣницю; и томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше и на коврѣ взложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везому ему, сташа съ нимъ перешедше мостъ Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша съ него сорочку, кроваву сущю, и вдаша попадьи опрати; попадья же оправши взложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: „кдѣ се есмъ“? Они же рекоша ему: „въ Звиждени городѣ“. И вироси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи въ онь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки и рече: „чему есте сняли съ мене? да бѣхъ въ той сорочкѣ кровавѣ смерть принялъ и сталъ предъ Богомъ“. Онѣмъ же обѣдавшимъ, по-

идоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь; и придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ съ нимъ, аки нѣкакъ уловъ уловивъ; и посадиша и въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко. Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: „сего не бывало есть въ Руськѣй земли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла“. И ту абье посла къ Давыду и къ Олгови Святославичема, глаголя: „поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Руськѣй земьли и въ насъ, въ братьи, оже ввержень въ ны ножь; да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть в насъ, и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, Половци, пришедше возьмуть землю Руськую“. Се слышавъ Давыдъ и Олегъ печална быста велми и плакастася, рекуща: „яко сего не было въ родѣ нашемъ“. И ту абье собравъша воѣ, придоста къ Володимеру. Володимеру же съ вои стоящю въ бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще къ Святополку: „что се зло створилъ еси въ Русьстѣй земли, и ввергль еси ножь въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ ты и [1]), створилъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси“. И рече Святополкъ: яко „повѣда ми Давыдъ Игоревичь: яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хощеть убити и заяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестие и Погорину, а заходилъ ротѣ съ Володимеромъ, яко сѣсти Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери; а неволя ми своее головы блюсти, и не язъ его ослѣпилъ, но Давыдъ, и велъ и къ собѣ“. И рѣша мужи Володимери, и Давыдови и Олгови: „извѣта о семъ не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ и; не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но въ твоемъ градѣ

[1]) Доказавъ его вину. (Сол. И. Р. II. Гл. I).

ятъ и слѣпленъ“; и се имъ глаголющимъ разидошася разно. Наутрия же хотящимъ чрезъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути изъ Кіева, и не даша ему Кыяне побѣгнути, но послаша Всеволожюю и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: „молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудомъ великымъ и храбрьствомь, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли пріискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую“. Всеволожая же и митрополитъ придоста къ Володимеру и молистася ему, и повѣдаста молбу Кыянъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскиѣ, и брань имѣти съ погаными. Се слышавъ Володимеръ, росплакавъся и рече: „по истинѣ отци наши и дѣди наши сблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити“; и преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелику, и въ животѣ и по смерти, не ослушаяся его ни въ чемъ же; тѣмже и послуша ея, акы матере, и митрополита такоже чтяше, санъ святительскый, и не преслуша молбы его, Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и чернечьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая къ нему напиташе и напаяше, акы мати дѣти своя; аще кого видяше ли шюмна, ли въ коемъ зазорѣ, не осужаше, но вся на любовь прекладаше и утешаше. Но мы на свое възвратимся. Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву, и повѣда вся рѣчи Святополку и Кияномъ, яко миръ будеть. И начаща межи собою мужѣ слати, и умиришася на семъ, яко рѣша Святополку: „яко се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и“; Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створше. Василкови же сущю Володимери, на прежерѣченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю Володимери, въ едину нощь присла по мя

князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: „се мо́лвилъ Василко си ночи къ Уланови и Колчи, реклъ тако: се слышю, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда; да же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужь свой къ Володимеру воротиться, вѣдѣ бо ся съ нимъ что молвилъ, и не поидеть; да се, Василю, шлю тя, иди къ Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: оже хощеши послати мужь свой, и воротися Володимеръ, то вдамъ ти которой ти городъ любъ, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль“. Азъ же идохъ къ Василкови, и повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онъ же рече: „сего есмъ не молвилъ; но надѣюся на Богъ, пошлю, да быша не прольяли мене ради крови, но сему ми дивно, даеть ми городъ свой, а мой Теребовль, моя власть, пождавши и нынѣ“; якоже и бысть, вскорѣ бо прія власть свою. Мнѣ же рече: „иди къ Давыдови и рци ему: пришли ми Кульмѣя, то пошлю къ Володимеру“. И не послуша его Давыдъ, и посла мя пакы река: „нѣту Кулмѣя“. И рече ми Василко: „посѣди мало“, и повелѣ слузѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: „се слышю, оже мя хощетъ дати Ляхомъ Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хощеть болѣ насытитися, оже мя вдасть имъ? азъ бо Ляхомъ много зла творихъ, и хотѣлъ есмь створити мстити Русьскѣй земли. И аще мя вдасть Ляхомъ, не боюся смерти; но се повѣдаю ти по истинѣ, яко на мя Богъ наведе за мое възвышенье: яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи, и Печенѣзи, и Торци, и рекохъ въ умѣ своемъ: оже ми будуть Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давидови: дайта ми дружину свою молодшюю, а сама пийта и веселитися; и помыслихъ: на землю Лядьскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядьскую, и мьщю Русьскую землю; и посемъ хотѣлъ есмъ переяти Болгары Дунайскыѣ, и посадити я у собѣ; и посемъ хотѣхъ простится у Святополка и у Володимера ити на Половци,

да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю; ино помышленье въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда, и се клянуся Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ есмъ зла братьи своей ни въ чемъ же, но за мое възнесенье низложи мя Богъ и смири". Посемъ же приходяшю Велику дни, поиде Давыдъ, хотя переяти Василкову волость; и усрѣте и Володарь, братъ Василковъ, у Бужьска, и не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату, Володарю, и затворися въ Бужьскѣ, а Володарь оступи и въ городѣ. И нача Володарь молвити: „почто зло створивъ и не каешися его? да уже помянися, колико еси зла створилъ". Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти, глаголя: „ци я се створилъ, ци ли въ моемъ городѣ? я ся самъ боялъ, аще быша и мене яли и створили такоже; неволя ми было пристати въ совѣтъ, ходяче въ руку". И рече Володарь: „Богъ свѣдѣтель тому, а нынѣ пусти братъ мой, и створю съ тобою миръ". И радъ бывъ Давыдъ посла по Василка, и приведъ и дасть Володарю, и створиста миръ, и разидостася. И сѣде Василко Теребовли, а Давыдъ приде Володимерю; и наставши веснѣ, приде Володарь и Василко на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ и бѣгоша людье огня; и повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщенье на людехъ неповинныхъ, и пролья кровь неповинну. Посемъ же придоста къ Володимерю, и затворися Давыдъ въ Володимери, и си оступиша градъ. И посласта къ Володимерцемъ, глаголюще: „вѣ не пріидоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, на Туряка, и на Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло; да аще хощете за сихъ битися, да се мы готови, а любо выдайте врагы наша". Гражане же се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: „выдай мужи сія, не бьемся за сихъ, а за тя битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышляй о собѣ"; и неволя

бысть выдати я. И рече Давыдъ: „нѣту ихъ здѣ“, бѣ бо я послалъ Лучьску; онѣмъ же пошедшимъ Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турійску. И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: „выдай, кого ти хотять; аще ли, то предаемыся“. Давыдъ жеославъ приведе Василя и Лазаря, и дасть я; и створиша миръ въ недѣлю. А заутра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша отъ града. Се же 2-е мщенье створи его же не бяше лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ, и взложити было на Бога мщенье свое, якоже рече Пророкъ: и вздамъ месть врагомъ, и ненавидящимъ мя вздамъ, яко кровь сыновъ своихъ мщаеть и мстить, и вздасть месть врагомъ и ненавидящимъ его. Симъ же отъ града отшедшимъ, сею же снемша погребоша я. Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде къ Берестью къ Ляхомъ; се слышавъ Давыдъ, иде въ Ляхы къ Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: „поиди съ нами Берестью, яко се вабить ны Святополкъ на снемъ, и ту умиримъ тя съ Святополкомъ“; и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градѣ, а Ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святополкъ съ Ляхы, и вдасть дары великы на Давыда; и рече Володиславъ Давыдови: „не послушаеть мене Святополкъ, да иди опять“. И приде Давыдъ Володимерю, и Святополкъ съвѣтъ створи съ Ляхы, поиде къ Пиньску,ославъ по воѣ; и приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися въ градѣ чая помощи въ Лясѣхъ, бѣша бо ему рекли: „яко аще придуть на тя Русскые князи, то мы ти будемъ помощници“; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи градъ, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: „пусти мя изъ града“. Святополкъ же обѣщася ему, и цѣловаста крестъ межи собою, и изиде Давыдъ изъ града, и приде въ Червенъ; а Свято-

полкъ вниде въ градъ въ великую суботу, а Давыдъ бѣжа въ Ляхы. Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя: „яко се есть волость отца моего и брата“; и поиде на ня. Се слышавъ Володарь и Василко, поидоста противу, вземше кресть, его же бѣ цѣловалъ съ нима на семъ: яко „на Давыда пришелъ есмъ, а съ вама хочю имѣти миръ и любовь“. И преступи Святополкъ крестъ, надѣяся на множство вой. И стрѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоимъ, и Василко възвыси крестъ, глаголя: „яко сего еси цѣловалъ, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти душю мою; да буди межи нами крестъ сь“; и поидоша къ собѣ къ боеви, и сступишася полци, и мнози человѣци благовѣрнии видѣша крестъ надъ Василковы вои възвышься велми. Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ падающимъ отъ обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже Володимерю; Володарь же и Василко побѣдивша, стаста ту, рекуща: „довлѣеть нама на межи своей стати“, и не идоста никаможе. Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимъ сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружина. Святополкъ же посади въ Володимери Мстислава....., а Ярослава посла въ Угры, вабя Угры на Володаря, а самъ иде Кыеву. Ярославъ же, сынъ Святополчь, приде съ Угры, и король Коломанъ и 2 пископа, и сташа около Перемышля по Вагру, а Володарь затворися въ градѣ. Давыдъ бо въ то чинъ пришедъ изъ Ляховъ, и посади жену свою у Володаря, а самъ иде въ Половцѣ; и устрѣте и Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на Угры. Идущема же има, сташа ночлѣгу; и яко бысть полуношци, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко „побѣда ны есть на Угры заутра“. И наутрия Бонякъ исполчи вои своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли я на 3 полкы, и поиде къ Угромъ; и пусти на воропъ Алтунапу съ 50 чади,

а Давыда постави подъ стягомъ, а самъ раздѣлися на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася на заступы, бѣ бо Угръ числомъ 100 тысящь. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ Угры, Угри же погнаша по нихъ; яко бѣжаще минуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣкы въ тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху Угръ опять, и тако множицею убивая сбиша ѣ въ мячь; Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ. И побѣгопа Угри, и мнози истопоша въ Вягру, а друзии въ Сану; и бѣжаще возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга, и гнаша по нихъ 2 дни, сѣкуще; туже убиша и пископа ихъ Купана и отъ боляръ многы; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящь. Ярославъ же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску и Червенъ, приде внезапу и зая Володимерцѣ, а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою, иже бѣша у него Берестьяне, Пиняне, Выгошевци; и ста Давыдъ, оступивъ градъ, и часто приступаше. Единою поступиша къ граду подъ вежами, онѣмъ же бьющимъ съ града, и стрѣляющимъ межи собою, идяху стрѣлы акы дождь; Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ доску скважнею, и сведоша и, и на ту нощь умре, и таиша и 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: „се князь убьенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ погубить ны вся“; и послаша къ Святополку, глаголюще: „се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаемъ гладомъ; да аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти“. Святополкъ же посла Путяту, воеводу своего; Путята же съ вои пришедъ къ Лучьску къ Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша къ Давыдови: „аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмъ ти“; и не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а самъ поиде на Давыда. И приде Святоша и Путята августа въ 5 день, Давыдовымъ воемъ облежащимъ градъ, въ полудень

Давыдови спящю, и нападоша на ня и почаша сѣчи; и горожане скочиша съ града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, сыновець его. Святоша же и Путята прияста градъ, и посадиста посадника Святополча Василя; и приде Святоша Лучьску, а Путята Кыеву. Давыдъ побѣже въ Половцѣ, и усрѣте и Бонякъ; и поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошю къ Лучьску, и оступиша Святошю в градѣ, и створиша миръ. И изиде Святоша изъ града, и приде къ отцю своему Чернигову; а Давыдъ перея Лучьскъ, и оттуду приде Володимерю, посадникъ же Василь выбѣже, а Давыдъ перея Володимерь и сѣде въ немъ. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ прибавиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, в немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимерь, и посади в немъ сына своего Ярослава.

1098. Въ лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, якоже и в прежнее лѣто сказахъ.

1099. Въ лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда къ Володимерю, и прогна Давыда в Ляхы. В се же лѣто побьени Угри у Перемышля. В се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь, в Володимери, мѣсяца июня въ 12 день.

1100. Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давыда на море мѣсяця іюня въ 10. В томъ же лѣте братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, и приде къ нимъ Игоревичь Давыдъ, и рече къ нимъ: „начто мя есте прибавили? осе есмъ; кому до мене обида“? И отвѣща ему Володимеръ: „ты еси прислалъ къ намъ: хочю, братья, прити к вамъ и пожаловатися своея обиды; да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одиномъ коврѣ: то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба“? и не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на конихъ; и ста Святополкъ съ своею

дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею разно, кромѣ собе, а Давыдъ Игоревичь сѣдяще кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаше къ Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путяту, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина; послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: „се ти молвять братья: не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане вверглъ еси ножь в ны, его же не было въ Русьскѣй земли; да се мы тебе на имемъ, ни иного ти зла не створимъ, но се ти даемъ: шедъ сяди въ Бужьскѣмъ, въ Острозѣ, а Дубенъ и Черторыескъ то ти даеть Святополкъ, а се ти даеть Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ“. И тогда послаша слы своя къ Володареи и къ Василкови: „поими брата своего Василка къ собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль; да аще вамъ любо, да сѣдита, аще ли ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ сдѣ; а холопы наша выдайта и смерды“; и не послуша сего Володарь, ни Василко. А Давыдъ сѣде Божьскѣмъ, и посемъ вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, въ немъ же и умре; а Володимеръ вда сынови своему Ярославу.

1101. Въ лѣто 6609. Преставися Всеславъ, Полотьскый князь, мѣсяца априля, въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду. В то же лѣто заратися Ярославъ Ярополчичь Берестьи, и иде на нь Святополкъ, и заста и въ градѣ, и емъ и, и окова, и приведе и Кыеву; и молися о немъ митрополитъ и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша и у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша съ него оковы, и пустиша и. Томь же лѣтѣ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, братъ ею, на Золотьчи; и прислаша Половци слы отъ всѣхъ князий ко всей братьи, просяще мира; и рѣша имъ Русскыи князи: „да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова“; и послаша по Половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ съ Половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца семтября вь 15 день, и разидошася разно.

*

1102. Въ лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичь изъ Кыева, мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ, прелстивъ Ярославъ Святополчичь Ярослава Ярополчича, и ятъ и на Нурѣ, и приведе и къ отцю Святополку, и оковаша и. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимерь, съ Новгородци, бѣ бо Святополкъ съ Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в немь, а Володимеру посадити сынъ свой Володимери; и приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: „се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдять Новгородци: да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мьстиславъ да идеть Володимерю“. И рѣша Новгородци Святополку: „се мы, княже, прислани къ тобѣ, и ркли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и; а сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ“. И Святополкъ же многу прю имѣвъ съ ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава, придоша Новугороду. В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря отъ встока и юга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы отъ луны полны свѣтящься. В то же лѣто бысть знаменье в лунѣ, мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнци: огородилося бяше солнце въ три дугы, и быша другыя дугы хребты къ собѣ. И сія видяще знаменья, благовѣрнии человѣци со въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро. На придущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи, умыслиша дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ, еже и бысть, якоже скажемъ послѣже в пришедшее лѣто. В се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичь, мѣсяца августа въ 11 день. В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день.

1103. Въ лѣто 6611. Богъ вложи в сердце княземъ Русскымъ Святополку и Володимеру, и снястася думати на Долобьскѣ; и сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею въ единомъ шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча: „яко негодно нынѣ веснѣ ити, хочемъ погубити смерды и ролью ихъ“. И рече Володимеръ: дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто ореть; а сего чего не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и пріѣхавъ Половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье? то лошади жаль, а самого не жаль ли“? И не могоша отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: „се язъ готовъ уже“; и вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: „то ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй“. И посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: „поидита на Половци, да любо будемъ живи, любо мертви“. И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: „не сдравьлю“. Володимеръ же цѣловавъ брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по немъ, и Давыдъ Святославичь, и Давыдъ Всеславичь, и Мстиславъ Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичь, Ярополкъ Володимеричь; и поидоша на конихъ и в лодьяхъ, и придоша ниже порогъ, и сташа в протолчехъ в Хортичемъ островѣ; и всѣдоша на конѣ, и пѣшци изъ лодей выседше идоша въ полѣ 4 дни, и придоша на Сутѣнь. Половци же слышавше, яко идеть Русь, собрашася безъ числа и начаша думати. И рече Урусоба: „просимъ мира у Руси, яко крѣпко имуть битися съ нами, мы бо много зла створихомъ Русскѣй земли“. И рѣша унѣйшии Урособѣ: „аще ты боишися Руси, но мы ся не боимъ; сія бо избивше, поидемъ в землю ихъ и приимемъ грады ихъ, и кто избавитъ и отъ насъ“? Русскіѣ же князи и вои вси моляхуть Бога, и обѣты вздаяху Богу и Матери его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогымъ, инии же манастыремъ требованья. И сице молящимся, поидоша Половци и послаша предъ собою в сторожѣ Алтунопу, иже словяше

въ нихъ мужествомъ; такоже Русскіѣ князи послаша сторожѣ своѣ. И устерегоша Русскіѣ сторожеве Олтунопу, и обступивъше и, и убиша Алтунопу и сущая съ нимъ, и не избысть ни единъ, но вся избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ; и Русь поидоша противу имъ. И Богъ великый вложи ужасть велику в Половцѣ, и страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица Русскыхъ вой, и дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ; наши же съ весельемъ на конѣхъ и пѣши поидоша къ нимъ. Половци же видѣвше устремленье Русское на ся, не доступивше побѣгоша предъ Русскими полки; наши же погнаша, сѣкуща я. Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику. И убиша ту в полку князий 20: Урусобу, Кчія, Аръсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря, и прочая князий ихъ; а Белдюзя яша. Посемъ же сѣдоша братья, побѣдивше врагы своя, и приведоша Белдюзя къ Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ и скотъ; Святополкъ же посла и къ Володимеру. И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: „то вѣдѣ яла вы рота; многажды бо ходивше ротѣ, воеваste Русскую землю; то чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не приступати роты, но проливаше кровь хрестьянску? да се буди кровь твоя на главѣ твоей“; и повелѣ убити и, тако расѣкоша и на уды. И посемъ сняшася братья вся, и рече Володимеръ: „сь день, иже створи Господь, възрадуемся и възвеселимся въ онь; яко Господь избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ, и покори врагы наша, и скруши главы змиевыя, и далъ еси сихъ брашно людемъ Русьскымъ“; взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблюды, и вѣже съ добыткомъ и съ челядью, и заяша Печенѣгы и Торкы съ вежами. И придоша в Русь съ полономъ великымъ, и съ славою и съ побѣдою великою. Семъ же лѣтѣ придоша прузи, августа въ 1 день. Того же мѣсяца въ 18 день иде Святополкъ, и сруби городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли Половци. Того же лѣта бися Ярославъ

съ Мордвою, мѣсяца марта въ 4 день, и побѣженъ бысть Ярославъ.

1104. Въ лѣто 6612. Ведена дщи володарева за царевичь за Олексиничь, Цесарюгороду, мѣсяца иулія въ 20. Томъ же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичь, августа в 21 день. Томъ же лѣтѣ приде митрополитъ Никифоръ в Русь, мѣсяца декабря въ 6 день. Того же мѣсяца преставися Вячеславъ Ярополчичь въ 13 день. Того же мѣсяца въ 18 Никифоръ митрополитъ на столѣ посаженъ. Се же скажемъ: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничтоже, и възвратишася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имѣ ему Брячиславъ. В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в кузѣ, а посредѣ круга крестъ, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; такоже знаменье и въ лунѣ тѣмъ же образомъ, мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, въ дне по 3 дни, а въ нощь въ лунѣ по 3 нощи.

1106. Въ лѣто 6614. Воеваша Половци около Зарѣчьска, и посла по нихъ Святополкъ Яня и Иванка Захарьича, Козарина; и угониша Половцѣ, и полонъ отъяша. В се же лѣто преставися Янь, старець добрый, живъ лѣто 90, въ старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужий бѣ первыхъ праведникъ, отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ отъ него же слышахъ; бѣ бо мужь благъ, и кротокъ, и смѣренъ, огребаяся всякоя вещи, его же и гробъ есть въ Печерьскомъ монастыри, въ притворѣ, идѣже лежить тѣло его положено мѣсяца иуня въ 24. Въ се же лѣто пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи, мѣсяця декабря въ 6. Въ то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ къ Святополку. Въ то же лѣто пострижеся Святославъ, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, мѣсяца ферваля въ 17 день. Томъ же лѣтѣ побѣдиша Зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящь.

1107. Въ лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. Въ се же лѣто преставися Володимеряя, мѣсяця мая въ 7 день. Того же мѣсяця воева Бонякъ и зая конѣ у Переяславля. Томъ же лѣтѣ приде Бонякъ, и Шаруканъ старый, и ини князи мнози, и сташа около Лубьна; Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на Половци къ Лубну, и въ 6 часъ дне бродишася чрезъ Сулу, и кликнуша на нихъ. Половци же ужасошася, отъ страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша; наши же почаша сѣчи, женущи я, а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече; отбѣгоша же товара своего, еже взяша Русскии вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратишася всвояси съ побѣдою великою. Святополкъ же приде въ Печерьскый манастырь на заутреню на Успенье святыя Богородица, и братья цѣловаша и съ радостью великою, глаголюще, яко врази наша побѣжени быша, молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего Ѳеодосья; такъ бо обычай имяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, толи поклонився у гроба Ѳеодосьева и молитву вземъ у игумена, ту сущаго, тоже идяше на путь свой. Въ то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря въ 4 день. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца того же, иде Володимеръ, и Давыдъ, Олегъ къ Аепѣ и другому Аепѣ, и створиша миръ; и поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь, Гиргеневу внуку, мѣсяца генваря 12 день.

1108. Въ лѣто 6616. Заложена бысть церкы святаго Михаила, Золотоверхая, Святополкомъ княземъ, въ 11 нулия мѣсяца; и кончаша тряпезницю Печерьскаго монастыря при Ѳеоктистѣ игуменѣ, иже ю и заложи повелѣньемъ Глѣбовымъ, иже ю и стяжа. Въ се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и въ Десню, и въ Припетѣ. Въ семъ же лѣтѣ вложи Богъ въ сердце Ѳеоктисту игумену Печерьскому, и нача възвѣ-

щати князю Святополку, дабы вписалъ Ѳеодосья въ сѣнаникъ; и радъ бывъ, обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати въ синодикъ; и повелѣ вписывати по всѣмъ епископьямъ, и вси же епископи съ радостью вписаша, и поминати и на всѣхъ соборѣхъ.

1110. Въ лѣто 6618. Идоша веспѣ на Половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ; и дошедше Воиня, и воротишася. Томъ же лѣтѣ бысть знаменье въ Печерьстѣмъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ отъ земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1 нощи; и миръ видѣ; сей же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Ѳеодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ акы ко востоку лицемъ, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненымъ, ово же пламенемъ; якоже рече Давыдъ: творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящь: и шлеми суть повелѣніемъ Божьимъ, аможе хощетъ Владыка и творець всѣхъ. Ангелъ бо приходить кдѣ благая мѣста и молитвенни домове, и ту показаеть нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти человѣкомъ; не мощно бо зрѣти человѣкомъ естьства ангельскаго, яко и Моисн великый не взможе видѣти ангельскаго естьства: водяшеть бо я въ день столбъ облаченъ, а въ нощи столпъ огненъ, то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше предъ ними въ нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть; на 2-е бо лѣто не сь ли ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты, якоже рече: ангелъ предъ тобою предъидеть, и паки: ангелъ твой буди съ тобою?

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость приятн, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святого Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ.

Матеріалы для изученія лѣтописи.

1. Источники лѣтописи.

Ф. А. Терновскаго.

Іоаннъ антіохійскій Малала (что значитъ въ переводѣ съ сирійскаго: риторъ) жилъ, должно полагать, въ VI вѣкѣ, при императорѣ Юстиніанѣ, царствованіемъ котораго заканчиваетъ свою лѣтопись, описывая послѣднія событія съ живымъ чувствомъ очевидца. Хронографъ Малалы въ XVIII книгахъ содержитъ въ себѣ всемірную исторію отъ Адама до 36 года царствованія Юстиніанова или до 563 г. нашей эры. Хронографъ безъ заключенія обрывается на половинѣ разсказа.

Малала, какъ видно, былъ широко образованъ и многосторонне знакомъ съ исторической литературою: онъ любитъ цитировать источники, которыми пользуется при своемъ повѣствованіи, мудрѣйшихъ хронографовъ: Африкана, Иринея, Домнина, Несторіана и т. д. Въ своихъ сужденіяхъ Малала отличается значительною терпимостью; онъ позволяетъ себѣ дѣлать добрые отзывы о языческихъ императорахъ, и даже о Юліанѣ не говоритъ худого слова, характеризуя его въ слѣдующихъ сдержанныхъ выраженіяхъ: „Онъ былъ извѣстенъ краснорѣчіемъ, но прозванъ отступникомъ за то, что, оставивъ ученіе своихъ предковъ христіанъ, сдѣлался эллиномъ. Былъ же другомъ и современникомъ Ливанія, знаменитаго софиста антіохійскаго“. Можемъ думать поэтому, что Малала едва ли былъ духовнымъ лицомъ и что, во всякомъ случаѣ, христіанство не подавило въ немъ любви къ классической литературѣ и древности; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей хроники (напр. при описаніи антіохійскаго землетрясенія въ кн. XVIII) Малала высказываетъ мысли и чувствованія, вполнѣ свойственныя вѣрующему христіанину.

Какъ антіохіанинъ, любящій свою родину, Малала съ особенно охотою любитъ рисовать портреты историческихъ

дѣятелей, обозначая вмѣстѣ физическія и нравственныя черты, которыми отличалась извѣстная личность. Вотъ, напр., портретъ Юстиніана I: „Юстиніанъ былъ съ виду приземистъ, съ крѣпкою грудью, съ красивымъ носомъ, былъ кудрявъ, круглолицъ, благообразенъ, лысоватъ, свѣжъ лицомъ, съ просѣдью на головѣ и бородѣ, великодушенъ, преданъ христіанству“. Эта особенность Малалы послужила причиною его важнаго значенія для иконографіи какъ греческой, такъ и русской. Другая особенность Малалы, стоящая въ связи съ первою, состоитъ въ томъ, что онъ всегда тщательно отмѣчаетъ, какой партіи въ циркѣ держался тотъ или другой византійскій императоръ.

Въ славянскомъ переводѣ Малала появился очень рано, именно при болгарскомъ князѣ Симеонѣ до 927 г. Древній славянскій переводчикъ, какъ видно, имѣлъ подъ руками гораздо болѣе полный списокъ Малалы, чѣмъ какимъ пользовались боннскіе издатели XI вѣка. Поэтому въ славянскомъ переводѣ мы встрѣчаемъ болѣе любимыхъ Малалою подробностей объ Антіохіи и о наружномъ видѣ историческихъ дѣятелей, чѣмъ въ греческомъ печатномъ текстѣ боннскаго изданія.

Въ составъ широко распространенныхъ на Руси компилятивныхъ хронографовъ вошли изъ Малалы слѣдующія выдержки касательно византійской исторіи: а) о царствованіи Юліана, б) о Іовіанѣ, в) о Маркіанѣ и Пульхеріи, г) о Львѣ великомъ, д) о Львѣ маломъ, е) о Зинонѣ, ж) объ Анастасіи Диррахатѣ, з) о царствованіи Юстина и паденіи Антіохіи, и) о царствованіи Юстиніана.

Въ византійской, а еще болѣе въ переводной древне-славянской письменности, видное мѣсто занимаетъ хроника Георгія Амартола. Составитель ея жилъ въ 1-й половинѣ IX вѣка и довелъ свое бытописаніе до 842 г., непосредственно за коимъ помѣчено: „до здѣ хроника Георгія“. О жизни Георгія лѣтописателя мы знаемъ мало. Только въ

одномъ мѣстѣ своей лѣтописи Георгій выступаетъ съ заявленіемъ, бросающимъ немного свѣта на его біографію.

Повѣствуя о монашествѣ IV в., Амартолъ говоритъ: „Особенно въ пустыняхъ патрійскихъ были мужи, жившіе и дѣйствовавшіе не по образу прочихъ людей, но посредствомъ вѣры имѣвшіе общеніе въ жизни и дѣятельности съ ангелами небесными. И я уже самъ лично видѣлъ таковое житіе, и говорю о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ сподобился быть общникомъ и сподвижникомъ". Отсюда заключаемъ, что Георгій былъ монахъ и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть своей жизни провелъ въ Египтѣ. Это подтверждается и общимъ монашескимъ міросозерцаніемъ его бытописанія и тѣмъ, что онъ повѣствуетъ о Египтѣ и Александріи, если не съ такимъ усиленнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ, какъ Малала объ Антіохіи, то во всякомъ случаѣ, съ большею подробностью, чѣмъ о какой нибудь другой греческой мѣстности, за исключеніемъ Константинополя. Въ надписанніяхъ хроники, сдѣланныхъ, быть можетъ, рукою современника, Георгій также называется монахомъ и даже архимандритомъ. Что же касается до прозванія Амартолъ (грѣшникъ), то должно думать, что это было не фамильное прозвище Георгія, а скорѣе эпитетъ, принятый имъ на себя изъ смиренія.

Переходимъ къ самой хроникѣ. Она раздѣляется на 4 книги, изъ коихъ только одна послѣдняя излагаетъ исторію византійской имперіи отъ Константина до Михаила (319—842) и, слѣдовательно, подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Для характеристики историческаго міросозерцанія Амартола весьма важно указать его отношеніе къ современной ему эпохѣ. Амартолъ жилъ въ эпоху иконоборства и относится къ ней самымъ живымъ и опредѣленнымъ образомъ, какъ защитникъ иконъ и монашества и какъ врагъ иконоборства. Тонъ его лѣтописи здѣсь рѣзкій, желчный, пристрастный, нерѣдко переходящій во тонъ панегирика или памфлета. Напр., перваго иконоборца императора Льва Исавра (716—741) Амартолъ

обзываетъ: „богоборцемъ, взбѣсившимся противъ правой и древней вѣры, лютѣйшимъ звѣремъ и худороднымъ мѣдникомъ, немилосерднымъ львомъ или дракономъ, всесквернымъ“. О сынѣ, преемникѣ Льва, Константинѣ (741—775) еще болѣе рѣзкіе отзывы. Вотъ извѣстіе о его воцаренiи (741): „Послѣ Льва Исавра царствовалъ сынъ его Константинъ Кавменъ 34 года, отъ страшнаго Льва происшедшій пестрообразный леопардъ, согласно съ словомъ пророка, говорящаго, что отъ сѣмени зміева происходятъ аспидъ и змій летающій и сущій отъ Дана антихристъ“. Льва армянина (813—820) Амартолъ называетъ „отступникомъ Сауломъ, обнаженнымъ отъ божественной благодати и преданнымъ злому духу, тираномъ, звѣронравнымъ, паче нежели звѣроименнымъ“ и т. д. Θеофила, послѣдняго иконоборнаго императора (829—842), Амартолъ называетъ „новымъ Валтасаромъ и отступникомъ, богонепавистникомъ и святыхъ иконъ обругателемъ и разрушителемъ и оскверненнымъ“. Поборники иконопечатанія, напротивъ того, ублажаются щедрыми похвалами. При Константинѣ и матери его Иринѣ, говоритъ Амартолъ, „благочестивый догматъ началъ съ дерзновеніемъ возглашаться и слово Божіе множилось и монастыри со всякою безбоязненностью и тщаніемъ возсозидались и возсіяло всякое церковное устроеніе“. О самой императрицѣ Иринѣ (803) Амартолъ отзывается такъ: „Она была весьма благочестива и любила добродѣтель, и устроила многія страннопріимницы и сиротопитательницы и монастыри, сдѣлала облегченіе податей и множество другихъ исправленій“. Хвалитъ Амартолъ и царицу Θеодору, „вѣрную и православную“, и сына ея Михаила, провозгасившихъ „издревле богоутвержденную, священную и правѣйшую вѣру“, и заканчивая свою лѣтопись описаніемъ торжества православія на константинопольскомъ соборѣ 842 г., кажется, склоненъ видѣть въ этомъ событіи не только завершеніе своего личнаго труда, но и общій результатъ, къ которому промыслъ Божій привелъ человѣчество путемъ многовѣковой исторической жизни.

Закончивъ свой трудъ эпохою иконоборства, которую, какъ очевидецъ и близкій свидѣтель, описываетъ сравнительно болѣе подробно, Амартолъ остается чуждъ тѣхъ воззрѣній, какими проникнуты были греки слѣдующаго поколѣнія, современники великаго раздѣленія церквей: онъ отзывается о Римѣ и папахъ съ почтеніемъ и сочувствіемъ, безъ малѣйшаго признака раздраженія, и даже сообщаетъ факты, которыми оправдываются позднѣйшія папскія притязанія. Эпоха иконоборства, хотя описываемая въ концѣ хроники, тѣмъ не менѣе служитъ исходнымъ пунктомъ для историческихъ воззрѣній Амартола и придаетъ всему бытописанію его извѣстную тенденціозность. Такъ вездѣ, гдѣ можно, Амартолъ старается исторически обосновать законность иконопочитанія, вездѣ является жаркимъ апологетомъ монашества и восхвалителемъ монашескихъ добродѣтелей. Приписывая устроеніе первыхъ монастырей евангелисту Марку, поставивъ монаховъ въ историческую связь съ ессеями, восхваляя высоту монашескаго житія и оправдывая монашескіе идеалы даже авторитетомъ языческихъ мудрецовъ, Амартолъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ, когда монашескія доблести возблистали даже передъ глазами язычниковъ.

Какъ монахъ по званію и убѣжденію, Амартолъ любитъ вращаться въ кругѣ идей, которыми аскетизмъ питается и поддерживается. Загробныя приключенія составляютъ любимую тему эпизодическихъ разсказовъ, вставленныхъ въ бытописаніе Амартола.

Элементъ чудеснаго далеко не чуждъ хроникѣ Амартола. Чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются разсказы о видѣніяхъ, знаменіяхъ и разнаго рода необыкновенныхъ событіяхъ, передаваемые съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность. Какъ будто въ изображеніи этихъ событій бытописатель полагаетъ свою прямую задачу, поставляя обыкновенный ходъ дѣлъ человѣческихъ ниже своего вниманія. Обиліе такихъ разсказовъ придаетъ всему бытописанію фантастическій и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный колоритъ; читая Амартола, мы

какъ бы прислушиваемся къ голосу человѣка, который на половину живетъ въ другомъ мірѣ.

Вотъ немногіе изъ многихъ разсказовъ о знаменіяхъ. Въ Іерусалимѣ (въ 166 г. до Р. Х.) „случилось, что передъ цѣлымъ городомъ въ теченіе почти 40 дней видимы были на воздухѣ вооруженные всадники въ златотканныхъ одѣяніяхъ и сшибки съ обѣихъ сторонъ, и движеніе оружій, и блистаніе золотыхъ уборовъ на бойцахъ, закованныхъ въ разнообразные доспѣхи; всѣ думали, что это знаменіе на добро, а оно предвѣщало злое нашествіе Антіохово“. Въ другое время (при Неронѣ), въ Іерусалимѣ же „явилась звѣзда надъ городомъ, подобная копью, и въ иное время восточная мѣдная дверь города, запираемая желѣзнокованными засовами и съ трудомъ отворяемая 30 мужами, около 8 часу найдена отворенною“.

По своему историческому міросозерцанію Амартолъ служилъ полнымъ первообразомъ подражавшаго ему Нестора и другихъ русскихъ лѣтописцевъ, которые были тоже, большею частію, монахи, проникнутые аскетическими идеалами, жившіе предчувствіемъ загробной жизни, видѣвшіе въ исторіи дѣйствіе двухъ силъ — Божьяго предопредѣленія и дьявольскихъ искушеній, охотно описывавшіе чудеса, видѣнья и знаменія съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность. Этимъ тождествомъ основныхъ воззрѣній объясняется и значительная аналогія, существующая, — какъ увидимъ, между хроникою Амартола и русскими бытописаніями.

Не маловажнымъ достоинствомъ лѣтописи Амартола служитъ то, что она легко и съ интересомъ читается. Этотъ интересъ поддерживается разсказами о чудесахъ, знаменіяхъ и загробныхъ приключеніяхъ, также и сообщеніемъ остроумныхъ изреченій и занимательныхъ анекдотовъ иногда и о неважныхъ предметахъ.

Благодаря занимательности разсказа или вслѣдствіе совпаденія историческаго міросозерцанія автора со вкусами читателей, а можетъ быть, и по случайнымъ обстоятельствамъ,

Амартолу посчастливилось и въ греческой, и славянской письменности.

Не говоря о значительномъ количествѣ греческихъ списковъ Амартола, которыхъ, по исчисленію Муральта, до нашего времени сохранилось 27, изъ Амартола главнымъ образомъ черпали другіе византійскіе историки, въ особенности Георгій Кедринъ, писавшій въ половинѣ XI вѣка, и Левъ Грамматикъ, писавшій въ началѣ XII вѣка. Еще болѣе посчастливилось Амартолу въ славянскомъ мірѣ. Прошло около ста лѣтъ отъ написанія подлинника, и въ новорожденной славянской письменности появились переводы Амартола сербскіе и болгарскіе, перешедшіе впослѣдствіи на Русь. Изъ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени славянскихъ переводовъ Амартола, кромѣ другихъ, заслуживаютъ упоминанія: характерный списокъ лѣтописи Георгія Амартола съ лицевыми изображеніями самого Георгія Амартола и современнаго ему греч. царя Михаила, хранящійся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры, и неизвѣстный доселѣ библіографамъ списокъ Амартола хранящійся на Аѳонѣ, въ Свято-Павловскомъ монастырѣ. Конечно, одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Амартола былъ подъ руками у нашего лѣтописца Нестора, и, быть можетъ, далъ ему идею о его историческомъ трудѣ, во всякомъ случаѣ, послужилъ ему первообразомъ. Но всего болѣе Амартолъ доходилъ до свѣдѣнія русскихъ читателей черезъ посредство многочисленныхъ хронографовъ. Въ хронографахъ различнаго состава различна степень и заимствованія изъ Амартола. Иные хронографы составлены исключительно по Амартолу; въ другихъ редакціяхъ есть вставка и изъ другихъ византійскихъ лѣтописцевъ, но во всякомъ случаѣ, Амартолу принадлежитъ первенствующее положеніе.

Несторъ самъ не скрываетъ своего источника, когда предъ началомъ выписки изъ Амартола о нравахъ разныхъ народовъ говоритъ: „глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи“. Сличеніе между Несторомъ и Амартоломъ съ несомнѣнною очевидностью даетъ намъ знать, что Несторомъ заимствованы

слѣд. мѣста изъ Амартола: 1) о нравахъ различныхъ народовъ — сирійцевъ, бактрійцевъ, халдеевъ, британцевъ, амазонокъ; 2) о раздѣленіи земли сыновьямъ Ноевымъ и о странахъ, доставшихся въ удѣлъ Симу, Хаму и Іафету; 3) о захватѣ потомками Хама чужого удѣла и объ изгнаніи ихъ оттуда; 4) объ Аполлоніи Тіанскомъ и о волшебныхъ дѣлахъ; 5) о зловѣщихъ знаменіяхъ предъ нашествіемъ Антіоха на Іерусалимъ.

Несторъ относился къ Амартолу не рабски, но совершенно свободно и какъ слѣдуетъ мыслящему человѣку. Видно, что онъ не разъ и не два прочелъ славянскій переводъ Амартола прежде, чѣмъ принялся за свою историческую работу. Самыя выписки изъ Амартола Несторъ дѣлаетъ съ большимъ толкомъ, съ яснымъ пониманіемъ цѣли, для которой дѣлается выписка, а иногда съ искусными дополненіями и обобщеніями. Такъ: 1) приведши изъ Амартола выписку о нравахъ разныхъ народовъ, Несторъ добавляетъ ее изображеніемъ обычаевъ половецкихъ и заканчиваетъ превосходнымъ указаніемъ на даруемый христіанствомъ высшій нравственный законъ, которымъ объединяются всѣ народности. „Мы же христіане, елико земль, иже вѣруютъ въ святую Троицу, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся“.

2) Сказаніе о раздѣленіи земли между сыновьями Ноевыми, находящееся у Амартола далеко не въ началѣ хроники, Несторъ выдвигаетъ впередъ, полагаетъ въ основу своего бытописанія, присоединяетъ отъ себя въ составъ удѣла Іафетова словѣнъ и затѣмъ легко и естественно переходитъ къ самостоятельному изложенію этнографіи и географіи Россіи и странъ сосѣдственныхъ. Такимъ образомъ, Несторъ пользуется сказаніемъ о раздѣленіи земли между сыновьями Ноевыми для того, чтобы сразу же связать исторію своей отечественной страны съ исторіею библейско-всемірной.

3) Заключеніе сказанія Амартолова о раздѣленіи земли, состоящее въ томъ, что потомки Хамовы завладѣли Палести-

ною, частью удѣла Симова, и, по повелѣнію Божію, были изгнаны оттуда,—Несторъ опускаетъ, предоставляя себѣ воспользоваться имъ впослѣдствіи. И дѣйствительно, пользуется при описаніи удѣльныхъ распрей, чтобы показать, что „не добро есть преступати предѣла чужего“.

4) Смерть Олега, свершившаяся, по преданію, согласно предсказанію кудесника, заставила Нестора призадуматься о причинахъ чародѣйской силы. И вотъ для разъясненія своихъ недоумѣній онъ выписываетъ изъ Амартола сказаніе о чудесахъ Аполлонія Тіанскаго и, кажется, остается доволенъ предлагаемымъ у Амартола объясненіемъ подобныхъ чудесъ. Объясненіе же, предлагаемое Амартоломъ, таково: „всѣ такія чудеса совершаются по попущенію діавольскому, дабы чрезъ нихъ искушалась наша православная вѣра, бодра ли она и крѣпко ли привержена къ Господу и не колеблется ли вражьими мечтательными чудесами и сатанинскими дѣлами, совершаемыми чрезъ рабовъ и служителей злобы“.

5) Необыкновенныя явленія въ природѣ, при началѣ удѣльнаго періода, побудили Нестора выбрать изъ 5 различныхъ мѣстъ хроники Амартола извѣстія о подобныхъ же знаменіяхъ и закончить сводъ этихъ извѣстій слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: „знаменья въ небеси, или звѣздахъ, ли солнцѣ, ли птицами, ли етеромъ чимь не на благо бываютъ; но знаменья сице на зло бываютъ, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ одномъ весьма важномъ пунктѣ—именно въ своихъ сужденіяхъ о пользѣ книгъ Несторъ не только не слѣдуетъ Амартолу, но стоитъ съ нимъ въ прямой противоположности. Амартолъ не благоволилъ къ книжной учености, какъ вселяющей духовную гордость. Несторъ, напротивъ, не находитъ словъ для восхваленія книгъ, кои суть „рѣки, напояющи вселенную, исходяща мудрости“ и т. д. для доказательства того, что „велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго“. Конечно, эта разница во взглядахъ зависѣла отъ различія положенія—грека Амартола, имѣвшаго

подъ руками литературу не только церковно-христіанскую, но и языческую и еретическую, и славянина Нестора, знакомаго съ книгами, какъ съ проводниками ученія божественнаго.

2) Составъ и характеръ лѣтописи.

М. Н. Сухомлинова.

Составъ лѣтописи обнаруживаетъ, что она не была дополненіемъ къ хронографу византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и большею частью краткихъ, незначительно въ сравненіи съ извѣстіями русскими, изложенными съ большими подробностями. Участіе византійскихъ образцовъ въ появленіи русской лѣтописи можетъ быть до нѣкоторой степени опредѣлено формою, въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтопись имѣетъ форму погоднаго разсказа: происшествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ византійскихъ, какъ, напримѣръ, въ хроникѣ Ѳеофана, писателя начала IX вѣка. Въ ней счетъ идетъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей римскаго и персидскаго и управленіе епископовъ: римскаго, константинопольскаго, іерусалимскаго, александрійскаго и антіохійскаго. Такая же форма господствуетъ и въ большей части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неописанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для внѣшняго порядка лѣтописей.

Внимательное чтеніе лѣтописи удостовѣряетъ въ томъ, что въ ней находится единство внутреннее и единство внѣш-

нее. Первое заключается въ духѣ, проникающемъ повѣствованіе, независимо отъ личныхъ усилій автора. Второе состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго самимъ лѣтописцемъ, какъ и всѣми вообще лѣтописцами, и сохраняемаго постоянно и настойчиво. Мы говоримъ о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись, остается непремѣнно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ этому служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Отсюда слѣдуетъ самое заключеніе и объ остальныхъ годахъ: значитъ и они выставлены были прежде, нежели понадобились для опредѣленія времени какого либо событія. Рядъ пустыхъ годовъ былъ вполнѣ у мѣста только на пасхальныхъ таблицахъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣлъ смыслъ по отношенію къ кругу церковныхъ праздниковъ. Такимъ образомъ, рядъ лѣтъ является древнѣйшею и существенною особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму. Первыми начатками лѣтописанія по данной формѣ должны быть признаны, безъ сомнѣнія, тѣ извѣстія, которыя отличаются отъ другихъ, во-первыхъ, сообщеніемъ событій наиболѣе древнихъ, во-вторыхъ—краткостью.

Обычай подробно описывать достойное замѣчанія образовался позднѣе: если изъ двухъ извѣстій одно заключается въ нѣсколькихъ словахъ, другое обставлено подробностями, то съ большею вѣроятностью можно допустить, что первое ближе къ своему начальному виду, нежели второе. Къ числу лѣтописныхъ замѣтокъ, представляющихся древнѣйшими какъ по формѣ, такъ и по точности, которая возможна только для времени самаго близкаго къ событію, принадлежатъ слѣдующія:

Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ. Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514. Въ лѣто 6515. Принесени святии (т. е. иконы) въ святую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518. Въ лѣто 6519. Преставися царица Володимеряя Анна.

Первоначальныя краткія замѣтки мало по малу увеличивались въ своемъ объемѣ.

Число событій, отмѣчаемыхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, постепенно возрастало; многія изъ нихъ описывались пространно; сверхъ того дѣлаемы были извлеченія изъ различныхъ сочиненій, явившихся независимо отъ лѣтописи.

Лѣтопись дѣлалась все сложнѣе и сложнѣе посредствомъ заимствованій изъ сочиненій, излагавшихъ тѣ же предметы, о которыхъ упоминалось подъ ея годами. Еще ранѣе XII вѣка были у насъ описанія жизни святыхъ, поученія пастырей, памятники законодательства, и т. п. Всѣ эти произведенія въ большей или меньшей степени послужили къ обогащенію лѣтописи, къ приданію ей внѣшней полноты и внутренняго значенія. Мѣста, заимствуемыя изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ разсказомъ. Такъ, въ замѣткѣ 6559 года: „постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина“, присоединена повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ Иларіона. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи, непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидяты на свою паству, помѣщено поученіе его—замѣчательный памятникъ русской словесности XI вѣка, и т. п. Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщили лѣтописи тотъ характеръ, въ которомъ является она въ древнѣйшихъ спискахъ. Разнообразіе, замѣчаемое въ ихъ составѣ, усвоило за ними названіе не лѣтописей собственно, а лѣтописныхъ сборниковъ. Изъ источниковъ, послужившихъ

къ составленію лѣтописи, главнѣйшими могутъ быть названы книги св. Писанія.

Книги св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнимое чтеніе нашихъ предковъ. Мысль и чувство, возвышающіяся надъ обыкновенными, облекались лѣтописцами въ слово божественныхъ писателей, въ образы библейскіе. Большею частью тексты являются сами собою, вызываемые предметомъ повѣствованія. Въ нашей лѣтописи приводятся мѣста изъ писаній ветхаго и новаго завѣта: изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давида, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ: Осіи, Амоса, Даніила, евангелія Іоанна, евангелія Луки, посланій апостола Павла. Особенно часто приводятся слова Соломона, то въ видѣ изреченій, вставленныхъ въ самый разсказъ, то въ пространной выпискѣ изъ книгъ притчей, какъ, напримѣръ, разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ. Такое же изобиліе мѣстъ изъ св. Писанія замѣчаемъ и у другихъ лѣтописцевъ европейскихъ, отъ Георгія Амартола до Георгія Турскаго.

Вліяніе Палеи на нашу лѣтопись также несомнѣнно. Подъ именемъ Палеи, какъ особеннаго сочиненія, извѣстно въ славянскихъ рукописяхъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ и съ толкованіями. Это изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ іудеевъ и отчасти противъ магометанъ. Изъ ветхаго завѣта вошли въ Палею, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, книги: Моисея, Іисуса Навина, Судей, Руѳь и Царствъ. За повѣствованіемъ о Давидѣ помѣщено собраніе его пророчествъ. Большая часть лѣтописныхъ извѣстій подъ 6494 годомъ — о предложеніи вѣръ Владиміру—находятся и въ Палеѣ. Отзывъ греческаго миссіонера о вѣрѣ болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемическими выходками Палеи противъ магометанства. За указаніемъ разности ученія магометанъ, папистовъ и іудеевъ помѣщена въ лѣтописи проповѣдь греческаго миссіонера, въ которой съ особенною подробностью излагается ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана

библейская, но внесено много такого, о чемъ не упоминается въ св. Писаніи. Когда убитъ былъ Авель, говоритъ лѣтопись, то Адамъ и Ева, впервые увидѣвшіе смерть, не знали, что дѣлать съ мертвымъ тѣломъ сына, пока не прилетѣли двѣ птицы, изъ которыхъ одна умерла, а другая вырыла яму и положила въ нее умершую; увидѣвъ это, Адамъ и Ева выкопали яму и погребли Авеля. Аранъ, братъ Авраама, погибъ въ пламени, бросившись за идолами: это былъ первый сынъ, умершій прежде отца, и съ тѣхъ поръ начали умирать сыновья прежде отцовъ и т. п. Несходство лѣтописныхъ извѣстій съ Библіею объясняется посредствомъ Палеи: въ ней встрѣчается большая часть добавленій лѣтописи сравнительно съ Библіею.

Въ нашей лѣтописи подъ 898 годомъ говорится о нашествіи угровъ и войнѣ съ моравами и чехами, принадлежащими къ имени славянскому. Для славянъ-то, прибавляетъ лѣтописецъ, переведены были св. книги, отчего и грамота прозвалась славянская, употребляемая теперь въ Россіи и въ Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтопись сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ: говоритъ о призывѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи азбуки о гоненіи на святыхъ братьевъ и, наконецъ, о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія свои о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпалъ преимущественно изъ такъ называемыхъ Паннонскихъ жизнеописаній. Самый богатый источникъ для знакомства съ судьбою Кирилла и Меѳодія заключается въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по-славянски въ Панноніи. Полагаютъ, что житіе св. Кирилла писано ученикомъ его Климентомъ, епископомъ болгарскимъ. Житіе св. Меѳодія признается столь же древнимъ памятникомъ, явившимся въ той же странѣ. Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ Паноннскими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другого какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заклю-

чается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ однихъ мысляхъ, но въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ иныя удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи.

Разсмотрѣвши заимствованія, находящіяся въ древней лѣтописи, переходимъ къ ея содержанію самостоятельному.

Особенности древней лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, могутъ быть наблюдаемы въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ самомъ содержаніи лѣтописи, въ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ она составлена; во-вторыхъ, въ способѣ сообщенія данныхъ, излагаемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ.

Главный предметъ лѣтописи ясно указанъ первыми ея словами: „Се повѣсть времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, и кто въ ней нача первое княжити“. Такъ читается начало лѣтописи въ большей части списковъ. Судьба русской земли разсказывалась во множествѣ событій, и выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для внесенія въ лѣтопись зависѣлъ отъ личной цѣли и взгляда лѣтописца.

Передъ изложеніемъ происшествій собственно русскихъ Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ русскому народу славянахъ: моравахъ, чехахъ, сербахъ и др.; затѣмъ о племенахъ, вошедшихъ уже въ Несторово время, въ составъ народа русскаго: полякахъ, древлянахъ, новгородцахъ и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя перваго русскаго князя, судьба потомковъ котораго сливается съ судьбою русскаго народа. Преданіе о призывѣ первыхъ князей сообщено съ большею точностью, безъ всякихъ украшеній, съ коими являются древнія преданія у большей части лѣтописцевъ. Извѣстія о послѣдующихъ князьяхъ сообщаются также съ точностью, которая возрастаетъ, по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отмѣчены преимущественно его походы; двигаясь къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ древ-

лянъ, сѣверянъ, радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностью, при чемъ приведенъ и пространный договоръ съ греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на грековъ и договоръ съ ними и о войнѣ Игоря съ древлянами. Вся исторія Святослава есть исторія походовъ на хозаръ, ясовъ, печенѣговъ, грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ. По смерти Святослава описываются междоусобія сыновей его Ярополка, Олега, Владиміра. Большая часть извѣстій о княженіи Ярослава состоитъ изъ описаній войны этого князя съ Святополкомъ и съ ляхами и печенѣгами, призванными Святополкомъ; борьбы Ярослава съ Брячиславомъ, внукомъ Владимировымъ, и Мстиславомъ; единоборства Мстислава съ княземъ Касожскимъ; походовъ Ярослава на ятвяговъ, Литву, мазовшанъ, и т. п. Подъ 1016 годомъ упоминается впервые о нашествіи половцевъ на Русь; подъ 1067 годомъ говорится весьма подробно о набѣгахъ половецкихъ и приводится поученіе Ѳеодосія, объясняющее причину несчастія, постигшаго русскую землю. Начиная съ 1061 г. по 1110 г., почти при половинѣ годовъ, находятся извѣстія о половцахъ, то въ видѣ краткихъ замѣтокъ, то въ видѣ описаній довольно пространныхъ, каковы помѣщены подъ 1093, 1095, 1096, 1103, 1107 годами. Описаніе несчастныхъ слѣдствій борьбы съ непріятелями идетъ рядомъ съ описаніемъ раздоровъ княжескихъ, которыхъ самая полная, вѣрная и печальная картина представлена въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька.

Вѣрно изображая дѣйствительность, лѣтопись Нестора была бы самою грустною повѣстью, если бы не передавала другой, свѣтлой стороны жизни того времени. Эта свѣтлая сторона—вѣра, двигавшая умомъ и чувствомъ Нестора, какъ и лучшей части его современниковъ. Самыя бѣдствія получали другой смыслъ въ воззрѣніи религіозномъ.. Страданія, понесенныя во имя вѣры, представлялись не несчастіемъ, не паденіемъ, а побѣдою духа надъ силою внѣшнею, залогомъ

будущаго блаженства. Примѣры подвиговъ вѣры дѣйствуютъ благотворно, а потому описаніе ихъ не могло не имѣть высокаго значенія для лѣтописца, не могло не найти мѣста въ его трудѣ, посвященномъ замѣчательнымъ событіямъ родины. Разсказъ о борьбѣ князей между собою и съ чужеземцами соединяется въ лѣтописи со сказаніемъ о борьбѣ внутренней, выдержанной подвижниками противъ враговъ ихъ душевнаго блага, силившихся поколебать ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ находится первое подобное сказаніе о варягѣ и его сынѣ: они погибли за то, что остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ самомъ обширномъ объемѣ излагаетъ лѣтописецъ княженіе Владиміра, утвердившаго христіанство въ русской землѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ Владиміра можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи, подвиги его изображены съ наибольшею подробностью и живымъ сочувствіемъ. Описывая дѣйствія Владиміра, его отношенія къ новообращенному народу, лѣтописецъ не забываетъ и предметовъ внѣ области вѣры, имѣвшихъ привлекательность для современнаго Владиміру русскаго общества, описываетъ и пиры съ дружиною, сохранившею обычаи старины, и схватки съ врагами, вызывавшими русскихъ удальцевъ перевѣдаться съ ними силою. Будучи истиннымъ и ревностнымъ христіаниномъ, Несторъ вмѣстѣ съ тѣмъ писатель народный; общее не заглушаетъ въ немъ частнаго, народнаго: онъ постоянно удерживаетъ двойственный характеръ христіанина и русскаго писателя XI вѣка. Дѣйствія силы высшей всего скорѣе обнаруживались въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу; поэтому сооруженіе церкви считалось важнымъ событіемъ и тщательно отмѣчалось какъ нашими лѣтописцами, такъ и западно европейскими. Мѣстомъ священнымъ почитаемы были также монастыри. Подобно другимъ европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи церквей и учрежденіи монастырей. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ княженіе Ярослава, по словамъ лѣтописца, было то, что при немъ „нача вѣра христіанская и плодишися и

расширяти и черноризьцы начаша множитися, и манастыреви починаху быти".

Въ повѣствованіи о крещеніи Владиміра и всей земли русской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору „Житія блаженнаго Володимера". Оно съ вѣроятностью можетъ быть приписано монаху Іакову, русскому писателю XI вѣка. Отдѣльнымъ эпизодомъ, вставленнымъ въ лѣтопись, является житіе святыхъ Бориса и Глѣба.

Въ лѣтописи подъ 6575 (въ иныхъ спискахъ подъ 6576) и 6582 годами приводятся мѣста изъ поученій преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго (1074). Описаніе событій перваго года начинается такъ: на русскую землю пришли иноплеменники половцы, Изяславъ же, Святославъ и Всеволодъ выступили противъ враговъ на Альту; но по грѣхамъ нашимъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, попустилъ Богъ поганыхъ: русскіе князья бѣжали, а половцы побѣдили. Вслѣдъ за этими словами приводится поученіе Ѳеодосія о причинахъ, по которымъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплеменниковъ. Поученіе передается почти дословно, что дѣлается очевиднымъ при сравненіи его съ текстомъ лѣтописи.

Въ числѣ событій, описанныхъ подъ 6605 (1097) годомъ, главное мѣсто занимаетъ ослѣпленіе князя Василька Ростиславича. При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій, лѣтописецъ пользовался письменнымъ разсказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ. Лѣтописецъ руководствовался своимъ источникомъ не вполнѣ, передавая по своему его содержаніе.

Лѣтописцы наши пользовались византійскими источниками: на это указываетъ и составъ лѣтописей, и собственныя слова лѣтописцевъ, означавшихъ иногда, откуда почерпнуто имъ то или другое свѣдѣніе. Между византійскими хронистами всѣхъ ближе во многихъ отношеніяхъ къ нашимъ лѣтописцамъ Георгій Амартолъ. Въ древней лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники, по разнымъ поводамъ

изъ различныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Составляя хронику, Георгій Амартолъ имѣлъ опредѣленную цѣль и придалъ труду своему опредѣленное направленіе, которыя ясно выражаются въ предисловіи. Авторъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашеской жизни, борьбу истинной вѣры съ злою ересью иконоборческою и другими ересями. Дѣйствительно во всей хроникѣ главнымъ предметомъ являются судьбы вѣры и церкви, торжество православія надъ еретиками. Преобладающая мысль сочиненія высказывается съ большею или меньшею силою, сообразно съ свойствомъ описываемыхъ предметовъ. Хроника начинается кратким обзоромъ замѣчательнѣйшихъ лицъ древняго міра, частью историческихъ, частью миѳическихъ. Потомъ излагается исторія библейская, исторія вавилонскаго царства, исторія римской монархіи въ періодъ языческій и, наконецъ, исторія византійскаго государства до смерти царя Михаила. Слѣдовательно, Амартолъ писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 года, къ которымъ принадлежатъ и походы руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями. Судьба христіанской церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартолъ при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго.

Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій упрочившихъ спокойствіе церкви, а съ другой стороны, описаніе ересей, усилія лжеучителей разрушить единство церкви и положить предѣлъ распространенію истинной вѣры. Возмущенія, произведенныя иконоборцами, изложены съ особенной подробностью и энергіей. Обличая ложность началъ, руководившихъ изступленными еретиками, Амартолъ расточаетъ укоризны ихъ представителямъ и защитникамъ. Такое же мѣсто занимаютъ при описаніи другихъ царствованій подвиги святыхъ и учителей церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершенныхъ ими.

Вмѣстѣ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ, Амартолъ описываетъ и вещи просто диковинныя. Такъ онъ разсказываетъ о фокусникѣ, который отбиралъ кольца у зрителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываетъ, что иныя заимствованія изложены лѣтописцемъ въ сокращеніи и отчасти своими словами, другія же выписаны почти дословно.

На Меѳодія Патарскаго ссылается лѣтописецъ нашъ при разсказѣ о нашествіи половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтопись, пришли изъ пустыни Етривской. Меѳодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убѣжало въ пустыню, и по сихъ 8 колѣнъ въ кончинѣ вѣка выйдетъ нечистое племя, заключенное Александромъ Македонскимъ. Отрокъ Гюряты новогородца узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ, „зайдучи луку моря“, въ которыхъ вѣчный крикъ и говоръ, и люди сѣкутъ гору, „хотяще высѣчися“. Это и есть люди, заключенные Александромъ Македонскимъ. Затѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненій того же Меѳодія. Упоминаемый въ лѣтописи авторъ Меѳодій Патарскій, былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ малоазіатской области Ликіи, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ, наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклитіана около 311 года.

Сверхъ всего этого, въ лѣтопись вводились иногда оффиціальные документы, какъ договоры. По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ, подъ 912 г. договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его Константиномъ и Стефаномъ; подъ 971 годомъ — договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживаются вѣкъ и образованность лѣтописца, а въ цѣли заимствованій искусство его, какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣча-

тельно подчиненіе всего вноснаго главной мысли повѣствованія. Извлеченіями изъ разныхъ источниковъ объясняются тѣ явленія въ русскомъ мірѣ, которыя по своей важности или по своей необычайности нуждались въ объясненіи для людей мыслящихъ, не вовсе равнодушныхъ къ причинамъ событій. Между источниками первое мѣсто занимаютъ книги св. Писанія. Затѣмъ сами собою представлялись вниманію лѣтописца произведенія его соотечественниковъ, родныя ему по слову и по духу. Въ связи съ памятниками русскими находятся памятники литературы византійской, чрезъ посредство которой русское общество ознакомилось съ идеями христіанскими. Въ способѣ пользоваться источниками какъ отечественными, такъ и иностранными, замѣтны единство, одинаковость пріемовъ: лѣтописецъ обыкновенно не выписываетъ свидѣтельства своего источника дословно во всемъ его объемѣ, а приводитъ изъ него извлеченія, связывая его съ главнымъ предметомъ повѣствованія...

Передавая различныя событія, лѣтописецъ сообщаетъ свѣдѣнія о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ. Извѣстія о лицахъ состоятъ обыкновенно изъ замѣтокъ о годѣ ихъ рожденія, описанія ихъ дѣйствій, преимущественно военныхъ, и изъ упоминанія о годѣ смерти и мѣстѣ погребенія. За извѣстіемъ о смерти часто слѣдуютъ отзывы, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ и, несмотря на всю краткость, ясно указываютъ различіе между упоминаемыми лицами. О князѣ Ростиславѣ († 1065) лѣтописецъ говоритъ: „Бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратенъ, взрастомъ же лѣтъ и красенъ лицемъ и милостивъ убогымъ“. О Глѣбѣ († 1078): „бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогымъ, и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ“.

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о замѣчательныхъ происшествіяхъ и о личныхъ свойствахъ князей и другихъ общественныхъ дѣятелей, лѣтопись сообщаетъ и нѣкоторыя черты быта вну-

тренняго: говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ общества, о правахъ, обычаяхъ и понятіяхъ большинства людей съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Эти черты разсѣяны по разнымъ мѣстамъ лѣтописи. Въ завѣщаніи Ярослава видно господство семейнаго начала въ древне-русскомъ княжескомъ бытѣ. Умирающій Ярославъ говоритъ своимъ дѣтямъ: „Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единаго отца и матере. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покоритъ вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся, то погибнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ себѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто, а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду — Переяславль“. и т. д. О любознательности Ярослава и мѣрахъ къ распространенію образованія свидѣтельствуютъ слѣдующія слова лѣтописи: „И бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на славянское письмо, и списаша книгы и многы списка ими же поучающеся вѣрнии людье, наслаждаются ученья божественнаго“.

Отъ содержанія древней русской лѣтописи, въ которое вошли довольно разнообразные предметы, обращаемся къ способу изложенія этихъ предметовъ.

Не смотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе коего сопостовлялись происшествія, лишенныя внутренней связи между собою, не смотря на краткость и какъ бы случайность разныхъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе изъ безцвѣт-

ныхъ описаній: она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человѣкомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои понятія и чувства, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности. Понятія его выражаются въ указаніи причинъ происшествій и преимущественно въ объясненіи ихъ, какъ въ одной изъ самыхъ яркихъ особенностей нашей древней лѣтописи. Въ большей части приводимыхъ причинъ лѣтописецъ остался вѣренъ общему мнѣнію и духу вѣка, не стараясь толковать событія произвольно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда молва народа не могла удовлетворить человѣка начитаннаго и разсудительнаго, лѣтописецъ, указывая ея неосновательность, выражаетъ свое мнѣніе, основанное на свидѣтельствахъ вполнѣ достовѣрныхъ.

При сужденіи о причинѣ событій, указываемой въ лѣтописи, необходимо держаться исторической точки зрѣнія. То, что намъ кажется маловажнымъ, для предковъ нашихъ имѣло совершенно другое значеніе, вслѣдствіе различныхъ условій ихъ быта, съ коими находится въ связи тотъ или другой взглядъ на вещи. Высшею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствію небесной силы.

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и небѣ происходятъ не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою человѣка: напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ человѣческихъ. Такая вѣра въ родство человѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является человѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными нуждами, — есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями лѣтописи.

Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра оживляла многія поколѣнія, къ ряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе, современное нашему лѣтописцу. Простымъ и необходимымъ явленіемъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что показываетъ самое названіе: знаменіе — явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое. „Знаменія бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро“, говоритъ лѣтописецъ. Въ знаменіяхъ искали пророческаго смысла всѣ: и простолюдины, и люди высшаго сословія, даже духовенство; лѣтописецъ также принимаетъ общее мнѣніе, какъ видно и изъ собственныхъ словъ его о причинѣ знаменій и изъ одобрительнаго отзыва о людяхъ, прибѣгающихъ къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы Онъ явленія небесныя обратилъ на добро. Но не все то, чему въ простотѣ сердца вѣрили массы, признавалъ за достовѣрное и лѣтописецъ. Когда случались солнечныя затменія, народъ говорилъ, что солнце съѣдено; такъ думали во времена Нестора. Отголосокъ того же мнѣнія сохраняется и доселѣ въ устахъ народа. Лѣтописецъ отвергаетъ толки народа, называя „невѣголосыми“ тѣхъ, которые думаютъ, что солнце съѣдается. Въ самомъ же затменіи лѣтописецъ допускаетъ связь съ событіями земными, коимъ будто бы служитъ оно предзнаменованіемъ...

Мысль о событіяхъ выражается въ лѣтописи не въ отвлеченной формѣ, а въ живой связи съ повѣствованіемъ. Лѣтописецъ высказываетъ мнѣніе о томъ, что близко его душѣ, что имѣло вліяніе на судьбу русской земли, а потому мысли его исполнены одушевленія, соединяясь съ чувствами, вызванными тѣми же предметами, о коихъ излагаетъ онъ свое мнѣніе. Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніи, вставляемомъ въ разсказѣ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: „Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову мняше одолѣвше, а землѣ Русьскѣ много зло створиша, проливше кровь хрестьянску, ея же крове взыщетъ Богъ отъ руку его, и отвѣтъ дати има за погубленье душа хрестьянь-

скы". Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему встрѣчаются при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига. Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага русской земли, для улучшенія ея состоянія нравственнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ русскихъ, вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія. Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава, его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣнимы лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго. Доводы его проникнуты живымъ чувствомъ, которое выражается и въ превосходномъ сравненіи заслугъ Владиміра и Ярослава. Общественное благо потрясаемо было набѣгами варяжскими и междоусобіями князей; описаніе и тѣхъ и другихъ несчастій сопровождается изліяніемъ горестнаго чувства. Половцы пришли на землю русскую, и на Руси открылась печальная картина: „Ови ведуться полонени; друзіи посѣкаемы бываютъ; друзіи на месть даемы бываютъ, горкую смерть приемлюще; друзии трепечуть; зряще убиваемыхъ; друзии гладомъ уморяеми и водною жажею". Внутреннія смуты также печалили мыслящаго лѣтописца. Согласіе между братьями лѣтописецъ признаетъ залогомъ счастія русской земли и, по поводу братолюбія Изяслава, доказываетъ необходимость любви. Описываетъ ли подвиги своихъ соотечественниковъ, говоритъ ли о чужеземцахъ, Несторъ не увлекается ни слѣпою любовью, ни безпощадною ненавистью. Чувства его не безотчетны; они основываются на вѣрномъ взглядѣ на вещи; похвалы и порицанія находятъ положительное подтвержденіе въ самомъ повѣствованіи. Безпристрастіе и преобладаніе мысли, сдерживающей увлеченія чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества Нестора. Они выразились всюду, гдѣ можетъ быть наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывахъ объ историческихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его разсказѣ вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается въ ровности изложенія: у него нѣтъ порывовъ и витіеватыхъ отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ украшеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ, но зато она исполнена внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и ихъ сказано не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для яснаго и точнаго выраженія мысли. Описанія сраженій и побѣдъ, нечаянной смерти и т. п. особенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотливыхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвящаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, господствуютъ ровность и простота изложенія. Къ нѣкоторымъ событіямъ лѣтописецъ питалъ особенное сочувствіе, и оно выразилось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій.

Бѣдствія, постигшія землю съ нашествіемъ половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ; но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чувство читателя скорѣе самыхъ затѣйливыхъ описаній.

3. Значеніе Поученія Владиміра Мономаха.

С. Протопопова.

Въ Мономаховомъ Поученіи можно замѣтить три главныя мысли, которыя авторъ старается развивать, имѣя въ виду начертать правила поведенія человѣка христіанина вообще и князя-христіанина въ особенности. Первая и самая главная мысль опредѣляетъ отношеніе человѣка къ Богу; вторая касается отношенія между властью и подданными; третья мысль указываетъ на отношеніе человѣка къ самому себѣ и опредѣляетъ взаимныя отношенія между людьми. Общій составъ и порядокъ Поученія можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: въ началѣ описывается случай, подавшій поводъ къ написанію Поученія. Самое Поученіе начинается выписками

изъ Псалтыри, за коими слѣдуютъ размышленія о величіи Божіемъ, далѣе общія нравственныя наставленія, потомъ особыя наставленія, обращенныя именно къ дѣтямъ, касательно образа дѣйствій на войнѣ, во время мирныхъ отношеній съ сосѣдями, при исправленіи обязанностей судьи, въ домашнемъ быту, между своими братьями-князьями. Наконецъ, слѣдуетъ автобіографія Мономаха, въ которой находится много новыхъ обстоятельствъ, умолченныхъ лѣтописями, а главное представляется общее изображеніе княжеской жизни того времени, домашнія занятія, хозяйственныя распоряженія, безпрерывныя путешествія изъ города въ городъ по всѣмъ областямъ, составлявшимъ то или другое княжество.

Мысль Мономаха — по возможности опредѣлить отношеніе человѣка къ Богу, мысль, весьма важная для того времени, когда Русь только что приняла христіанство, только что начала сознавать себя подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ понятій. Во времена господства язычества отношенія человѣка къ божеству обыкновенно бываютъ слишкомъ внѣшни, формальны: человѣкъ даже и не предполагаетъ тогда возможности какихъ либо иныхъ, болѣе внутреннихъ, сердечныхъ отношеній къ божеству. Язычество вообще характеризуется, какъ натурализмъ: язычникъ обоготворяетъ внѣшнюю природу и ея явленія. Не подозрѣвая существованія неизмѣнныхъ законовъ, которыми управляется природа, язычникъ предполагаетъ такія же произвольныя желанія, какія онъ сознаетъ въ себѣ. Но въ тоже время онъ представляетъ природу, съ одной стороны, могучею и властною, а потому боится ея и спѣшитъ умилостивить чисто внѣшнимъ образомъ—жертвами; но, съ другой стороны, въ его умѣ возникаетъ мысль о возможности покорить, подчинить себѣ эту природу. Разумѣется, не всякій человѣкъ имѣетъ силу покорять природу: такую силу, по мнѣнію народа, имѣютъ только чародѣи, люди вѣщіе, знающіе. Такое внѣшнее, формальное отношеніе къ божеству, по которому человѣкъ то униженно склонялся передъ природою, то сознавалъ себя надъ нею

могущественнымъ царемъ, передъ магическимъ словомъ котораго она должна преклоняться, еще болѣе усилилось въ русскомъ язычествѣ съ того времени, какъ въ немъ стала развиваться идея рока, судьбы. Въ русскомъ язычествѣ совершенно отсутствовала нравственная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Одни люди являлись любимцами боговъ—„богатыми“; другіе „убогими“—слово, означающее отверженцевъ боговъ. Чтобы восполнить бездну, оставленную отсутствіемъ нравственнаго содержанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, язычество и создало идею судьбы (рока), которая должна опредѣлять ходъ человѣческой жизни. Эту судьбу прежде соединяли съ непосредственнымъ вліяніемъ звѣздъ и планетъ; впослѣдствіи звѣзды превратились въ „рожениць“ или дѣвъ судьбы, которыя опредѣляютъ будущее.

Съ принятіемъ на Руси христіанства, явилась нужда опредѣлить отношеніе человѣка къ божеству, основанное на христіанскихъ началахъ, явилась необходимость разъяснять новымъ христіанамъ, что Богъ есть живое, дѣятельное, полное безконечной любви къ міру Существо, которое, въ свою очередь, требуетъ не пустого, формальнаго отношенія къ нему, а внутренней, живой, чистосердечной любви и безпредѣльной преданности его волѣ. Еще до Мономаха были люди, которые старались проводить въ среду тогдашняго общества такую мысль. Такъ, митрополитъ Иларіонъ (1051—1054) въ извѣстномъ своемъ словѣ о законѣ и благодати, старается изъ догмата о двухъ естествахъ во Христѣ—Божескомъ и человѣческомъ—вывести идею о необходимости для христіанина внутренняго сердечнаго общенія съ Божествомъ. Эта же мысль сквозитъ въ той части его слова, гдѣ онъ говоритъ о достоинствѣ христіанской религіи сравнительно съ язычествомъ. „Взыщемъ Бога рыданіемъ, слезами, пощеніемъ, бдѣніемъ, покореніемъ же и послушаніемъ“, говоритъ преп. Ѳеодосій Печерскій въ одномъ изъ своихъ поученій, желая провести ту же мысль. Кромѣ Иларіона и Ѳеодосія, мысль о необходимости духовнаго отношенія человѣка къ Богу про-

водилась и еще нѣкоторыми проповѣдниками, жившими до Владиміра Мономаха; но при всемъ томъ приходится сознаться, что русская проповѣдь того времени слишкомъ мало обращала вниманія на этотъ важный вопросъ. Потому ли, что сами русскіе проповѣдники смутно и неясно понимали его, или по другимъ какимъ либо причинамъ, только они главнымъ образомъ направляли свою проповѣдь съ обличеніемъ противъ пороковъ, сильно развитыхъ въ обществѣ, или же призывали вѣрующихъ къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ благочестія, какъ то: къ соблюденію постовъ, посѣщенію храмовъ и т. д., а о томъ, какъ христіанинъ долженъ относиться къ Богу, они упоминали только изрѣдка, вскользь. Первую, болѣе или менѣе удовлетворительную попытку къ рѣшенію этого важнаго вопроса встрѣчаемъ мы въ Поученіи Владиміра Мономаха. Мы называемъ эту попытку Мономаха въ томъ смыслѣ удовлетворительною, что она рѣшаетъ указанный вопросъ не теоретически-отвлеченно, какъ напримѣръ, у Иларіона, и потому едва ли понятно для большинства, а практически, наглядно, примѣнительно къ непосредственному сознанію простыхъ, неразвитыхъ русскихъ людей той эпохи. Мономаха можно включить въ число тѣхъ немногихъ русскихъ людей своего времени, которые правильнѣе и чище остального общества понимали сущность христіанской религіи. Это особенно видно изъ того, что христіанство Владиміра Мономаха было не обрядовое, а дѣятельное. Отъ совѣта о поклонахъ и молитвѣ онъ переходитъ къ дѣламъ милосердія и правды — и говоритъ: „всего же паче убогихъ не забывайте“. Человѣкъ съ такими истинно-христіанскими понятіями не могъ не замѣтить, въ чемъ особенно нуждается современное ему общество, не могъ не понять, что это общество совсѣмъ не знаетъ свойствъ христіанскаго Бога, отчего отношенія человѣка къ Божеству являются внѣшними, а не живыми, полными любви и преданности. Вотъ почему Мономахъ такъ обстоятельно посвящаетъ первую часть своего Поученія разъясненію внутренняго смысла и

значенія христіанской религіи, дѣлая все это не въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ религіозныхъ предписаній и нравственныхъ наставленій.

Въ той части своего Поученія, въ которой Мономахъ обращается къ своимъ дѣтямъ, какъ князьямъ, правителямъ ввѣреннаго имъ народа, онъ имѣетъ въ виду опредѣлить отношеніе власти къ подданымъ. Владиміръ Мономахъ былъ прекраснымъ государемъ и тѣмъ не безъ причины заслужилъ искреннюю любовь народа, которою онъ такъ славенъ въ древней исторіи Руси. Такой достойный государь очень хорошо понималъ, что требуется отъ князя для того, чтобы народъ былъ счастливъ. Это, прежде всего, постоянная заботливость и неусыпный надзоръ за строгимъ и безкорыстнымъ исполненіемъ правосудія. Въ своемъ поученіи Мономахъ даже требуетъ отъ дѣтей-князей по возможности личнаго исправленія обязанности судьи,—„вдовцу оправдите сами“, говоритъ онъ, чтобы тѣмъ самымъ было больше истиннаго правосудія, такъ какъ, по его же словамъ, нельзя было надѣяться на честность посадниковъ и бирючей.

Владиміръ Мономахъ, какъ лучшій человѣкъ своего времени, хорошо понималъ всю безнравственность несоблюденія данныхъ обязательствъ и глубоко скорбѣлъ при видѣ этой язвы тогдашняго общества. Весьма трогательно онъ умоляетъ своихъ дѣтей не клясться и не творить крестнаго цѣлованія, если они не имѣютъ въ виду соблюсти клятвеннаго обѣщанія. „Не клянитеся Богомъ, ни хреститеся“, говоритъ онъ, „нѣту бо ти нужа никоея же; аще ли вы будете крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте и цѣловавше блюдѣте, да не преступни погубите душѣ своей“. Соблюденіе крестнаго цѣлованія особенно было важно среди княжескихъ политическихъ отношеній, такъ какъ оно, въ большинствѣ случаевъ, обезпечивало миръ страны и спокойное состояніе гражданъ, постоянно страдавшихъ отъ внутреннихъ усобицъ; а между тѣмъ князья-то и нарушали глав-

нымъ образомъ крестное цѣлованіе, данное другъ другу въ обезпеченіе неприкосновенности ихъ взаимныхъ мирныхъ отношеній. Такъ извѣстенъ случай, бывшій съ великимъ княземъ Святополкомъ.

Требуя отъ дѣтей-князей, по возможности, личнаго производства суда надъ своими подданными, съ цѣлью лучшаго соблюденія правды въ отношеніи къ нимъ, Мономахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботился и о милости при произнесеніи приговора суда надъ преступникомъ: „Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убивати его“, говоритъ онъ.

Удерживая судей отъ смертныхъ приговоровъ, Владиміръ Мономахъ не столько, можетъ быть, боялся въ смертной казни проявленія невыносимаго для него духа мести, сколько страшился загубить душу преступника, котораго продолжалъ считать христіаниномъ, такъ какъ послѣдній черезъ скорую смерть лишался времени, необходимаго для исправленія и покаянія. „Аще будетъ повиненъ въ смерти и тогда душа не погубляете никакая же хрестьяны“, говоритъ Мономахъ. Какой христіански гуманный взглядъ! Изъ этихъ словъ понятна та твердость и рѣшительность, съ которою современникъ Мономаха, митрополитъ Никифоръ, „печаловался“ предъ этимъ княземъ за осужденныхъ. Митрополитъ очень хорошо зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ образованнымъ и гуманнымъ княземъ-христіаниномъ, которому собственное его сердце подскажетъ личность тамъ, гдѣ слова защитника не будутъ достаточно убѣдительны. „О семъ испытай, княже мой“, писалъ Никифоръ въ одномъ посланіи къ Мономаху, „о томъ помысли: о изгнанныхъ отъ тебѣ, о осужденныхъ отъ тебѣ наказанія ради, о презрѣнныхъ; въспомяни о всѣхъ, кто на кого изреклъ и кто кого оклеветалъ, и самъ судіи разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помяни, и тако сътвори и отпусти, да ти ся отпустятъ и отдаждь, да что ся отдасть. Аще бо не отдамы... грѣхопаденіи человѣкомъ, ни отецъ небесный оставитъ намъ прегрѣшеній нашихъ“... Чтобы князь не подумалъ, что митрополитъ дѣйствуетъ въ этомъ

случаѣ по какимъ либо частнымъ обстоятельствамъ, а не по наставленію церкви, Никифоръ прибавляетъ: „нѣтъ, ради благовѣрія твоего, просто написалъ я такъ на воспоминаніе тебѣ, потому что великія власти великаго напоминанія требуютъ, великую пользу приносятъ онѣ и великимъ грѣхамъ подвержены“.

Обычай печалованія, которымъ такъ знаменитъ былъ въ разсматриваемую эпоху митрополитъ Никифоръ, и который вошелъ въ особенное употребленіе въ позднѣйшее время, въ періодъ Московскаго единодержавія, составлялъ издавна неотъемлемое право духовенства, проистекавшее изъ того высокаго уваженія, какимъ оно пользовалось въ древней Руси. Отсюда понятно то благоговѣніе, съ какимъ Мономахъ говоритъ о почитаніи духовенства, требуя отъ дѣтей, чтобъ они не отклоняли отъ себя лицъ духовнаго сана, но съ любовію принимали ихъ благословенія и молитвы: „епископы, и попы, и игумены съ любовью взимайте отъ нихъ благословенье, и не устраняйтеся отъ нихъ, а по силѣ любите и набдите, да пріимите отъ нихъ молитву отъ Бога“. Владиміръ и на самомъ дѣлѣ глубоко уважалъ духовенство, что видно особенно изъ отзыва о немъ лѣтописца: „Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ егуменомъ, паче же и чернечьскый чинъ любя и черницы любя“....

Итакъ, говоря объ отношеніи власти къ подданнымъ, Владиміръ Мономахъ требуетъ отъ дѣтей-князей прежде всего заботы объ истинномъ правосудіи въ ихъ вотчинахъ, въ частности же соблюденія на судѣ принципа правды и милости. Далѣе онъ совѣтуетъ строго соблюдать крестное цѣлованіе, данное князьями въ обезпеченіе міра страны, наконецъ проситъ князей во всемъ руководиться любовью къ своимъ подданнымъ, особенно любить лицъ духовнаго сана, которыхъ, кромѣ того, уважать и слушаться ихъ совѣтовъ.

Третья мысль, которую развиваетъ въ своемъ поученіи Мономахъ, показываетъ, какъ долженъ человѣкъ относиться

къ самому себѣ, а также опредѣляетъ взаимныя отношенія людей между собою. Вся эта часть Поученія, по своему внѣшнему виду, представляетъ ничто иное, какъ рядъ нравственныхъ правилъ поведенія человѣка въ его обыкновенномъ повседневномъ бытѣ, и съ этой стороны имѣетъ большое внѣшнее сходство съ Домостроемъ попа Сильвестра, также опредѣлявшемъ обыкновенный повседневный бытъ русскаго человѣка своего времени. Но какая огромная внутренняя разница между Домостроемъ древней Руси и Домостроемъ XVI вѣка. На сколько нравствененъ принципъ Домостроя Мономахова, на столько же, можно сказать, безнравствененъ (въ смыслѣ отсутствія нравственной идеи) принципъ Домостроя Сильвестрова. У Сильвестра всюду видно начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ людямъ. Множество его наставленій направлены именно къ тому, чтобы научить—какъ ужиться съ разными людьми въ жизни, и при этомъ только по возможности сохранять правду, жертвуя при случаѣ ею, чтобы не поссориться съ несправедливыми людьми и тѣмъ не повредить ни своимъ добрымъ къ нимъ отношеніямъ, ни другимъ своимъ интересамъ. Такой принципъ уклончивости, примѣнительности и угодливости людямъ, который въ жизни легко переходитъ въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ и въ потворство неправдѣ, такой принципъ, въ концѣ концовъ, можетъ привести къ совершенному безразличію общественнаго мнѣнія и суда надъ людьми несправедливыми, къ уничтоженію прямыхъ и искреннихъ отношеній между людьми и къ совершенному ослабленію нравстренной жизни общества. Совсѣмъ не таковъ взглядъ Мономаха. Не только въ разсматриваемой части Поученія, но и во всемъ этомъ произведеніи, мы не найдемъ ничего сходнаго съ принципомъ Сильвестра. Русскій человѣкъ XII вѣка гораздо нелицемѣрнѣе смотрѣлъ на людскія отношенія и болѣе вѣрилъ въ искренность этихъ отношеній, нежели русскій же человѣкъ XVI вѣка, и въ противоположность послѣднему, скорѣе былъ готовъ пожертвовать собственными

интересами за правду, чѣмъ примѣняться къ обстоятельствамъ, льстить и угождать несправедливымъ людямъ. Вотъ въ какую дурную сторону уклонилась нравственная жизнь XVI вѣка, очевидно, еще носившая тогда мрачные слѣды двухвѣковаго рабства азіатскимъ варварамъ. Но зато какъ свѣжи, какъ отрадны понятія молодой, еще неиспорченной государственными бѣдствіями до татарской Руси! Ея безхитростныя понятія являются подчасъ даже наивными — въ нихъ пріятно звучитъ юношеская неопытность народа, сравнительно съ отталкивающею и холодною старческою расчетливостью современниковъ Сильвестра. Сильвестръ совѣтуетъ, напримѣръ, угостить, а иногда и подарить заѣзжаго купца, съ тѣмъ практическимъ расчетомъ, чтобы купцы, зная гостепріимство человѣка, „мимо его добраго товара не продали“ (гл. XL). Мономахъ также предписываетъ гостепріимство, особенно къ чужеземцамъ, но совсѣмъ не съ такимъ сухимъ матеріальнымъ расчетомъ, какой обнаруживается у Сильвестра. Какъ всякій человѣкъ, Мономахъ не лишенъ былъ нѣкотораго тщеславія; но это чувство выражается у него до крайности наивно, просто и добродушно. Онъ потому совѣтуетъ угощать чужестранцевъ, что они мимоходомъ прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ. „Болѣ же чтите гость“, предписываетъ Мономахъ, „откуду же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ брашномъ и питьемъ, ти бо мимоходячи прославить человѣка по всѣмъ землямъ, либо добрымъ либо злымъ“.

Опредѣляя отношенія, въ коихъ человѣкъ долженъ стоять къ самому себѣ, Мономахъ требуетъ не имѣть гордости ни въ сердцѣ, ни въ умѣ; „но рцемъ: смертни есми, днесь живи, а заутро въ гробѣ“. Онъ хорошо понималъ, что гордость есть величайшій порокъ, который препятствуетъ человѣку идти по пути къ нравственному самосовершенствованію. Гордость ума дѣлаетъ человѣка обыкновенно заносчивымъ, заставляетъ его кичиться нерѣдко мнимыми достоинствами, и черезъ то забывать, что всѣ люди равны, какъ по проис-

хожденію отъ одного Творца, такъ и по одинаковой смертности всего вообще человѣчества. Вотъ почему онъ совѣтуетъ постоянно помнить о смертномъ часѣ: „смертни есмы, днесь живи, а заутра въ гробѣ“, такъ какъ памятованіе о смерти, всегда готовой встрѣтить человѣка, всего лучше умѣряетъ гордость. Но еще болѣе могла казаться Мономаху недостойною христіанина гордость въ сердцѣ, такъ какъ эта гордость окончательно уничтожаетъ христіанскую любовь къ ближнимъ, дѣлаетъ человѣка безсердечнымъ и безчувственнымъ къ несчастіямъ ближнихъ. Онъ совѣтуетъ постоянно говорить себѣ: „се все, что ны (ты) еси (Господи) вдалъ, не наше, но твое, поручилъ вы еси на мало днiй“, и въ силу этой мысли, онъ прибавляетъ: „въ земли не хороните, то есть великъ грѣхъ“, то есть не копите, не прячьте въ землю своихъ прибытковъ, но раздавайте неимущимъ вашимъ ближнимъ; ибо прятать великiй грѣхъ.

Опредѣливъ внутреннее отношеніе человѣка къ самому себѣ, Мономахъ старается указать нѣкоторыя правила внѣшняго поведенія человѣка у себя дома и въ обществѣ. Съ этой стороны, поученіе Мономаха особенно близко сходится съ Домостроемъ Сильвестра, содержащимъ, главнымъ образомъ, наставленія, какъ вести себя дома и въ людяхъ. Но и тутъ нельзя не отдать превосходства Мономаху предъ Сильвестромъ. Сильвестръ непріятно поражаетъ мелочностію своихъ наставленій, часто совершенно излишнихъ. Мелочность Сильвестра доходитъ иногда до того, что онъ, напримѣръ, совѣтуетъ покупать хозяйственные припасы въ свое время (гл. XL), покупать не по мелочамъ, а массой (XLI), купленные припасы сберегать, чтобъ они не испортились или не были раскрадены. Такъ всюду и проглядываетъ черствый, практическiй и расчетливый умъ Сильвестра, который выше всего на свѣтѣ ставитъ, чтобъ „у рубля полтина сберeглась“. Гораздо проще и короче касается всего этого Мономахъ. Онъ говоритъ только: „въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите“, и этого достаточно; тутъ ясно, что домохозяину не должно

лѣниться, но за всѣмъ самому смотрѣть, а при такихъ условіяхъ само собою все будетъ въ порядкѣ. Далѣе у Мономаха прибавляется: „не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ и дому вашему ни обѣду вашему“, и затѣмъ онъ снова говоритъ противъ лѣни особенно на войнѣ, во время которой совѣтуетъ не предаваться продолжительному сну и даже по возможности не снимать оружія во время сна, такъ какъ отъ лѣности не трудно погибнуть на войнѣ: „лѣнощами внезапу бо человѣкъ погибаетъ“. Владиміръ Мономахъ, какъ замѣтно, почему-то особенно часто говоритъ въ своемъ поученіи противъ лѣности. Въ одномъ мѣстѣ поученія онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ лѣность и указываетъ на дурные результаты этого порока: „лѣность бо всему мати, еже умѣетъ, то забудетъ, а его же не умѣетъ, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе“. Не указываютъ ли такія настойчивыя и частыя повторенія наставленій не лѣниться на то, что наши предки отличались неповоротливостью, апатичностью въ веденіи своихъ дѣлъ и отсутствіемъ подчасъ необходимой энергіи? Если эта особенность русскаго характера и въ настоящее время даетъ иногда себя знать, то съ большею вѣроятностью можно предположить то же самое и у современниковъ Мономаха. Отсутствіе необходимой жизненной энергіи и лѣнивый, неподвижный характеръ древняго русскаго человѣка даже побудили русскую проповѣдь того времени употребить свое слово противъ указаннаго общаго недостатка. Въ „поученіи лѣнивымъ, иже не дѣлаютъ“, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Возбуждайте спящая и на дѣло подвизайте ихъ лѣнивыхъ. Аще бо земныя убѣгаете страдъ (трудовъ) вы, то не баныхъ не узрите благыхъ, иже дѣлателемъ Богъ обѣщалъ есть. Отъ труда убо здравіе и отъ страды спасеніе; лѣнивый же, по апостолу, да не естъ... Лѣность бо всѣмъ дѣломъ злыма есть... кто убо на дѣло лѣнивъ, той и о души своей не подвизается“...

Весьма наивны и простосердечны предписанія Мономаха относительно ночныхъ поклоновъ, которые всего лучше отгоняютъ діавола, имѣющаго ночью, по понятію нашихъ предковъ, особенную власть и силу надъ людьми. „Не грѣшите“, говоритъ Мономахъ, „ни одину же нощь, аще можете поклонитеся до земли, али вы ся начнеть, не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола, а что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть“. Убѣжденіе нашихъ предковъ въ томъ, что діаволъ имѣетъ большую силу надъ людьми по ночамъ, сохранялось на Руси отъ далекихъ временъ язычества, по вѣрованіямъ котораго темныя демоническія силы боятся дневного свѣта и начинаютъ свою дѣятельность только при наступленіи ночи и преимущественно въ темныхъ мрачныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ дремучихъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ и водяныхъ омутахъ.

Утромъ вставать послѣ сна Мономахъ предписываетъ до солнечнаго восхода: „да не застанетъ васъ солнцѣ въ постели“. Пробудившись, нужно „первое къ церкви“ и „заутреню“ отдать „Богови хвалу“. Такимъ образомъ, Мономахъ предписываетъ начинать день молитвою въ храмѣ.

Безъ сомнѣнія, имѣя въ виду своихъ дѣтей-князей, Мономахъ совѣтуетъ, немедленно-же послѣ молитвы, „сѣдше думати съ дружиной, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати“. „Спанье“, замѣчаетъ Владиміръ, „есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птица и человѣци“. И дѣйствительно, обычай послѣобѣденнаго, полуденнаго сна былъ во всеобщемъ употребленіи въ древнее время. „И пріндоша (Половцы) въ монастырь Печерьскый“, разсказываетъ лѣтописецъ, „намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ до заутрени“, то есть, послѣ заутрени, около полудня. Несторъ, въ житіи пр. Ѳеодосія, разсказываетъ про нѣкоего Судислава Гедевича, который далъ обѣщаніе пожертвовать двѣ гривны золота и вѣнецъ на икону богородицы въ монастырь Ѳеодосія, но забылъ

исполнить. „И се по днѣхъ нѣкіихъ спящу ему въ полудне“, явилась ему икона, напомнивъ о данномъ обѣщаніи. Обычай полуденнаго сна ведетъ свое начало изъ отдаленной древности. По старинным мнѳическимъ представленіямъ древнихъ языческихъ славянъ, въ полдень, преимущественно на поляхъ, являются какія-то духовныя существа, называемыя полудницами, съ серпами въ рукахъ, и всякаго, замѣшкавшагося на работѣ, эти полудницы останавливаютъ, начинаютъ разспрашивать: какъ обработывать и прясть ленъ и т. д., и кто не устоитъ противъ распросовъ, тому срубаютъ голову серпомъ. Отсюда сонъ въ полдень—самое лучшее средство къ тому, чтобъ избѣжать пагубной встрѣчи съ полудницами.

„Лжѣ блюдися и пьянства, въ томъ бо душа погыбаетъ и тѣло“, предписываетъ Мономахъ. Ложь—порокъ весьма обыченъ въ то темное время, когда нравственное сознаніе было еще до того слабо, что многіе даже не признавали и порока во лжи. Пьянство нужно отнести къ тѣмъ порокамъ, которые достигли наибольшаго развитія въ тогдашнемъ обществѣ. Понятно, что они вызвали Мономаха сдѣлать предостереженіе противъ нихъ своимъ современникамъ.

Мы замѣтили, сопоставляя Сильвестровскій Домострой XVI вѣка съ Поученіемъ Владиміра Мономаха, что въ послѣднемъ отношеніи, долженствующія быть между людьми, рисуется болѣе искренними и правдивыми, сравнительно съ не совсѣмъ честною примѣнительностію и угодливостію людямъ, возведенною въ руководительный принципъ Домостроемъ XVI вѣка. Мы должны прибавить, что эта искренность и правдивость отношеній человѣка къ другимъ людямъ, предписываемая Владиміромъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнута въ высшей степени христіанскою гуманностію, достойною человѣка, воспитавшагося и не при тогдашнемъ, еще весьма низкомъ, уровнѣ общественнаго развитія. Среди человѣческихъ отношеній, отношенія между мужемъ и женою, безспорно, самыя ближайшія и тѣснѣйшія. По понятіямъ цер-

ковнымъ, мужъ и жена составляютъ одно существо, и связь между ними должна продолжаться до самой смерти кого-либо изъ нихъ. Владиміръ Мономахъ хорошо понималъ, что такая тѣсная связь между супругами, проповѣдуемая церковью, невозможна безъ любви, и потому предписываетъ: „жену свою любите“.

Дальнѣйшія предписанія Мономаха объ отношеніи человѣка къ другимъ людямъ (такъ же, какъ и все въ его Поученіи) проникнуты чисто евангельскимъ духомъ: „больного присѣтите, надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы.... убогыхъ не забывайте, но еликo могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ“. Всѣ эти нравственныя предписанія, несмотря на ихъ обще-извѣстность и не новость, имѣли большое значеніе для того времени. Тогда нужны были постоянныя напоминанія и повторенія самыхъ простыхъ и несложныхъ требованій евангельской любви, такъ какъ при всеобщей почти религіозной и нравственной неустойчивости эти требованія скоро забывались. Замѣчательно, что Мономахъ старается, чтобъ и чисто внѣшнія, формальныя и случайныя отношенія между людьми были проникнуты искренностью и глубокимъ участіемъ, чтобы въ нихъ не было даже никакихъ признаковъ грубости, холодности, индиферентизма. „Человѣка не минѣте“, говоритъ онъ, „не привѣчавше (не привѣтствуя), добро слово ему дадите... куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите унеина“, то есть обласкайте, будьте привѣтливы, окажите участіе къ слабымъ, безпомощнымъ бѣднякамъ.

Переходимъ теперь къ заключительной мысли Поученія Владиміра Мономаха.

Въ самомъ концѣ Поученія, Мономахъ приводитъ мысль о промыслѣ Божіемъ, простирающемся на каждый случай жизни человѣческой. Еще въ срединѣ Поученія онъ говорилъ, что въ основѣ всего, всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, долженъ лежать страхъ Божій, то есть постоянная мысль о Богѣ и о томъ, что онъ видитъ всѣ дѣла и помышленія человѣка,

и что потому нужно всегда „страшиться“ оскорбить Его дурными поступками: „се же вы конецъ всѣму — страхъ Божій имѣйте выше всего“. Теперь, какъ бы дополняя прежде сказанное, онъ говоритъ, что въ жизни съ человѣкомъ даже ничего не можетъ случиться безъ воли Божіей. Вотъ подлинныя слова этой заключительной мысли Мономаха: „никто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья, не могутъ отъяти... Божье блюденье лѣплѣе есть человѣческаго“. Поставленныя въ концѣ Поученія, эти слова имѣли значеніе показать, что слѣдуя неуклонно тѣмъ правиламъ поведенія человѣка-христіанина, которыя предлагаются во всемъ поученіи, и чрезъ то, угождая Богу, человѣкъ пусть не опасается, что съ нимъ въ жизни могутъ случиться какія либо несчастія или напрасная смерть, потому что ничего не совершается въ мірѣ безъ воли Божьей, и промыслъ сохранитъ того человѣка отъ всѣхъ несчастій за выполненіе нравственныхъ предписаній Евангелія. Если же человѣкъ не станетъ исполнять заповѣдей Божіихъ, то охраняющій промыслъ оставитъ его, и пусть онъ тогда не надѣется на людей: „ни отецъ, ни мать, ни братья, не спасутъ его, ибо Божье блюденье лѣплѣе есть человѣческаго“.

СЛОВАРЬ.

А.

Абіе, абье. Тотчасъ, немедленно.
Амо. Куда.
Атъ, ать. Да, дабы, то, да, пусть.
Аци. А ежели.
Аче. См. аще.
Аще. Если, хотя, когда.

Б.

Биричь. Полицейскій, объявлявшій народу распоряженія власти; глашатай.
Бо. Ибо, потому что.
Божонка. Церковь, часовня.
Больми. Весьма, болѣе, крѣпче, сильнѣе.
Болонье, болонь. Пространство между двумя валами, окружавшими городъ; предмѣстье.
Болъ. Прош. вр. гл. бости, бодать.
Борзый. Скорый.
Боръ; мн. ч. **борове.** Сосновый лѣсъ.
Бохмитъ. Магометъ.—**Бохъмичь.** Магометанскій.
Бранити. Запрещать.
Братеникъ. Братъ.
Братичичъ. Сынъ брата.
Брашно. Пища вообще, снѣдь.
Бчелка. Боченокъ.
Бѣла. Бѣлка.
Бѣль. Бѣличьи шкуры, въ качествѣ древней монетной единицы.

В.

Вабить. Подбивать, приманивать, призывать.
Варити. Предварить, предупредить, приманивать.
Вгажати, прич. наст. **вгажающе.** Угождать, нравиться.
Вдати, прич. усѣч. **вдадуче.** Вручать, выдавать.
Вдаша на щиты. Отдали въ плѣнъ ратникамъ.
Ведро. Зной, засуха, жаръ.
Вежа. См. вѣжа.
Ветъхъ. Ветошь, тряпка.
Взорати. Вспахать.
Видѣти, прич. усѣч. **видѣ.**
Вира. Пеня за уголовное преступленіе.
Взяти, прич. усѣч. **возма.**
Воину, выну. Всегда.
Волшьство. Колдовство.
Волъшвеніе. Волхованіе.

*

Ворожбитъ. Врагъ.
Воропъ. Нападеніе, атака.
Вотола. Ткань изъ льна и поскони. Верхняя одежда.
Вотолопъ. Сдѣланный изъ вотолы.
Впити, въпити. Вопить, кричать.
Времяньный. Прошедшій, прошлый.
Възняти; прош. соверш. дв. ч. **възняста.** Поднять.
Вспяти; прош. соверш. мн. ч. **въспяша.** Поднять.
Въстягнутися. Удерживаться, крѣпиться, воздерживаться.
Въсхопитися; прич. прош. усѣч. **вьсхопивъся.** Вскочить.
Вѣверица. Вѣкша, бѣлка, ласочка.
Вѣдѣти; дв. ч. **вѣвѣ.** Знать.
Вѣжа. Шатеръ, палатка; башня.
Вѣно. Плата за невѣсту, выводное.

Г.

Галица. Галка.
Гобино. Урожай, обиліе, довольство.
Година. Пора, время, часъ.
Годъ. Время, пора.
Горѣ. Вверхъ.
Гребля. Насыпь.
Гридь. Тѣлохранители князя, дружина.
Гридьница. Помѣщеніе при дворцѣ для стражи.
Гробля. Окопъ, ровъ.
Груденъ. Ноябрь мѣсяцъ.
Груда. Распутица; отсюда грудный.
Грѣшиться. Промахнуться.
Гугнанье. Косноязычіе, заканіе.
Гугнивый. Коснойзычный, заикающійся.
Гугнявый. Гнусливый, говорящій въ носъ.

Д.

Дебелъ. Толстый, полный, грубый.
Деместникъ. Пѣвчій.
Дивій. Дикій, свирѣпый, грубый.
Дну. Внутрь.
Дънѣшній. Внутренній.
Долѣ. Внизу.
Дѣля. Для, ради.
Дѣтескъ. Малъ, молодъ.
Дѣтьскый. Отрокъ, состоявшій при князѣ.

Е.

Единѣць. Дикій кабанъ.
Еже, иже, яже. Которое, который, которая; что, если, когда.
Елико. Сколько.
Елма, ельма. Когда уже.
Етеръ. Другой, иной, нѣкоторый.

Желвь. Желвакъ.
Женути; наст. вр. мн. ч. **женуть.** Гнать.
Жерло. Гярло, устье рѣки.
Жито. Поле.
Жрьти; жрѣти, прош. вр. **жряху.** Приносить жертву.

З.

Забороло. Заборъ, стѣна, ограда; забрало.
Забральный. Принадлежащій къ забралу.
Заводивше кресту. Приведя ко кресту, къ присягѣ.
Закыханье. Чиханье.
Зане. Ибо, потому что.
Заратиться. Начать войну.
Запона. Завѣса, покровъ.
Засобь. Особо.
Заходивше ротѣ. Принявъ присягу.
Заступа. Уступъ.
Заяти; прош. вр. **зая.** Захватить, занять.
Знамянья. Памятники.

И.

И, я, е. Онъ, она, оно.
Иждену. Изгоню.
Иже, яже, еже. Который,—ая, —ое.
Излиха. Излишне, особенно много сверхъ того.
Изънимати. Взять въ плѣнъ.
Имемся по дань. Беремся платить дань.
Индиктъ. 15-ти лѣтній періодъ времени, начиная съ 1 сентября; число этого періода, соотвѣтствующее данному году.
Индитья. Престольная одежда.
Ирій. Теплая страна, куда на зиму улетаютъ птицы; свѣтлое заоблачное пространство.
Исполчитися. Построиться въ боевой порядокъ.
Истопка, истьба. Изба.
Исходище. Истокъ рѣки; распутье.

К.

Казати; прич. наст. **кажай.** Наказывать, казнить.
Кало. Пометъ.
Кальній. Нечистый, грязный.
Клада. Костеръ, бревно. См. колода.
Клѣть. Холодная изба, кладовая.
Ключитеся. Приключиться, случиться.
Кметь, кметье. Воинъ, витязь, дружинникъ.
Кобь. Гаданіе по примѣтамъ.
Кола. Колесо; телѣга, дровни.
Колода. См. клада.
Колодникъ. Узникъ, арестантъ.
Комонь. Конь.
Корзно. Верхняя одежда, епанча.
Кормилецъ. Пѣстунъ, дядька, воспитатель.
Корста, керста. Гробъ, гробница.
Котка. Кошка.
Котопанъ. Чиновникъ, служилый.
Котора. Распря, раздоръ, смута.
Которатися. Спорить, ссориться.
Кромѣ. Безъ, внѣ, въ сторону.
Кропійный, кропинный. Полотняный.
Крьнеть. Купить.
Кресити, крѣсити. Воскрешать.
Кубара. Судно, ладья.
Куна. Кунья шкурка, какъ монетная единица.

Л.

Лагодить. Отдаваться, предаваться чему.
Латка. Глиняная сковорода.
Лименъ, лиманъ. Заливъ.
Ловище. Мѣсто, гдѣ ловятъ звѣрей, рыбу.
Луда. Верхняя одежда, плащъ.
Лука. Морской извилистый берегъ. Коварство, обманъ.
Лукно, лукъно. Лукошко, мѣра сыпучихъ тѣлъ.
Лыскарь. Лопата.
Лѣпокъ. Приворотное зелье.
Лядь. Мореходное судно, ладья.
Лядьный. Корабельный.

М.

Мѣдуша. Погребъ для храненія меда и другихъ напитковъ.
Мовь, мовня. Баня.
Мотыка. Заступъ.
Мъскъ, мъска. Мулъ.
Мыто. Пошлина за проѣздъ.

Н.

Набъдѣти; прич. усѣч. **набдя.** Снабжать, надѣлять, хранить.
Навье. Мертвецъ.
Налѣзти. Добыть, найти.
Намѣнити. Упомянуть.
Наполы. Пополамъ.
Напрасный. Внезапный, нечаянный.
Напяти. Растянуть, напялить.
Нарочитый. Отличный, знаменитый, важный.
Нарубити. Сгонять, набирать силой.
Насадъ. Плоскодонное судно.
Населникъ. Поселенецъ, житель.
Насмисатися. Насмѣхаться.
Находникъ. Пришлецъ.
Невѣгласъ, невѣголосъ. Невѣжда.
Недѣля. Воскресный день.
Неключимый. Негодный, безполезный.
Нетій, мн. ч. **нети.** Племянникъ по сестрѣ.
Ноли. Даже.

О.

Оброщити. Окрасить, запятнать.
Ово. То-то, или, либо, ли.
Овогда, овъгда. Иногда.
Овый. Иной.
Овгюхъ. Овгаръ.
Огребатися. Удаляться, уклоняться.
Одалати. Одолѣвать.
Одва. Едва.
Одобьлѣть. Отвердѣть, ожесточиться.
Одрина. Опочивальня, жилой покой.
Оже. Ежели, когда; что, потому что.
Оканьніи. Окаянный.
Оксапсалма. Шестисалміе.
Оле. Еле.
Оли. Даже, а, пока.
Олядь, олядія. Судно, ладья. См. **лядь.**
Оправливати. Давать судъ и расправу, судить.

Опрати. Вымыть, омыть. Попирать ногами.
Орудіе, орудье. Дѣло.
Острогъ. Укрѣпленіе изъ бревенъ.
Отай. Тайно.
Отень. Отчій, отеческій.
Отя. Отбилъ.
Отрокъ. Служитель, рабъ при дворѣ князя.
Очитить. Послышать, ощупать.
Охабитися. Удаляться, оберегаться.

П.

Паволока. Шелковая или полотняная ткань.
Паволочитый. Сдѣланный изъ паволоки.
Пардусъ. Барсъ.
Перевѣсище. Мѣсто, гдѣ развѣшивались сѣти для ловли звѣрей и птицъ.
Перегъбѣхъ. Перегибы въ одеждѣ, складки.
Переклюкать. Перехитрить.
Плищъ. Шумъ и крикъ.
Поверзывати. Привязывать.
Повозъ. Подводная, извозная повинность.
Повозникъ. Возница, кучеръ.
Повостъ. Волость, округа.
Повръщи. Повергать.
Погребъ. Темница.
Подъклада. Потникъ подъ сѣдломъ.
Подпасть; прич. усѣч. **подъпадше.** Подкрасться.
Подтыкать; прич. **подътокше.** Подстрекать.
Покосный. Удобный, попутный.
Поохритатися. Посердиться, подосадовать.
Попинъ. Попъ.
Поприще. Мѣра путевой длины.
Попріяти. Споспѣшествовать, помочь.
Порещи. Упрекнуть, охулить.
Породный. Природный.
Породитися. Возродиться.
Порты. Одежда, ткань.
Порубъ. Темница, острогъ.
Послухъ. Свидѣтель.
Подстрегтать. Заскрежетать.
Потяти; буд. вр. **потнемъ.** Убить.
Потъснутися. Поспѣшить, постараться.
Потягнути. Напрячь силы, устремиться.
Превабити. Переманить.
Пря; предл. п. **при.** Споръ, тяжба, распря.
Пря. Парусъ.
Привабити. Привлечь, призвать.
Припловить. Сдѣлать что вполовину.
Приполъ. Пола.
Приспа. Насыпь.
Пристряпати. Устремиться, приступить.
Протяскли бяху. Лежали плотно, прилипли.
Пробѣгли суть. Пропали.
Проваръ. Напитокъ, приготовленный въ одинъ заторъ, въ одинъ пріемъ.
Продажа. Убытокъ; незаконный поборъ.
Проказа. Несчастіе, преступленіе.
Прокъ. Остатокъ.

Проскѣпъ. Тиски, клещи.
Протолка. Узкій протокъ, рукавъ рѣки.
Пругъ; мн. ч. прузи. Саранча.
Писати. Писать.
Пуша. Пуща, чаща, густой лѣсъ.

Р.

Разсваритися. Разссориться.
Рака. Гробъ.
Рало. Плугъ, соха.
Рамѐно, рамяно. Очень, сильно.
Рамо. Плечо.
Растяти, растинати. Разсѣкать, разрубать.
Рогаліе. Землекопное орудіе.
Родинъ. Родственникъ.
Роженье. Дитя.
Ролья. Пашня.
Ропать. Капище.
Росутися; прич. нескл. росулися. Разсыпать, разсѣять.
Рота̀. Клятва, присяга.
Рубль. Обрубокъ, клинъ; $^1/_4$ ч. разрубленной гривны.
Рухло. Домашняя утварь.
Рѣнь. Отмель, коса.

С.

Сани. Родъ повозки, на которой возили покойниковъ.
Сваживать. Смущать, ссорить.
Сваритися. Ссориться, браниться.
Сватиться. Сближаться, дружиться.
Свѣдѣти; 1 л. дв. ч. свѣвѣ. Знать.
Се. Вотъ.
Скважня. Скважина.
Скедія. Лодка.
Сколо̀та. Смута.
Скора̀. Шкура животныхъ; рухлядь мягкая.
Скотъ. Деньги.
Скотница. Казнохранилище.
Скупити, совкупити. Соединить, собрать.
Скупъ, скунь. Сборъ.
Скутъ. Пола у одежды.
Слебное. Посольское.
Смердъ. Человѣкъ простого званія, селянинъ.
Снемъ. Собраніе, сеймъ, сонмъ.
Снятися. Собираться.
Солба. Посольство.
Солъ. Посолъ.
Сомжарити. Смежить, зажмурить.
Спрятати. Убирать, одѣвать.
Средовичь. Человѣкъ среднихъ лѣтъ.
Становище. Мѣсто остановки; хуторъ.
Столпье. Ограда.
Страпь. Цѣль, мишень.
Строй земленъ. Земское устройство, распорядокъ.
Стрый. Дядя по матери.
Стрѣлище. Разстояніе полета стрѣлы.
Стрѣха̀. Крыша, кровля.
Стужати. Докучать, стѣснять.
Стягъ. Знамя.
Стяжати. Снискивать, пріобрѣтать, содержать.
Сустугъ. Застежка.
Съсудъ, сосудъ. Орудіе.
Съсути. Ссыпать.
Сыновець. Племянникъ.
Сѣмо. Сюда.

Т.

Та. И, да.
Таже, тажде. Потомъ.
Таль. Заложникъ.
Тачѳ. Также.
Тезъ, тьзъ. Тотъ-же, одноименный.
Темьянъ. Ѳиміамъ.
Те(п)ти; прич. **тепѳнома.** Бить.
Тивунъ, тіунъ. Судья низшей инстанціи, сельскій прикащикъ.
Товаръ, таборъ. Военный станъ, обозъ.
Толи. Тогда.
Толѣстина. Холстина.
Тощь. Пустой, тщетный, безполезный.
Требить путь. Исправлять, очищать дорогу.
Трусъ. Землетрясеніе, ураганъ.
Трызна. Воинскія игры въ память усопшаго, поминки.
Трѣска. Колъ.
Тутьнъ. Стукъ, гулъ, шумъ, громъ.

У.

Уводы. Похищеніе.
Увозъ. Перевозъ, спускъ съ берега.
Удѣялся. Сдѣлалось.
Удъ. Членъ тѣла.
Ужикъ. Родственникъ.
Ужь. Канатъ, веревка.
Узорочье. Драгоцѣнныя вещи и ткани съ литыми, рѣзными, шитыми или ткаными узорами.
Уй. Материнъ братъ.
Уклады. Оклады дани, налогъ.
Умыканіе. Увозъ невѣсты.
Умыкивать. Похищать.
Унеинъ (отъ оунити—просить). Просящій милостыню, бѣднякъ.
Уньтій. Лучшій.
Унецъ; мн. ч. **унци.** Молодой быкъ или молодой олень.
Упругъ. Мачта.
Упрѣти. Переспорить, одержать верхъ въ преніи.
Уранити. Подняться рано.
Урокъ. Оброкъ, подать, окладъ.
Услѣти. Принести пользу.
Усніе. Сыромятныя кожи.
Усніянъ, усніяный (квасъ). Наваръ изъ кислой травы, которымъ мылись въ банѣ для очищенія кожи; щелокъ.
Усрѣсти. Встрѣчать.
Утлъ. Дырявый.
Утлизна. Скважина, дыра.
Утолочити. Промять, притоптать.

Ф.

Фофудья. Кафтанъ.

Х.

Харатья. Хартія, пергаментъ.
Хвощеватися. Натирать тѣло въ банѣ хвощемъ, чѣмъ-нибудь жесткимъ.
Хлѣбное. Съѣстные припасы.
Холопъ. Свободный человѣкъ, но за долгъ обязавшійся служить другому.
Хрусть; мн. ч. **хрустове.** Насѣкомое хрущъ.
Хъза. Кожа.

Ц.

Ци, цы. Что, вопросит. част.
Цѣжь. Жидкій, кисельный растворъ.
Цѣрь. Сѣра, фитиль.

Ч.

Чадь. Дружина, челядь.
Череви. Обувь.
Чермень. Румянъ.
Чи. См. ци.
Чинъ. Пора, время.

Ш.

Шибнути. Ударить.

Щ.

Щьлягъ, шлягъ. Монета шиллингъ.

Я.

Ядро. Нѣдро.
Яже. См. еже.
Язвено. Язва.
Ятися; прош. вр. **яся.** Взяться, доставаться.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
МОСКОВСК. ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ